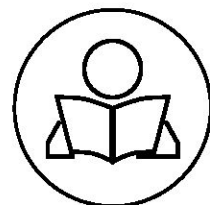

НАУКА

И БИБЛИОТЕКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК **7**

БИБЛИОТЕКА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКА И БИБЛИОТЕКА

Сборник научных трудов

Выпуск 7

Санкт-Петербург
2023

УДК 02:050
ББК 78.3я5
Н34

Рецензенты:

доктор исторических наук С.Н. Искюль,
кандидат технических наук Ф.М. Лурье

Редакционная коллегия:

Н.С. Андреева, И.М. Беляева, Н.Н. Елкина,
В.А. Клишева, Н.В. Колпакова (отв. ред.),
М.П. Лепехин, О.В. Скворцова, О.В. Холмогорова

Н34 Наука и библиотека: сборник научных трудов.
Вып. 7 / отв. ред. Н.В. Колпакова. — Санкт-Петербург: БАН,
2023. — 218 с.
(Серия: Летопись Библиотеки Академии наук).

ISBN 978-5-336-00317-8 (вып. 7)

Библиотека Российской академии наук продолжает издание сборников научных трудов в серии «Летопись Библиотеки Академии наук».

Седьмой выпуск научных трудов традиционно составляют труды сотрудников библиотеки, а также работы представителей других учреждений, тематически связанные с его проблематикой.

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК: 90 ЛЕТ ПРОЕКТА

Горская Л.И.		
«Библиография изданий Академии наук»:		
старейший библиографический проект Библиотеки Академии наук		5
Белинская М.А.		
Перспективы развития электронного формата		
«Библиография изданий Академии наук»		13
Пономарева Н.В.		
Методология и методика библиографирования изданий Академии наук		17
Хаздан С.Е.		
«Указатель изданий Академии Наук СССР» в 1944 году		22
Горская Л.И., Петрова Н.М.		
О работе группы по подготовке указателя «Библиография изданий		
Академии наук» ОИАН БАН		30

РАВИЧ Л.М. — ИМЯ, ДОСТОЙНОЕ ПАМЯТИ...

Буринская Е.Н.		
Любовь Моисеевна Равич — имя, достойное памяти		38
Леликова Н.К.		
Творческое наследие Л.М. Равич		41
Свиченская М.К.		
Архив ученого и современника: о материалах Л.М. Равич		
в Российской национальной библиотеке		52
Равинский Д.К.		
«История — это судьба»		64
Пономарева Н.В., Вешкурцева А.С.		
Переписка Л.М. Равич с А.В. Ратнером: по неопубликованным материалам		
Кабинета библиотековедения БАН		69
Щиченко О.А.		
«Тепло души, игра ума...» (О моем наставнике Л.М. Равич)		75
Фридман Е.		
Любовь Моисеевна Равич		87

ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Беляев Н.С.		
Книги из собрания Ф.Е. Корша в библиотеке Пушкинского Дома и		
опыт создания описания собрания ученого		
в Библиотеке Академии наук в 1920-е гг.		89

Кнорозова Е.Ю. Вьетнамская классическая поэзия в России	106
Федотова П.И. «Семо къ въстоку до предела Симова...»: к проблеме местожительства летописных варягов	118
Иванов И.А. Проблема отбора информации в консервации-реставрации богослужебных предметов	131
Перекрест С.В. Проблемы классификации микроорганизмов и систематизации литературы по микробиологии	138

ЛЮДИ И КНИГИ

Андреева Н.С. В.А. Плавильщиков и книжная торговля Академии наук: к вопросу о сотрудничестве (1816–1817 гг.)	143
Лепехин М.П. Из истории академического литературоведения: Т.Г. Шевченко, Федор Сологуб и А.П. Могилянский в их взаимоотношениях	150
Волкова Н.А., Сидоренко Н.А. Библиограф от Бога: к 100-летию со дня рождения Наталии Михайловны Розовой	176
Клещук С.Е. Россия — США: Наука и библиотеки	182
Ануфриева Е.Н., Питулько Г.Н. Культурное пространство библиотеки Валленродтов: эпизод Симона Даха	206

Л.И. Горская

**«БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК»:
старейший библиографический проект Библиотеки Академии наук**

Горская Лариса Игоревна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lvaganova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Прослеживается история формирования в БАН системы текущего библиографического отражения изданий Академии наук. Выделены и охарактеризованы основные этапы, отмечены положительные и отрицательные стороны проекта, описан опыт Отдела изданий Академии наук БАН по автоматизации процесса библиографирования академического документального потока с применением разных пакетов прикладных программ ППП CDS\ISIS\M (DOS), WinISIS, ИРБИС, обозначены дальнейшие задачи.

Ключевые слова: Российская академия наук, Библиотека Российской академии наук, Отдел изданий Академии наук, библиографирование, ежегодник «Библиография изданий Академии наук», ППП CDS\ISIS\M, WinISIS, ИРБИС.

В 2025 г. Российская академия наук будет отмечать свой 300-летний юбилей. Библиотека Академии наук по праву может гордиться тем, что на протяжении вот уже одной трети пути непрерывно собирает, сохраняет, раскрывает, пропагандирует и транслирует ее достижения.

Анализируя библиографические ресурсы, созданные за длительный период сотрудничества библиотеки и Академии наук, можно выделить два основных направления библиографирования академических изданий: создание ретроспективных библиографических сводов и текущий библиографический учет.

Как показало время, идея оперативного систематического отражения академического документального потока оказалась востребованной и воплотилась в долгосрочном проекте Библиотеки Академии наук, за которым закрепилось название «Библиография изданий Академии наук».

Взяв за основу классификации принцип однородности создаваемой библиографической продукции (с учетом технологии ее создания и формы существования), в истории текущего библиографирования изданий АН условно можно выделить 4 основных этапа:

1-й этап. 1930 — середина 1930-х.

2-й этап. Середина 1930-х — 1-я половина 1950-х гг.

2.1. Середина 1930-х — 1940 гг.

2.2. 1941–1945 гг.

2.3 2-я половина 1940-х — 1955 гг.

3-й этап. 2-я половина 1950-х — середина 1990-х гг.

4-й этап. Середина 1990-х — настоящее время.

4.1. Середина 1990-х — начало 2000-х гг.

4.2. Начало 2000-х — 2010 гг.

4.3. С 2010 г. по настоящее время.

Мы позволили себе раздвинуть хронологические рамки и начать историю проекта не с 1957 года — времени выхода 1 тома ежегодника «Библиография изданий Академии наук СССР», а с 1930-х гг., когда впервые воплотилась идея регулярного информирования о научных публикациях Академии наук.

На первом этапе приоритетной задачей стала разработка методики подготовки ежегодных библиографических указателей изданий Академии наук СССР, к выпуску которых БАН приступила в 1931 г. [1].

До середины 1930-х гг. вышло четыре указателя [2]. В общей сложности в них были отражены 812 изданий, опубликованных учреждениями АН СССР и поступивших в БАН в период с 1930 по 1933 г.

Каждый выпуск содержал 2 части — алфавитную («Алфавитный указатель [вып. за 1930 г. — список] изданий Академии наук СССР за ... г.») и систематическую («Систематический указатель изданий Академии наук СССР за ... г.» / «Систематический указатель работ, помещенных в изданиях Академии наук СССР в ... г.»). Объектами библиографического отражения второй части являлись не только отдельные издания, но и статьи, рецензии и критические заметки из научных периодических и продолжающихся изданий (всего 6985 библиографических записей). Справочно-поисковый аппарат включал именной указатель.

Указатели выходили под редакцией Константина Иларионовича Шафрановского (за исключением первого выпуска, подготовленного под руководством Лидии Викторовны Булгаковой) достаточно большим тиражом (от 500 до 1175 экз.) как приложение к годовому отчету АН СССР.

2-й этап (середина 1930-х — 1-я половина 1950-х гг.) можно охарактеризовать как период накопления опыта и массива библиографических записей.

Следует отметить один важный и показательный для проекта факт: начиная с 1930-х гг. до настоящего времени работа по текущему библиографическому учету изданий Академии наук не прекращалась. Однако результаты этой работы не всегда имеют завершенную форму библиографических указателей. Это, прежде всего, касается второго периода. Массивы библиографических записей на издания Академии наук СССР за 1934–1955 гг. хранятся в отделе изданий Академии наук БАН в машинописном виде и в виде картотек.

Ориентируясь на формы, в которых сохранились результаты библиографического отражения академических изданий этого времени, можно выделить 3 хронологических отрезка.

Первый хронологический отрезок представлен неопубликованными библиографическими указателями изданий Академии наук СССР за 1934–1940 гг. (1) Каждый указатель имеет 2 части: алфавитный перечень изданий и указатель имен. Выпуски за 1934–1937 гг. под заглавием «Алфавитный указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в ... г.» состоят из 2 томов машинописных книг. Указатели за 1938–1940 гг. с названием «Список изданий Академии Наук СССР, поступивших в Библиотеку Академии Наук СССР в ... г.» сохранились в виде комплекта папок, состоящих из отдельных тетрадей (2). Все пособия

были подготовлены в 1938–1940 гг. Созданный комплекс указателей отличался от уже опубликованных алфавитной группировкой материала, которую в будущем предполагалось систематизировать.

В сложное военное время (второй хронологический отрезок) работа над составлением текущих библиографических указателей академических изданий продолжилась, несмотря на отсутствие возможности их издания. Долгое время указатели военного периода хранились в ОИАН в машинописном виде [3].

Но труд библиографов не пропал. В 2006–2011 гг. в рамках серии «Мемориальный проект» [4] после доработки и редактирования машинописных указателей за 1941–1945 гг. были изданы 5 томов «Алфавитного указателя изданий АН СССР» военного периода [5].

В последующий период (третий хронологический отрезок) налаженная в БАН в 1930-е гг. текущая регистрация изданий Академии наук не получает должной издательской поддержки и к началу 1950-х гг. угасает. Ее результаты хранятся в фонде отдела изданий Академии наук БАН в виде разрозненных библиографических картотек на книги, статьи из журналов и сборников, авторефераты диссертаций АН (3).

Анализируя способы отбора и группировки документов, состав элементов библиографического описания, справочно-поисковый аппарат текущих библиографических пособий первого и второго периодов, следует отметить, что постепенно вырабатываются единые методические принципы библиографирования академических изданий: материал организован в алфавитном порядке, снабжен необходимым поисковым аппаратом, включающим систему отсылок, именной указатель, указатель учреждений; библиографическая запись в указателях составлена кратко, что было логично для текущей регистрации; в одном ряду приводились монографические и сводные описания; аналитические описания отсутствовали; составители раскрывали содержание сериальных изданий и сборников в аннотациях, перечисляя все составные части документа без указания страниц.

3-й этап (2-я половина 1950-х — середина 1990-х гг.). Систематический выпуск библиографических указателей академических изданий, но уже по иным методическим принципам, начинается во второй половине 1950-х гг. Первый том нового ежегодника был издан в 1957 г. (4) [6].

Задача сотрудников библиотеки состояла в организации системы регулярной информации о новейшей научной литературе, опубликованной учреждениями Академии наук СССР. Поэтому применяется формальный способ группировки, воспроизводящий ведомственную структуру АН СССР, материал располагается по отделениям академии, а внутри — по институтам и другим ее организациям.

Объектами библиографического отражения являются издания АН СССР (впоследствии — Российской академии наук), подготовленные и выпущенные академическими учреждениями, в том числе совместно с другими научными организациями, и поступившие в БАН в истекшем году, за исключением учебников для средней школы, изданий типа проспектов и тематических планов издательств. До 26 т. аналитически расписывались сборники научных трудов.

Справочно-поисковый аппарат включает именной указатель, систематический указатель, указатель периодических и продолжающихся изданий.

За первые 30 лет систематического учета академического документального потока было суммарно отражено 140 771 научное издание.

Изменения в политической и экономической жизни России 1990-х гг. стали причиной прекращения издания ежегодных указателей. Последний перед длительным перерывом 38 том «Библиографии изданий Российской Академии наук» был опубликован в 1995 г. [7].

Однако, несмотря на сложные политико-экономические условия, общие для всей страны, текущий учет академических изданий не прекращался. Два тома (т. 39 — за 1994 г., т. 40 — за 1995 г.) были подготовлены в машинописном варианте и изданы в дальнейшем в рамках «Мемориального проекта» [8].

Переход на 4-й этап (середина 1990-х — настоящее время) развития проекта вызван автоматизацией процесса библиографирования изданий АН. На этом пути отчетливо просматриваются три хронологических отрезка, обусловленных доминированием того или иного применяемого программного обеспечения.

4.1. (Середина 1990-х — начало 2000-х гг. ISIS). В 1994 г. сотрудниками Отдела автоматизации начинается разработка локальной автоматизированной библиотечно-информационной системы на основе пакета прикладных программ CDS\ISIS\M (DOS). В ОИАН создается многобазовый массив, содержащий справочные, авторитетные и технологические базы данных (БД) [8]. К вводу данных библиографы ОИАН приступили в декабре 1996 года с помощью оригинальной программы ISISMain.EXE. Программа создавала заготовки для отдельных томов ежегодника (2 ряда БД: книги и статьи из сборников).

Основой системы стала специально созданная база данных академических учреждений — подобие авторитетного файла коллективов. Корпус каждого выпуска формировался по специальной иерархической схеме, в которой разделы были представлены отделениями РАН, подразделы — организациями и учреждениями академической сети. Предполагалось, что результатом этой работы станет вывод на печать традиционного ежегодного библиографического указателя: автоматизированным способом будет формироваться текстовый файл оригинал-макета, который далее должен был доводиться до окончательного вида средствами издательской системы. Однако систематически формировать печатные версии не удалось. На пути реализации этого проекта встали технологические, финансовые и кадровые трудности.

Осознание того, что печатных изданий ежегодника не будет, привело к тому, что разработчикам системы, более перспективной с точки зрения реализации, показалась идея подготовки электронных поисковых информационных систем в виде CD-ROM. В 2000–2002 гг. в качестве пилотных проектов сотрудниками Отдела автоматизации В.В. Рубцовым и А.К. Багажковым подготовлены 2 компакт-диска «Библиографии изданий Российской Академии наук» (тома 41 и 42, отражающие поступления в БАН за 1996 и 1997 г.) (5).

С другой стороны, версия программы, нацеленная на формирование печатного оригинал-макета, была заброшена, принятая в ОИАН система досконально не апробирована. Таким образом, библиографы отдела в течение 20 лет добросовестно, ответственно и честно выполняли свою профессиональную работу — отбирали издания Академии наук, описы-

вали их, вводили данные в систему, которая, возможно, и не предполагала завершения информационного продукта, а оказалась экспериментальной площадкой.

В результате этой работы было создано более 15 БД, введено более 120 000 библиографических записей. Закончен ввод данных в БД, соответствующие томам 43–46, 48 (поступления в БАН в 1998–2001, 2003 гг.). Продолжается ввод библиографических данных для томов 49–52 (поступления в БАН в 2004–2006 гг.). При этом не был издан ни один том, не подготовлен ни один CD-ROM на данной платформе.

4.2. (Начало 2000-х гг. — 2010 г. WinISIS). В поисках выхода из сложившейся проблемной ситуации сотрудники ОИАН пробовали менять программное обеспечение для автоматизированного создания ежегодника. Так, с 2001 г. предпринимались попытки использования Пакета прикладных программ WinISIS (версия 1.5-3). Работа велась одновременно в двух направлениях: библиографирование потока и ретроконверсия имеющегося библиографического массива (из ISIS в WinISIS), попытка «сборки» законченных томов. На базе ППП WinISIS в ОИАН была создана локальная многобазовая система, которая содержала библиографические, технологические и справочные БД [10].

Однако, задача автоматизированного формирования и вывода на печать ежегодников, и в этот раз не была решена. АБИС отдела имела количественные ограничения объема данных, что негативно сказалось на устойчивости ее работы. Также не удалось без потерь конвертировать данные из созданных ранее в среде CDS\ISIS\M БД и сохранить целостность библиографических записей, включающих 2 уровня: монографическое описание издания и аналитическую роспись статей из него. Полностью разработана и введена в эксплуатацию одна БД — «Авторефераты диссертаций» (содержала около 2000 библиографических записей). Библиографическая запись была более полной, чем это было традиционно принято, и включала дополнительные сведения: о научном руководителе, оппонентах, месте и дате защиты, ведущей организации.

4.3. (с 2010 г. по настоящее время. ИРБИС). С 2010 года формирование «Библиографии изданий РАН» ведется с помощью системы ИРБИС. ИРБИС, являясь типовой информационно-библиотечной системой, потребовала доработки для решения специфических задач нашего отдела, в первую очередь, для подготовки библиографического указателя «Библиография изданий РАН».

Адаптация ИРБИС ведется по двум основным направлениям: 1) текущий ввод информации о новых поступлениях; 2) работа с ретромассивами (преобразования накопленных массивов из среды ППП CDS\ISIS\M, ППП WinISIS в среду ИРБИС).

Основой формирования ежегодника первоначально стал авторитетный файл «Учреждения РАН», включающий в себя информацию обо всех научных учреждениях РАН, где каждому элементу ее иерархической структуры был присвоен свой код, позволяющий при выгрузке данных собирать библиографические записи под рубрику того учреждения, которое было ответственным за подготовку и выпуск издания.

Переход на ИРБИС позволил централизованно использовать библиографические записи из ЭК БАН, вносить необходимую корректировку

в соответствии с потребностью формирования ежегодника. Так, например, для обработки потока в БД ОИАИАН введено новое поле — 966 «Учреждения РАН».

Анализ всего комплекса библиографических ресурсов позволил выявить сильные и слабые стороны проекта.

Несомненными достижениями являются разработка методик текущего библиографирования изданий Академии наук, накопление огромного массива библиографических данных, с достаточной полнотой и последовательностью отражающего научную деятельность Академии наук за 90 лет советского и постсоветского периодов и сохраняющего результаты этой деятельности в едином структурированном ресурсе, кумулирующем монографические и аналитические описания научных публикаций.

К проблемам проекта можно отнести: 1) дискуссионность базисного понятия «академическое издание»; 2) отсутствие устойчивых критериев отбора документов; 3) отсутствие преемственности в работе; 4) отсутствие экспериментально апробированных технологий электронного библиографирования; 5) отсутствие на протяжении длительного времени единой стратегии развития электронных ресурсов; 6) отсутствие дополнительной финансовой поддержки проекта; 7) дефицит кадров; 8) лакуны в библиографическом отражении документального потока Академии наук (наиболее проблемные участки: 1946–1955 гг.; 2004–2008 гг.); 9) недоступность пользователям большей части ресурса.

Перспективы проекта связаны с переходом всей библиотеки на единую автоматизированную систему — ИРБИС, возможностью постоянного рабочего контакта с сотрудниками Отдела автоматизации. Так, при участии заведующей отделом автоматизации М.А. Белинской подготовлен к печати и издан 43-й том «Библиографии изданий Российской академии наук» [11]. В настоящее время ведется перевод в ИРБИС 4 томов (тт. 44–46, 48), созданных ранее в среде ISIS, и предоставление пользователям открытого доступа к ним на сайте БАН.

Как известно, последние десятилетия принесли академической науке масштабные изменения зачастую негативного характера. Инициированная в 2013 г. Правительством Российской Федерации реорганизация академического сектора российской науки привела к перестройке всей системы академических учреждений в стране, изменила механизм и степень ее влияния на научно-исследовательскую деятельность в стране. Современная структура РАН условна. В настоящее время Академия осуществляет только научно-методическое руководство бывшими академическими институтами [12]. Отсутствие четких границ, неустойчивость академической системы существенно подрывает процесс библиографирования ее изданий, выдвигая на первый план главный вопрос — что есть академическое издание в настоящее время? Логика диктует ответ — это издание учреждений Академии наук. Но решение этого вопроса неизменно упирается в юридические и книгоиздательские дебри — а какие научные учреждения теперь являются академическими? В сложившихся обстоятельствах единственно возможным практическим способом выявления «академических» изданий можно считать указание Российской академии наук на титульном листе книги. При этом говорить о репрезентативном отражении документального потока академической науки, к сожалению, не приходится.

Сотрудникам ОИАН — участникам проекта «Библиография изданий Академии наук» представляется важным сохранение традиции непрерывного библиографического отражения документальных свидетельств научной деятельности Академии наук как целостной системы научных учреждений, обнародование результатов этой деятельности, предоставление доступа пользователей к ним в печатной и/или электронной форме. И библиографическая работа в этом направлении продолжается.

Примечания

1. Машинопись:

Алфавитный указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в 1934 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1938. 2 кн.; Алфавитный указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в 1935 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1938. 2 кн.; Алфавитный указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в 1936 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1938. 2 кн.; Список изданий Академии Наук СССР, поступивших в Библиотеку Академии Наук СССР [в 1938 г.] / АН СССР, Б-ка. Л., [1938]. 2 папки. Папка 1 содержит 9 тетрадей, папка 2 — 3 тетради; Алфавитный указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в 1939 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1938. 18 тетр.; Алфавитный указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в 1940 г. / АН СССР, Б-ка. Л., 1938. 2 кн.

2. Первая папка отражает поступления в БАН, вторая папка содержит тетради с именованным указателем, указателем серийных и периодических изданий и сборников к спискам изданий Академии наук СССР и указатель учреждений к спискам изданий Академии наук СССР.

3. Нами обнаружены следующие массивы: 1946 — 1 ящик, 1947 — 5 ящиков (А-Г, Ги-К, Ко-Н, П-С, Т-Я): Летопись журнальных статей, 1948 — 9 ящиков (в т.ч. 1 ящик: Издания АН СССР, 1948. Гурвич-К (статьи из журн. и рецензий), 1949 — 7 ящиков, 1951 — 5 ящика, 1952 — 2 ящика.

4. С 1–23 тт.: Издания, вышедшие из печати в ... г.; 24–38 тт.: Издания, поступившие в БАН СССР в ... г.

5. Библиография изданий Российской Академии наук: том 41: поступления 1996 г.: CD-ROM. [СПб., 2000]. (создан в среде DOS-ISIS); Библиография изданий Российской Академии наук: том 42: поступления 1997 г.: CD-ROM [СПб., 2002]. (создан с помощью разметки HTML).

Список источников

1. Шафрановский К.И. Работы по библиографии изданий Академии наук // Вестн. АН СССР. 1935. № 4. С. 70–71.

2. Издания Академии наук СССР за 1930 г.: библиогр. указ. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1931. 106 с.; Библиографический указатель изданий, опубликованных АН СССР в 1931 г. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1932. XVI, 131 с.; Библиографический указатель изданий, вышедших в Академии наук СССР в 1932 г. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1935. 172 с.; Библиографический указатель изданий, вышедших в Академии наук СССР в 1933 г. / АН СССР, Б-ка. Ленинград, 1936. VIII, 170 с.

3. Баженова Н.М. История создания указателя «Библиография изданий Академии наук СССР, 1941–1945 гг.» // Историко-библиографические исследования: сб. науч. тр. Санкт-Петербург: РНБ, 2008. Вып. 11. С. 144–153.

4. Баженова Н.М., Елкина Н.Н., Колтакова Н.В. Мемориальные библиографические проекты Библиотеки Российской академии наук // Государственная библиография, статистика печати, книговедение и Российская книжная палата: прошлое, настоящее и будущее. Москва: Бук Чембэр Интернэшнл, 2012. С. 216–223.

5. Библиография изданий Академии наук СССР, 1941–1945 : ежегодник / РАН, Б-ка РАН ; рук. проекта Н.В. Колпакова ; ред. совет: Н.М. Баженова, О.В. Дроздова, В.П. Кудрявцева, Т.В. Кульматова (отв. сост.), В.П. Леонов, Н.В. Пономарева (библиограф. ред.), Ю.В. Шестаков, О.Г. Юдахина. Санкт-Петербург : БАН : Альфарет, 2006–2008. (Мемориальный проект).
Вып. 1 : 1941 год. 2006. 660 с.
Вып. 1 : 1941 год. 2010. 658 с.
Вып. 2 : 1942 год. 2007. 250 с.
Вып. 3 : 1943 год. 2008. 280 с.
Вып. 4 : 1944 год. 2009. 303 с.
Вып. 5 : 1945 год. 2010. 352 с.
6. Библиография изданий Академии наук СССР : ежегодник. Т. 1. Издания, вышедшие из печати в 1956 г. / Б-ка Акад. наук СССР ; [сост.: Э.А. Кононова при участии Д.С. Березиной ; под ред. С.П. Луппова, К.И. Шафрановского]. Москва ; Ленинград, 1957. 343 с.
7. Библиография изданий Российской академии наук : ежегодник. Т. 38. Издания, поступившие в БАН в 1993 г. / РАН, Б-ка РАН ; сост.: В.А. Васильева, М.В. Воронова, Ж.Г. Шигаева ; под ред. В.П. Леонова. Санкт-Петербург : БАН, 1995. 640 с.
8. Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004 : ежегодник / РАН, Б-ка РАН ; [рук. проекта В.П. Леонов ; ред. совет: Н.М. Баженова, Н.В. Колпакова, В.П. Леонов, Ю.В. Шестаков, О.Г. Юдахина ; оформление проекта: В.Е. Попова, А.В. Ухвалова]. Санкт-Петербург : БАН : Альфарет, 2006. (Мемориальный проект).
Вып. 1 : 1994 год. 2006. 697 с.
Вып. 2 : 1995 год. 2011. 776 с.
9. Захаров В.П., Масевич А.Ц., Багажков А.К. Подготовка и представление электронных библиографических изданий. URL: <https://www.gpntb.ru/win/inter-events/crimea98/doc1/doc86.html> (дата обращения: 01.12.2022).
10. Горская Л.И. Опыт и проблемы автоматизации библиографирования изданий Академии наук // Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук: к 100-летию Фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН : сб. науч. ст. / ИНИОН РАН. Москва, 2018. С. 200–208.
11. Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004 : ежегодник. Т. 43. 1998 / авт.-сост.: Н.М. Баженова, М.А. Белинская, Л.И. Горская (отв. ред.), Н.М. Петрова (отв. сост.). Санкт-Петербург, 2022. 984 с. (Серия: Летопись Библиотеки Академии наук. Мемориальный проект).
12. Горская Л.И. Библиографирование изданий РАН в условиях реорганизации академического сектора российской науки // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 1. С. 126–133.

GORSKAYA L. «Bibliography of publications of the Academy of Sciences»: the oldest bibliographic project of the Academy of Sciences Library

Gorskaya Larisa — Candidate of Pedagogical Sciences, Researcher of Scientific Research Department of Publications of the Academy of Sciences RASL

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lvaganova@yandex.ru

ABSTRACT

The history of the formation of the system of current bibliographic reflection of the publications of the Academy of Sciences in the RASL is traced. The main stages are highlighted and characterized, the positive and negative sides of the project are noted, the experience of the Department of Publications of the Academy of Sciences of the RASL on automating the process of bibliographic reflection of the academic documentary stream with the use of various packages of application programs of the CDS\ISIS\M (DOS), WinISIS, IRBIS is described, further tasks of the project are outlined.

Key words: Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences Library, Department of Publications of the Academy of Sciences, Bibliographic reflection, Yearbook «Bibliography of publications of the Academy of Sciences», ASP CDS\ISIS\M, WinISIS, IRBIS.

М.А. Белинская

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ФОРМАТА «БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК»

Белинская Мария Александровна — заведующий Научно-исследовательским отделом информатики и автоматизации

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: oia@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

В статье представлен опыт Библиотеки Российской академии наук (БАН) по созданию электронной версии указателя «Библиография изданий Академии наук». Рассмотрены основные этапы работы по формированию указателя с 2010 года в программном обеспечении ИРБИС64. Рассказано о перспективах применения данной разработки в электронном каталоге на сайте БАН с включением в него указателей за все годы, данные по которым имеются в электронном виде.

Ключевые слова: библиографический указатель, Российская академия наук, авторитетный файл, программное обеспечение, ИРБИС64.

Библиография изданий Академии наук — библиографический указатель, отражающий уникальный документный издательский поток Российской Академии наук (РАН) и ее отделений. Указатель включает издания Академии наук с 1930 года, и за это время он выпускался в разных форматах: в печатном виде, машинописном на правах рукописей, а также в виде карточек [1–6].

С 1994 года научно-исследовательский отдел информатики и автоматизации (ОИА) совместно с библиографами отдела изданий Академии наук (ОИАН) приступил к созданию академического указателя в электронном виде. За это время с помощью программного обеспечения CDS/ISIS было подготовлено два CD-ROM диска для томов 41 и 42. Том 42 представлен на сайте БАН в разделе электронные ресурсы собственной генерации. Также были подготовлены данные для ежегодников с 43 по 48 том включительно.

В 2007 году в БАН перешли на программное обеспечение ИРБИС64, а с 2010 года сотрудники ОИАН в своей работе над указателем используют это программное обеспечение. В ходе работы был создан Авторитетный файл учреждений РАН [7], включающий в себя информацию обо всех учреждениях РАН, издания которых БАН получала с 2010 года.

При создании этого файла были проанализированы правила составления указателей учреждений РАН в ежегодниках за предыдущие годы, учитывающие иерархическую структуру Российской академии наук. Авторитетный файл, помимо названия самого учреждения и связанных с ним организаций, содержит иерархический код структуры РАН, а также информацию о самом учреждении: сокращение по ГОСТ, предыдущие названия и т.п.

Рис. 1. Тестовый вид Ежегодника изданий РАН

При поступлении издания, выпущенного учреждением РАН, информация о котором отсутствует в базе данных Авторитетного файла учреждений, сначала вносится информация об учреждении в Авторитетный файл, а уже потом сотрудники ОИАИ при составлении библиографического описания, заполняя поле 966 — Учреждения РАН — на вкладке Систематизация, выбирают из Авторитетного файла название необходимого учреждения.

В настоящий момент в базу вводятся кандидатские, докторские диссертации и монографии. Представить читателям сборники с 2010 года планируется после полного ввода всех типов изданий, включая периодику.

При подготовке печатного издания тома 43 [8] использовались поисковые возможности и выходные форматы программного обеспечения ИРБИ64, поскольку специалистов по CDS/ISIS в ОИАИ уже нет. База данных 43 тома была переконвертирована в ИРБИС64, создана специальная выходная форма для печати. Сборник получился очень объемным, и встал вопрос о представлении всех изданий ежегодника, подготовленных в CDS/ISIS, в электронном виде на сайте Библиотеки.

В настоящее время от сотрудников отдела изданий Академии наук получены данные по томам ежегодника с номерами с 41 по 46 включительно и 48 том. Весь массив, аналогично тому 43, будет переконвертирован в программное обеспечение ИРБИС64, затем откорректирован

сотрудниками ОИАН, после чего представлен в электронном каталоге на сайте БАН по мере готовности томов.

Для ежегодника уже создана единая база данных, а также единый рубрикатор учреждений Академии наук, который непосредственно отражает иерархическую структуру РАН каждого года выпуска издания. В данный момент в общую базу полностью загружен том 43 и, в пилотном варианте, том 44. Следует отметить, что все связи статей со сборниками и изданий с учреждениями РАН сохранены.

На рисунке 1 представлен тестовый вид Ежегодника изданий РАН в электронном каталоге БАН, подготовленный с помощью приложения Web-ИРБИС.

Рубрикатор учреждений РАН даст читателю возможность, выбрав любой из томов Библиографии изданий РАН, не только найти издания, относящиеся к данному тому, но и посмотреть, например, какие учреждения входили в состав Президиума, Регионального отделения или научного центра РАН в году, соответствующем тому ежегодника. Выбрав учреждение, можно увидеть полный список его изданий.

Использование электронной версии указателя значительно расширит поисковые возможности как для читателей, так и для библиотекарей, а также позволит проводить анализ публикаций РАН за несколько лет.

Список источников

1. Издания Академии Наук СССР за 1930 г.: библиогр. указ. / БАН СССР; [сост.: Л.В. Булгакова (рук.), В.С. Золотилов, К.В. Медиков, С.В. Толстая, К.И. Шафрановский]. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1931. 106 с.

2. Библиографический указатель изданий, опубликованных Академией Наук СССР в 1931 г. / БАН СССР; [сост.: В.С. Золотилов, С.В. Толстая; под рук. К.И. Шафрановского]. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1932. XVI, 132 с.

3. Библиографический указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в 1932 г. / БАН СССР; [сост.: В.С. Золотилов, С.В. Толстая, Н.В. Глаголев, И.С. Хармази, Н.Н. Янжул, Е.И. Гольцман; пер. на фр. Т.И. Бохановской; под рук. К.И. Шафрановского]. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1935. 172 с.

4. Библиографический указатель изданий Академии Наук СССР, вышедших в 1933 г. / БАН СССР; [сост.: С.В. Толстая, В.П. Алексеева, Е.И. Гольцман, Э.П. Файдель; ред. К.И. Шафрановский]. Москва; Ленинград, 1936. XII, 170 с.

5. Библиография изданий Академии наук СССР: 1941–1945: ежегодник / РАН, Б-ка РАН; [рук. проекта Н.В. Колпакова; ред. совет проекта: Н.М. Баженова, Н.В. Колпакова, В.П. Леонов, Е.А. Савельева, Ю.В. Шестаков, О.Г. Юдахина]. Санкт-Петербург: БАН: Альфарет, 2006–2010. (Мемориальный проект).

Вып. 1: 1941 год. [1-е изд.]. 2006. 660 с. Издан единичным тиражом в качестве презентационного экземпляра; 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, 2010. 660 с.

Вып. 2: 1942 год. 2007. 250 с.

Вып. 3. 1943 год. 2008. 280 с.

Вып. 4: 1944 год. 2009. 408 с.

Вып. 5: 1945 год. [1-е изд.]. 2010. 352 с. Издан единичным тиражом в качестве презентационного экземпляра.

6. Библиография изданий АН СССР. Т. 1. Издания, вышедшие из печати в 1956 г.: ежегодник / АН СССР, БАН СССР. Москва; Ленинград, 1957. 343 с.

7. Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973): сб. трудов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17 октября 2011 г.) / Библиотека РАН; науч. рук. В.П. Леонов; отв. ред. О.В. Скворцова. Санкт-Петербург: БАН, 2014. 292 с.

8. Библиография изданий Российской академии наук: 1994–2004 : ежегодник : том 43 : 1998 год / авт.-сост.: Н.М. Баженова, М.А. Белинская, Л.И. Горская (отв. ред.), Н.М. Петрова (отв. сост.) ; науч. рук. Н.В. Колпакова ; рецензенты: А.И. Богданов, О.А. Александрова. Санкт-Петербург, 2022. 984 с. (Серия: Летопись Библиотеки Академии наук. Мемориальный проект. Вып. 3).

BELINSKAYA M. Prospects for the development of the electronic format «Bibliography of publications of the Academy of Sciences»

Belinskaya Maria — Chief of the Scientific Department of Informatics and Automation
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: oia@rasl.nw.ru

ABSTRACT

The article presents the experience of Russian Academy of Sciences Library (RASL) in creating an electronic version of the index «Bibliography of publications of the Academy of Sciences». The main stages of work on the formation of the index since 2010 in the IRBIS 64 software are considered. It is told about the prospects of using this development in the electronic catalog on the RASL website with the inclusion of indexes for all years, data on which are available in electronic form.

Keywords: Bibliographic index, Russian Academy of Sciences, authoritative file, software, IRBIS 64.

Н.В. Пономарева

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА БИБЛИОГРАФИРОВАНИЯ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК

Пономарева Нина Васильевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук, кандидат педагогических наук, доцент

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия e-mail: nvronomareva@inbox.ru

АННОТАЦИЯ

Ежегодник «Библиография изданий Академии наук» имеет почти столетнюю историю, однако вопросы методологии и методики библиографирования изданий Академии наук разработаны недостаточно полно. Слабо развиты теоретические аспекты: определение объекта библиографирования, видовая классификация изданий; недостаточно четко сформулированы требования к библиографическому описанию включаемых в ежегодник изданий.

Ключевые слова: библиографирование изданий Академии наук, проблемы методологии библиографирования изданий Академии наук, методика библиографирования, история библиографии, Библиотека Академии наук.

Вопросы методологии и методики библиографирования изданий Академии наук (ИАН) до сих пор еще недостаточно разработаны. И если проблемы методики решались по мере их возникновения, а опыт описывался в работах К.И. Шафрановского [23–26], В.А. Васильевой и М.В. Вороновой [3], М.В. Цветковой [22], Т.В. Кульматовой [9–13], то методологические до сих пор остаются неразрешенными. Приведу для примера лишь некоторые из них: отсутствует определение объекта библиографирования (академическое издание, академическая книга, издание Академии наук), не разработан вопрос типологии изданий (считать ли учебные, художественные, популярные издания, выпущенные академическими издательствами, «нашими» объектами библиографического отражения?), не рассматривался вопрос о функциях указателей изданий Академии наук (да, традиционные функции – информационная, подытоживающая, мемориальная – остаются, но группировка материала в соответствии с издающими академическими учреждениями тоже выполняет функцию структурирования знания). Перечень проблем можно продолжить [16–18, 21].

В отношении истории создания библиографических указателей изданий Академии наук дело обстоит несколько лучше, однако работы, связанные с историей библиографирования ИАН, разрозненны и рассматривают отдельные факты и эпизоды данного процесса. Это труды К.И. Шафрановского [23, 25], Т.В. Кульматовой [9–12], Н.В. Пономаревой [15, 19, 20]. Исследование данного аспекта истории библиографии еще впереди.

С 1924 г. в БАН начинают создавать инструкции по осуществлению основных работ в Библиотеке. В инструкциях, разрабатываемых Б.П. Гу-

щины, издания Академии наук выделяются как самостоятельная группа документов, подлежащая специальной обработке [7, 8]. В «Инструкции (№ 2)...» указывается, что издания Академии наук «передаются для шифровки и дальнейшей инвентаризации в особых инвентарях для этих изданий (см. Инструкцию № 4)» [8, с. 11]. К сожалению, Инструкция № 4 не обнаружена и в чем заключалась дальнейшая инвентаризация неясно.

Одним из первых библиографов, обративших внимание на методику библиографирования ИАН, был К.И. Шафрановский. Его интерес к библиографированию изданий Академии наук отражает ряд написанных им работ, обобщающих практический опыт по подготовке указателей этих изданий [23–26]. И хотя в этих работах рассматривались прежде всего методические проблемы составления указателей изданий Академии наук, К.И. Шафрановский заложил в них принципиальные методологические положения, определившие дальнейшее развитие системы библиографических указателей изданий Академии наук в виде ежегодников, просуществовавших до настоящего времени.

Анализ опубликованных К.И. Шафрановским работ представляет серьезный интерес для изучения методики библиографирования изданий Академии наук [13, 19, 20].

Всего К.И. Шафрановским опубликовано 4 работы, связанные с анализом этой важной проблемы [23–26]. Две из них рассматривают ее в историческом аспекте, а две другие в большей или меньшей степени раскрывают интересующую нас тему.

Так, в статье «Работы по библиографии изданий Академии наук СССР» (1935 г.), рассматривая издательские и книготорговые каталоги, отражающие издания Академии наук, К.И. Шафрановский отмечает: «Все перечисленные каталоги возникли <...> для удовлетворения издательских запросов <...>. Этим объясняется, более или менее, элементарный подход и регистрация изданий, сведения о которых располагаются в алфавитном порядке. Содержание журналов и сборников в лучшем случае только перечисляется, но не распределяется систематически по отраслям знания» [26, стб. 70].

Стремление наиболее точно и подробно отразить печатную продукцию Академии наук во всей ее полноте и многообразии приводит К.И. Шафрановского к мысли о необходимости специфического представления сборников в библиографических пособиях (как сейчас бы сказали – предоставление различных точек доступа). Он указывает: «Сборник известен преимущественно по заглавию. Авторы и заглавия статей забываются, а заглавие сборника запоминается легче. <...> Следовательно, описание сборника надо поместить в основном тексте библиографии, к которому читатель обращается чаще всего. Сборник в соответствии с его содержанием займет в таком случае место в более общем отделе библиографии, а статьи разойдутся по более дробным подотделам» [25, с. 110–111]. Далее в статье рассматриваются частные случаи отражения сборников и статей из них в библиографических указателях. Исходя из этого, К.И. Шафрановским была разработана структура ежегодника, в которой материал группировался по научным учреждениям Академии наук СССР. Внутри такой рубрики материал структурировался в алфавите авторов и заглавий документов. Содержание сборни-

ков было представлено после библиографического описания. При этом указывались лишь фамилии авторов и заглавие статьи. Авторефераты диссертаций помещались отдельным списком внутри разделов, отражающих продукцию научных учреждений. Важно отметить, что найденный принцип использовался в указателе «Библиография изданий Академии наук СССР» (ежегодник), подготовленным под руководством и при непосредственном участии К.И. Шафрановского. Принцип этот сохранялся и в последующих изданиях указателя вплоть до 1990-х годов, пока осуществлялся его выпуск в традиционной книжной форме. Это говорит о значимости методических решений, найденных К.И. Шафрановским в процессе практической деятельности по библиографированию изданий Академии наук.

Развитие методики библиографирования изданий Академии наук, разработанной К.И. Шафрановским, и современные требования к ней можно продемонстрировать на нескольких примерах.

Важной проблемой библиографического отражения изданий Академии наук является наполнение библиографической записи. Не являясь в своей массе редкой книгой, издание Академии наук все-таки требует более подробного отражения в ряде областей библиографической записи. Особенно заметно это при обращении к сведениям об ответственности, примечаниям, имени издателя (распространителя).

Так, отражение в сведениях об ответственности указаний на ученое звание и ученую степень авторов нехарактерно для библиографического описания других документов. Однако при библиографической характеристике изданий Академии наук эти сведения не только позволяют установить научный статус авторов, но и могут способствовать выявлению скрытой информации, например о наличии и развитии научной школы. Полное представление лиц и учреждений, ответственных за издание документа, может свидетельствовать об уровне научной разработки проблемы, а также выявить принадлежность документа, изданного непрофильным издательством, к изданиям Академии наук.

Область примечания в ежегоднике отражает, как правило, содержание сборников и располагается не на привычном для нас месте после сведений о физической характеристике (страницах) и области серии, а за пределами библиографической записи, сразу после нее. Здесь приводятся весьма краткие сведения, соответствующие структуре сборника: наличие предисловия, фамилии авторов и заглавия статей.

Сведения о типографии, где было опубликовано издание Академии наук, как правило, не отражаемые в традиционной библиографической записи, могут быть чрезвычайно ценными для изучения издательской деятельности академических центров (примером может служить информация, представленная в мемориальном проекте БАН «Библиография изданий Академии наук СССР: 1941–1945» [2]).

Сведения о тираже, тоже редко представляемые в библиографических пособиях (речь идет именно о них, а не о каталожной записи), позволяют пользователям ежегодника получить представление о доступности того или иного издания, представленного в нем.

Таким образом, становится очевидно, что современные методические решения во многом развивают заложенные при организации ежегодни-

ка основы [1, 4–6], а его долголетие позволяет считать их методологически верными.

Список источников

1. *Белинская М.А., Горская Л.И.* Применение авторитетных файлов для создания библиографического указателя // Библиографические чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). Санкт-Петербург, 2014. С. 178–194.
2. Библиография изданий Академии наук СССР: 1941–1945: ежегодник / Рос. акад. наук, Библиотека РАН; [редкол.: Н.М. Баженова и др.; рук. проекта Н.В. Колпакова]. Санкт-Петербург, 2006–2007. Вып. 1–2. (Мемориальный проект / ред. совет проекта: В.П. Леонов [и др.]).
3. *Васильева В.А., Воронова М.В.* Из опыта работы по составлению ежегодника «Библиография изданий Академии наук СССР»: (проблемы и перспективы) // Эффективность информационно-библиографического обслуживания: сб. науч. работ / Б-ка Акад. наук СССР. Ленинград, 1983. С. 79–85.
4. *Горская Л.И.* Библиографирование изданий РАН в условиях реорганизации академического сектора российской науки // Петерб. библиошк. 2018. № 1. С. 126–133.
5. *Горская Л.И.* Опыт и проблемы автоматизации библиографирования изданий Академии наук // Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук: сб. науч. ст. Москва, 2018. С. 200–208.
6. *Горская Л.И., Рубцов В.В.* Перспективы создания многобазовой автоматизированной информационно-поисковой системы «Издания РАН» в Научно-исследовательском отделе изданий Академии наук БАН // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). Санкт-Петербург, 2011. С. 219–225.
7. *Гущин Б.* Инструкция (№ 1) по приемке и учету печатного материала, доставляемого 1-му Отделению Библиотеки РАН в порядке обязательного экземпляра / Рос. акад. наук, Библиотека. Ленинград, 1925. 33 с.
8. *Гущин Б.* Инструкция (№ 2) по приемке и учету изданий, получаемых 1-м Отделением Библиотеки путем дара, обмена и покупки / Рос. акад. наук, Библиотека. Ленинград, 1925. 24 с.
9. *Кульматова Т.В.* Академические издания как основа формирования специализированного фонда: (на примере Академического собрания БАН): дис. ... канд. пед. наук: 05.25.03 / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург, 2000. 192 с.
10. *Кульматова Т.В.* «Библиография изданий Академии наук СССР, 1941–1945»: методические особенности составления // Петерб. библиошк. 2015. № 4 (52). С. 101–105.
11. *Кульматова Т.В.* Деятельность БАН, связанная с описанием изданий Академии наук периода Великой Отечественной войны (1941–1945) // Книга. Исследования и материалы / Рос. акад. наук. Москва, 2010. Сб. 92, ч. 1/2. С. 118–128.
12. *Кульматова Т.В.* Неопубликованные библиографические указатели изданий Академии наук: проблемы реконструкции и концепция современного издания // Информ. бюл. РБА. 2009. № 53, ч. 1: «Библиотеки России в обществе знаний: динамика интеграции»: Всерос. библио. конгр., Вологда, 17–21 мая 2009 г.: докл. и сообщ. С. 60–63.
13. *Кульматова Т.В.* К.И. Шафрановский и составление в БАН полного каталога изданий Академии наук // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973). Санкт-Петербург, 2011. С. 28–37.
14. *Пономарева Н.В.* Библиографическая характеристика изданий Академии наук: методические аспекты // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов, 2011: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25–26 мая 2011 г. / Междунар. ассоц. акад. наук, Совет по книгоизданию [и др.]. Минск; Москва, 2011. С. 283–287.
15. *Пономарева Н.В.* Библиографическое описание изданий Академии наук и его влияние на отечественную библиографическую практику // Общетеоретические и футурологические проблемы библиографии. Библиографическая запись как основа

формирования библиографических ресурсов : материалы 2-го Междунар. библиогр. конгресса (Москва, 6–8 октября 2015 г.). Москва, 2016. С. 265–278.

16. Пономарева Н.В. Издания Академии наук: проблемы типологии // Книжная культура. Опыт прошлого и проблемы современности. В 2 т. Т. 1, ч. 1. Культурно-историческое пространство и книжная культура : к 285-летию основания Академ. типографии в России : материалы V междунар. науч. конф. (Москва, 24–26 ноября 2012 г.) / Рос. акад. наук [и др.] ; [редкол.: В.И. Васильев (отв. ред.) и др.]. Москва, 2012. С. 346–350.

17. Пономарева Н.В. Методическое обеспечение библиографического описания изданий Академии наук // Петерб. библ. школа. 2017. № 4 (60). С. 75–79.

18. Пономарева Н.В. Проблемы современного этапа библиографирования изданий Академии наук // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 26–27 мая 2015 г. Минск ; Москва, 2015. С. 393–398.

19. Пономарева Н.В. Развитие методики библиографирования изданий Академии наук в БАН: Константин Илларионович Шафрановский // Сборник научных трудов : (по материалам науч. конф. БАН) / [редкол.: В.П. Леонов (отв. ред.) и др.]. Санкт-Петербург, 2010. С. 146–149.

20. Пономарева Н.В. Роль К.И. Шафрановского в формировании системы библиографических указателей изданий Академии наук // Библиографические чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 17 октября 2011 г.) / Библиотека Рос. акад. наук ; [редкол.: Н.М. Баженова [и др.] ; отв. ред. О.В. Скворцова ; науч. рук. проекта В.П. Леонов]. Санкт-Петербург, 2014. С. 10–16

21. Пономарева Н.В. Эволюция методики библиографирования изданий Академии наук в БАН // Петерб. библ. школа. 2015. № 4 (52). С. 10–15.

22. Цветкова М.В. Обзор общих библиографических указателей и каталогов изданий Академии наук СССР // Труды Библиотеки Акад. наук СССР и Фундам. 6-ки обществ. наук АН СССР. Москва ; Ленинград, 1959. Т. 4. С. 60–83.

23. Шафрановский К.И. Двухсотлетие первого каталога изданий Академии наук // Вестник Академии наук СССР. 1935. № 1. Стб. 71–78.

24. Шафрановский К.И. К вопросу о библиографии изданий Академии наук // Труды Библиотеки Академии наук СССР. Ленинград, 1948. Т. 1. С. 54–66.

25. Шафрановский К.И. Об описаниях сборников в библиографических указателях // Библиотечно-библиографическая информация библиотек Академии наук СССР и академий наук союзных республик. Москва, 1963. № 45. С. 110–112.

26. Шафрановский К.И. Работы по библиографии изданий Академии наук // Вестник Академии наук СССР. 1935. № 4. Стб. 70–71.

PONOMAREVA N. Methodology and methods of bibliography of publications of the Academy of Sciences

Ponomareva Nina — Senior Researcher of the Research Department of Bibliography and Library Science of the Russian Academy of Sciences Library, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nvponomareva@inbox.ru

ABSTRACT

The yearbook «Bibliography of publications of the Academy of Sciences» has almost a century of history, however, the issues of methodology and methodology of bibliography of publications of the Academy of Sciences have not been fully developed. The theoretical aspects are poorly developed: the definition of the object of bibliography, the specific classification of publications, the requirements for the bibliographic description of the publications included in the yearbook are not clearly formulated.

Keywords: bibliography of publications of the Academy of Sciences, problems of methodology of bibliography of publications of the Academy of Sciences, methodology of bibliography, history of bibliography, Academy of Sciences Library.

УДК 001
ББК 72.3

С.Е. Хаздан

«УКАЗАТЕЛЬ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК СССР» В 1944 ГОДУ

Хаздан Софья Евгеньевна — ведущий библиотекарь, Научно-исследовательский отдел
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: freken_book@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В 1941 году работа по составлению указателя изданий Академии наук, поступивших в Библиотеку АН СССР, прервалась в связи с началом Великой Отечественной войны. Составление «Библиографии изданий АН СССР» за первый военный год возобновилось через несколько лет. Документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН позволяют уточнить историю указателя и обозначить направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Библиография изданий АН СССР, Константин Илларионович Шафрановский, Георгий Алексеевич Князев, Вячеслав Петрович Волгин, Эсфирь Петровна Файдель.

Наряду с тематическими указателями в Библиотеке АН СССР (БАН) с 1930 года велось составление универсальной библиографии изданий Академии, поступавших в Библиотеку. Над «Библиографией изданий Академии наук» (также Указатель и Ежегодник) изначально, с 1930 года работали сотрудники Научно-библиографического отдела Библиотеки Академии наук СССР (НБО БАН). После выхода четырех выпусков (за 1930–1934 гг.) Указатель перестали печатать типографским способом, но библиографическая деятельность продолжалась. Ее результатами стали машинописные «тома», сохранившиеся в двух-трех копиях каждый.

В 1941 году в связи с началом Великой Отечественной войны работа прервалась. Заведующий НБО БАН СССР и руководитель подразделения с рабочим названием «группа Ежегодника», Константин Илларионович Шафрановский ушел на фронт [1, с. 145]. Составление «Библиографии...» за 1941 год возобновилось, спустя три года после вынужденного перерыва.

Нами были использованы документы из Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПбФ АРАН) — три письма, посвященные библиографическим работам БАН, в т.ч. «Библиографии...» находятся среди других документов в деле «Переписка о приобретении...» [2, 3, 4]. Документ из того же фонда — «Отчет о работе БАН СССР за 1944 год» [5]. Также для уточнения сведений нами были использованы Приказы по Библиотеке Академии наук СССР (БАН СССР) — от 6 ноября 1944 года (№ 92) [6], от 21 апреля 1944 года (№ 16-а) [7] и от 14 августа 1944 года (№ 60) [8], хранящиеся в СПбФ АРАН. Мы обращались к статьям К.И. Шафрановского и работам современных исследователей: В.П. Леонова — о проектах БАН, Н.М. Баженовой и Т.В. Кульматовой — об Указателях, Н.В. Пономаревой — о Шафрановском, Н.В. Бекжановой и А.А. Балакиной — по истории БАН в 1944 году [9, 10, 11, 1, 12, 13, 14]. Сведе-

ния о составе Музейной и Архивной Комиссии АН СССР представлены в статье Л.К. Хитрово [15].

Дата возобновления проекта, как и точное время его приостановки, нам неизвестны [1, с. 144]. Исследователи полагают, что работа с изданиями Академии наук военного времени была начата в 1942 или 1943 году. В пользу 1942 года говорит распоряжение директора БАН о зачислении в БАН трех сотрудников, в их числе — К.И. Шафрановского [7; 1, с. 145]. Н.М. Баженова, основываясь на вступлении к первому тому машинописного экземпляра (хранящегося в Научно-исследовательском отделе изданий Академии наук БАН), делает вывод, что к работе вернулись в 1943 году [1, с. 144–145]. По-видимому, Наталья Михайловна ведет отсчет с 1940 года, когда закончился набор последнего предвоенного указателя. Но также известно, что в связи с составлением Указателей К.И. Шафрановский с двумя коллегами, Эсфирью Петровной (Пинкасовой) Файдель и Натальей Михайловной Нестеровой, в 1942 году был отправлен с командировкой в Москву, в Сектор сети специальных библиотек АН СССР [1, с. 145–146; 12, с. 230]. Во время блокады Ленинграда этот Сектор получал и хранил обязательный экземпляр изданий, предназначенных БАН. Параллельно с обработкой и регистрацией обязательного экземпляра в Секторе началась работа над Указателями. Этот факт входит в противоречие с обозначенным Шафрановским во вступлении к машинописному тому за 1941 год временным промежутком (три года) [1, с. 144]. Однако, поддержать издание Ежегодника И.И. Яковкин просит вице-президента Академии наук СССР Вячеслава Петровича Волгина уже в 1944 году, когда первый том военного времени был практически готов [4]. Версии, что работа над Указателями возобновилась в 1944 году, придерживаются и составители предисловия к первому тому «Библиографии...» военного времени, вышедшему в 2006 году [13, с. 6].

В статье «К вопросу...» Шафрановский перечисляет все необходимые этапы работ по подготовке Указателей довоенного времени: 1) алфавитный перечень названий журналов, серий и книг (с указанием томов и их содержания), 2) описание книг и статей, расположенное в систематическом порядке по отраслям знания, 3) предметный указатель (ключ), выявляющий содержание работ по отдельным вопросам, 4) алфавитный указатель авторов [11, с. 61]. В связи с условиями военного времени прежний порядок подготовки указателей, принятый еще в начале 1930-х годов, был нарушен. Из четырех этапов подготовки был оставлен лишь один — алфавитный список названий. Поэтому машинописные экземпляры озаглавлены «Алфавитный указатель изданий Академии Наук СССР, опубликованных в ... году».

Всего Шафрановский и его коллеги подготовили три тома военного указателя, учитывающие издания вплоть до 1943 года. Последний том был завершен в 1946 году (дата указана на титульном листе машинописного экземпляра) [1, с. 145]. 14 августа 1944 года приказом директора БАН И.И. Яковкина за заслуги «в области организации и развития библиографических работ» и в связи с двадцатилетием работы К.И. Шафрановского в БАН руководителю группы Ежегодника была объявлена благодарность [8]. Продолжения за 1944 и 1945 годы, как отмечает Н.М. Баженова, обнаружено не было [1, с. 144].

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН среди других документов дела, озаглавленного «Переписка о приобретении, поступлении, передаче изданий и о составлении библиографий...» (1944 г.) находятся письма, проясняющие порядок событий в связи с подготовкой и набором «Библиографии...» за 1941 год [2, 3, 4]. Их, как и «Отчет БАН за 1944 год», упоминают Н.В. Бекжанова и А.А. Балакина в «Хронике БАН» для установления порядка событий, происходивших в Библиотеке в 1944 году. «Отчет...» не только стоит в списке источников для «Хроники...», его использовали также составители предисловия к изданному тому «Библиографии...» за 1941 год Н.М. Баженова и Т.В. Кульматова [14; 13, с. 6]. Однако письма и отчет не рассматривались в совокупности как источники по истории «Ежегодника» и других библиографических проектов БАН. Кроме того, прежде письма не упоминались в работах, посвященных Ежегоднику. Некоторые факты из писем подтверждаются данными из других источников.

Первое письмо — неизвестного адресанта директору Архива Академии наук СССР Георгию Алексеевичу Князеву от 27 сентября 1944 года (Л. 98–99) — было отправлено в связи с 15-летием работы Князева в Архиве [2; 14, с. 7]. Подписи автора нет. Получатель письма идентифицируется по имени и отчеству в обращении к адресату. Кроме того, в правом верхнем углу первого листа стоит его личная подпись [2, л. 98]. Личность автора письма нам не известна, и в «Хронике» упоминаний о нем нет. Однако, по описываемым событиям¹ мы с большой долей вероятности можем сказать, что это — Константин Илларионович Шафрановский. Так, говоря о себе в мужском роде, неизвестный упоминает, как обращался к Князеву за помощью: «...необходимость даже самого учета академических изданий ставилась не раз под сомнение и в таком случае я обращался к Вам за помощью и всегда встречал поддержку с Вашей стороны» [2]. Состав группы Научно-библиографического отдела, работавшей над Ежегодниками в 1930-х годах, требует уточнения, но нам представляется логичным, что с подобными просьбами к руководителю Архива уместно было обращаться руководителю же проекта, а не рядовому библиографу. Подготовкой «Библиографии изданий Академии наук» в первые годы руководил непосредственно заведующий Научно-библиографическим отделом Константин Илларионович Шафрановский: это неоднократно подтверждал сам руководитель группы Ежегодника [10, 11]. Его имя стоит на оборотах титульных листов первых томов «Библиографии...». Кроме того, при идентификации Шафрановского мы можем опереться на следующую фразу письма: «С 1930 года и до начала войны в 1941 году мне пришлось много работать в области библиографии. При этом в 1930–1933 годах основное внимание было мною уделено регистрации текущих академических изданий» [2, л. 98]. Ежегоднику в письме посвящен только один отрывок.

Отправитель второго и третьего писем, директор БАН (с 1930 по 1949 год) Иннокентий Иванович Яковкин, безошибочно идентифицирован по подписи: его фамилия и инициалы (в ряде случаев — только фамилия) выполнены машинописью, как и весь документ. 5 октября Яковкин писал

¹ Например, сведения о возникновении идеи проекта и его реализации в начале 1930-х годов.

письмо в Редакционно-издательский отдел Академии наук² [3, л. 84], 15 ноября — вице-президенту Академии наук СССР В.П. Волгину³ [4, л. 42]. Адресата письма от 15 ноября определили сотрудники Архива. В «Хронике» содержание письма Волгину отражается следующим образом: «БАН обратилась к академикам А.М. Деборину, В.П. Волгину и доктору химических наук О.Е. Звягинцеву за поддержкой включения в издательский план АН СССР подготовленных Библиотекой указателей». Составители «Хроники» объединили в этой фразе рассматриваемую нами «Переписку о приобретении, поступлении, передаче изданий и о составлении библиографий...» и «Протокол совещания Библиотечной комиссии по обсуждению проекта положения комиссии...», хранящийся в том же фонде, содержащийся в той же описи — дело № 2 [14, с. 14–15].

Четвертый документ — годовой отчет Библиотеки — неоднократно упоминался в статьях современных исследователей — правда, под условным заглавием: «Отчет Научно-библиографического отдела БАН за 1944 год» [13, с. 6]. В самом архивном документе это — несколько строк из раздела «Научная работа» в общем отчете по библиотеке [5]. В предисловии к первому тому военного указателя, вышедшего в 2006 году, цитата из «Отчета» воспроизведена в контексте рассуждений о начальной дате работы над первым томом «Библиографии...» первых военных лет — 1944 год [13, с. 6].

Между Шафрановским и Князевым очевидно имела место деловая переписка (или непосредственные личные контакты). Константин Илларионович обращался за помощью и получал «указания, которые запомнились <...> навсегда» [2, л. 98]. После публикации четвертого тома (за 1933 год) библиографическая работа продолжалась вплоть до 1941 года. Но вновь выходить Ежегодники стали лишь в 1958 году [9, с. 11].

Исходя из дат писем, мы можем уточнить: в 1944 году предполагалась публикация тома за 1941 год. В октябре 1944 г. (четвертый квартал года — sic!) Яковкин просил Редакционно-издательский отдел (sic!) изменить издательский план на текущий год: исключить из него «Библиографию филиалов и баз АН СССР» и включить первый том «расширенного бюллетеня изданий Академии Наук СССР в виде “Указателя изданий Академии Наук СССР”... и ряд ...[других изданий]» по списку, приложенному к письму. Нам не известно решение по этому вопросу, но очевидно, что том в 1944 году так и не вышел, хотя, согласно годовому отчету БАН, был готов к печати [5].

В середине ноября директор БАН И.И. Яковкин обращается к инициатору издания ежегодников вице-президенту Академии наук Вячеславу Петровичу Волгину с просьбой поддержать возобновленный проект в Редакционно-издательском совете (РИСО). Очевидно, директор БАН имеет в виду другое, неизвестное нам письмо в Редакционно-издательский отдел, как подразделение РИСО, или же в сам Совет: на повестке дня — снова выход первого тома⁴, но публикация планируется уже

² Под Редакционно-издательским отделом, вероятно, понимается подразделение Редакционно-издательского совета АН СССР.

³ На этом посту В.П. Волгин был с 1942 по 1953 год.

⁴ Того же тома, который упоминается в письме Иннокентия Ивановича в Редакционно-издательский отдел 5 октября.

в следующем году: «...я считаю необходимым просить Вас поддержать ходатайство библиотеки, направленное в РИСО о включении этого указателя в издательский план на 1945 год» [4]. Для прояснения контекста необходимо ознакомиться с полной перепиской Иннокентия Ивановича с РИСО и его подразделениями. Возможно, в ней содержатся сведения об обстоятельствах, по которым издание первого тома Указателя в 1944 и 1945 годах так и не состоялось.

Одной из тем в письме Князеву является сотрудничество БАН с Архивом АН СССР: «Архив и Библиотека в равной степени собирают коллекции изданий Академии наук за все время ее деятельности. <...> Мне кажется, что это задание, в какой-то степени параллельное для Архива и для Библиотеки, должно быть продолжено с тем, чтобы коллекции академических изданий были бы представлены и в архивном экземпляре, и в экземпляре библиотечном. Необходимо только согласовать эту работу и добросовестно вести генеральный, как говорят, или сводный каталог этих двух собраний с тем, чтобы знать — какие отдельные издания представлены только в Архиве, или только в Библиотеке» [2, л. 99]. Эта работа, как мы можем понять из письма, велась по «заданию», исходящему от руководства Академии наук. Директор Архива Князев, вероятно, был назначен ответственным за этот проект или же чувствовал себя обязанным не только помогать коллеге⁵ советом в его текущей работе [из цитированного ранее: Шафрановский получал указания Князева, которые «запоминались <...> навсегда»], но и курировать БАН в совместном проекте. В подтверждение приведем еще одну небольшую цитату из того же письма Шафрановского: «Вы, Георгий Алексеевич, постоянно интересовались тем, как протекает работа в этом направлении в Библиотеке» [2].

Из письма следует, что Архив и Библиотека на 1944 год в равной степени собирали коллекции изданий Академии наук за все время ее деятельности; необходимость этой работы диктовалась «заданием», а не личной инициативой директора Архива и руководителя Научно-библиографического отдела БАН; любопытно выражение адресанта письма Князеву «...задание, в какой-то степени параллельное для Архива и для Библиотеки»⁶ [8]. Вероятно, это относится к составу поступлений в фонды Архива и Библиотеки Академии наук, но может говорить и о наличии расхождений в заданиях Библиотеки и Архива. Скорее всего, Шафрановский имеет в виду формирование «Разряда 6» в СПбФ АРАН и собрания изданий Академии наук в БАН.

Кроме того, Князев и Шафрановский обсуждали совещания Музейной и архивной комиссии Академии наук СССР по поводу необходимости библиографического учета академических изданий. Они, как следует из письма Шафрановского, проходили неоднократно [8, л. 98], и как минимум одно из них было летом 1943 года, после 15 июня: в этот день при Президиуме АН СССР на базе Музейной комиссии (1933–1939 гг.) «в связи с расширением [ее] функций» образовали Музейную и архивную комиссию. Князев входил в состав Комиссии, поэтому имел воз-

⁵ В 1944 году Князеву (1887–1969) было 57 лет. Шафрановскому (1900–1973) — 44 года.

⁶ Выделено нами. — С.Х.

возможность заступиться за проект [15, с. 20]. На сегодняшний день мы не знаем, высказывали ли сомнения по этому вопросу только сотрудники академических учреждений (в т.ч. представители руководства АН СССР), присутствовавшие на собраниях Музейной и Архивной Комиссии, или были и другие участники дискуссии. Нам представляется перспективной тема, являвшаяся предметом их обсуждений.

15 ноября 1944 года Э.П. Файдель, вернувшейся в Ленинград одновременно с К.И. Шафрановским (21 апреля 1944 г.), поручили «закончить работу по составлению указателей академических изданий 1941 г.» [7; 14, с. 14]. Указатель за 1941 год был завершён [5]. Благодарность за его подготовку дирекция БАН объявила Эсфири Петровне ещё 6 ноября, до официальной постановки задачи [6, л. 109].

Таким образом, прерванная в 1941 году библиографическая деятельность БАН возобновилась в Москве в 1942 году, с приездом К.И. Шафрановского, Э.П. Файдель и Н.М. Нестеровой в Сектор сети специальных библиотек АН СССР. Формирование же первого тома «Алфавитного указателя изданий АН СССР...» для последующей публикации, по-видимому, началось только в 1943 или 1944 году. Идею издания Указателей поддерживали вице-президент АН СССР В. П. Волгин и директор Архива АН СССР, но на собраниях Музейной и Архивной комиссии необходимость этой деятельности неоднократно ставилась под сомнение. В 1944 году директор БАН И.И. Яковкин обращался по поводу публикации первого тома в Президиум АН СССР и в РИСО. Подготовка первого тома Указателя была завершена в срок. Тем не менее том, готовившийся к публикации в 1944 и 1945 годах, не был выпущен и после возобновления проекта в 1958 году. Несколько десятилетий он хранился в БАН в машинописном виде — сначала в Научно-библиографическом отделе, а затем в Отделе изданий Академии наук⁷.

В процессе работы мы определили несколько возможных направлений для дальнейших исследований: 1) выявление полной переписки директора БАН Иннокентия Ивановича Яковкина с РИСО и его подразделениями по вопросу включения указателя за 1941 год в издательский план Академии наук; 2) поиск публикаций, посвящённых сотрудничеству БАН и Архива в вопросе сбора параллельных коллекций и составления сводного каталога (а также работа с фактами, указанными в самом письме); 3) изучение протоколов Музейной и Архивной Комиссии на предмет сведений о дискуссии по поводу текущего учёта публикаций Академии наук и, соответственно, выпуска результатов работы в виде продолжающегося труда «Библиография изданий Академии наук».

Список источников

1. *Баженова Н.М.* История создания указателя «Библиография изданий Академии наук СССР, 1941–1945 // Историко-библиографические исследования : сб. науч. тр. / РНБ ; сост. Н.К. Леликова ; ред. А.А. Кононов. Санкт-Петербург, 2008. Вып. 11. С. 144–153.

⁷ 24 ноября 2008 года получил статус Научно-исследовательского отдела (см. Приказ по БАН № 42 от 24 ноября 2008 г.).

2. Письмо [К.И. Шафрановского] Г.А. Князеву, 27 сентября 1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 7. Л. 98–99. (Переписка о приобретении, поступлении, передаче изданий и о составлении библиографий, справка «о бронированном фонде академических изданий» и характеристика специальных книжных фондов библиотек учреждений Академии наук СССР).
3. Письмо И.И. Яковкина в Редакционно-издательский отдел АН СССР, 5 октября [194]4 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 7. Л. 84. (Переписка о приобретении, поступлении, передаче изданий и о составлении библиографий, справка «о бронированном фонде академических изданий» и характеристика специальных книжных фондов библиотек учреждений Академии наук СССР).
4. Письмо И.И. Яковкина В.П. Волгину, 15 ноября 1944 г. // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3. Д. 7. Л. 42. (Переписка о приобретении, поступлении, передаче изданий и о составлении библиографий, справка «о бронированном фонде академических изданий» и характеристика специальных книжных фондов библиотек учреждений Академии наук СССР).
5. Научная работа // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944 г.). Д. 21. Л. 6–6 об. (Отчет о работе Библиотеки Академии наук СССР).
6. Приказ по Библиотеке Академии наук СССР от 6 ноября 1944 года № 92 // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. Л. 109. (Приказы по личному составу).
7. Приказ по Библиотеке Академии наук СССР от 21 апреля 1944 года № 16-а // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. Л. 19. (Приказы по личному составу).
8. Приказ по Библиотеке Академии наук СССР от 14 августа 1944 года № 60 // СПбФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1944). Д. 10. Л. 71. (Приказы по личному составу).
9. *Леонов В.П.* Библиотека и наука : к выходу первого тома «Летописи Библиотеки Российской академии наук» // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию : 2005 / СПбНЦ РАН ; ред.-сост.: Ю.А. Петросян, Э.А. Тропп, Е.И. Иванова. Санкт-Петербург : Наука, 2006. С. 3–14.
10. *Шафрановский К.И.* Работы по библиографии изданий Академии наук // Вестник АН СССР. 1935. № 4. Стб. 69–72.
11. *Шафрановский К.И.* К вопросу о библиографии изданий Академии наук // Труды Библиотеки Академии наук СССР. Москва ; Ленинград, 1948. Т. 1. С. 54–66.
12. *Пономарева Н.В.* К.И. Шафрановский — организатор библиографической работы Библиотеки Академии наук СССР в 1930–1950-е годы // Чтения памяти Константина Илларионовича Шафрановского (1900–1973) : сб. трудов Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2008 г.) / БАН ; [сост. Н.М. Баженова и др. ; отв. ред. О.В. Скворцова]. Санкт-Петербург, 2011. С. 10–20.
13. *Баженова Н.М., Кульматова Т.В.* Предисловие // Библиография изданий Академии наук СССР : 1941–1945 : ежегодник / Библиотека РАН ; редсовет: Н.М. Баженова [и др.]. 2-е изд. Санкт-Петербург. Вып. 1 : 1941 год. 2010. С. 5–17.
14. *Бекжанова Н.В., Балакина А.А.* Библиотека Российской академии наук (БАН) : хроника военных лет, сентябрь–декабрь 1944 года // Петербургская библиотечная школа. 2020. № 1. С. 3–21.
15. *Хитрово Л.К.* Л.Б. Модзалевский : материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН ; отв. ред. Т.С. Царькова. Санкт-Петербург, 2020. С. 7–43.

Khazdan S. The Index of Academy of Sciences of the USSR's publications in 1944

Khazdan Sofya — Leading Librarian of the Research Department of Academy of Sciences Editions Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia

ABSTRACT

The work on compiling «Bibliography of publications of the Academy of Sciences» was interrupted due to the beginning of the Great Patriotic War. Compilation of the index for the first's of war year resumed a few years later. Documents of the St. Petersburg branch of

Archive of the Russian Academy of Sciences allow to refine the history of the Index and to identify areas for further research.

Key words: Bibliography of publications of the Academy of Sciences of the USSR, Konstantin Illarionovich Shafranovsky, Georgiy Alekseevich Knyazev, Vyacheslav Petrovich Volgin, Esfir Petrovna Faydel.

УДК 025.5
ББК 78.33г(2)

Л.И. Горская, Н.М. Петрова

О РАБОТЕ ГРУППЫ ПО ПОДГОТОВКЕ УКАЗАТЕЛЯ «БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК» ОИАИ БАН

Горская Лариса Игоревна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lvaganova@yandex.ru

Петрова Наталья Михайловна — главный библиограф, Научно-исследовательский отдел изданий Академии наук БАН

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nmixpet@icloud.com

АННОТАЦИЯ

В статье описана работа группы «Библиография изданий Академии наук» Отдела изданий Академии наук БАН с 1996 года по настоящее время. Раскрыта поэтапная технология формирования текущего библиографического указателя. Указан персональный вклад сотрудников отдела в его создание.

Ключевые слова: Российская академия наук, Библиотека Российской академии наук, Отдел изданий Академии наук, библиографирование, ежегодник «Библиография изданий Академии наук».

В 1986 г. для совершенствования оперативного информационно-библиографического обслуживания Академии наук было принято решение об организации специализированного отдела — отдела изданий Академии наук. Он был создан на базе двух фондов — Бронированного фонда изданий Президиума РАН и Академического (архивного) собрания, входившего в состав отдела рукописей и редкой книги [1]. С первых дней функционирования в его состав влилась группа из научно-библиографического отдела (НБО) для подготовки ежегодника «Библиография изданий Академии наук».

Основной задачей группы, как и прежде, являлся регулярный библиографический учет научных работ, опубликованных учреждениями Академии наук, и информирование широкой общественности о результатах этой деятельности в форме ежегодного библиографического указателя «Библиография изданий Академии наук».

В статье мы расскажем о работе группы с 1996 по 2022 г. Именно в этом году, 19 января, ее участником стала Н.М. Петрова — один из авторов статьи.

Официально утвержденного названия у группы ОИАИ не было. В архивных документах БАН (планах, отчетах, протоколах заседаний методических советов и т.п.) мы можем встретить различные варианты ее наименования: «группа по составлению указателя “Библиография изданий Российской Академии наук” Ежегодник» (1), «группа по составлению Ежегодника “Библиография изданий Российской Академии наук”» (2), «группа по составлению многоаспектной информационно-поиско-

вой базы данных «Библиография изданий Российской Академии наук». Ежегодник» (3), «группа по составлению фундаментального справочника «Библиография изданий Российской Академии наук». Ежегодник» (4).

Внутри отдела изданий Академии наук группу воспринимали как самостоятельный сектор, несмотря на то, что в официальном штатном расписании ОИАН состоял из двух секторов: сектор бронированного фонда и сектор академического собрания [2]. А между собой сотрудники употребляли краткое название — сектор Ежегодника.

Группа ежегодника «академического периода» (3) состояла преимущественно из 3 человек. В совокупности за всю историю существования указателя в ОИАН в его создании приняли участие многие сотрудники: В.А. Васильева, М.В. Воронова, Ж.Г. Шигаева, Л.Э. Базанова, Н.М. Петрова (6), И.Г. Соловьева (7), А.В. Тотьменинова (8), Е.Р. Тараховская (9), Н.Н. Миколайчук (10), В.В. Николаева (11), Л.И. Горская (12), Н.В. Васильева (13), С.В. Васильева (14), С.Е. Хаздан (15). Основная информация о перечисленных коллегах представлена в «Биографическом словаре сотрудников Библиотеки Российской академии наук» [3].

Важную роль в развитии автоматизации процесса подготовки ежегодника сыграли сотрудники отдела автоматизации, чье участие также необходимо отметить: А.Ц. Масевич, М.И. Вершинин, А.К. Багажков, В.П. Захаров, И.К. Иванова, В.В. Рубцов.

Безусловным лидером группы в течение долгого времени была Валентина Антоновна Васильева (1931–2021). Она проработала в составе группы в общей сложности 47 лет, на протяжении всего периода службы в БАН, с 1961 по 2008 г., из них 22 года приходится на работу в отделе изданий АН. Приказом от 13.12.1988 № 131 В.А. Васильева была назначена заведующей сектором академического собрания [4]. Но главным направлением ее деятельности в ОИАН оставалось создание ежегодника. В связи с этим в 1990 г. она была переведена на должность главного библиографа и полностью сосредоточилась на подготовке библиографического указателя. Валентина Антоновна не только руководила работой группы, она являлась составителем, редактором всех томов ежегодника до 2008 г., а это 53 тома (!).

Более 35 лет, с 1961 г. по 1996 г., как составитель и редактор 23 томов проработала в группе ежегодника главный библиограф Воронова Маргарита Вячеславовна (1929–2009). Без малого 50 лет, с 1947 по 1996 г., она прослужила в БАН. В 1961–1986 гг. работала библиографом в группе подготовки ежегодника «Библиография изданий АН СССР» в НБО, а с 1986 по 1996 г. — в ОИАН.

23 года, с 1974 по 1997 г., участником группы была главный библиограф БАН Жанна Григорьевна Шигаева. После образования ОИАН в 1986 г. она была переведена в этот отдел, где продолжила трудиться над созданием ежегодника. Ж.Б. Шигаева является составителем 21 тома (тт. 20–40) библиографического указателя.

В течение 6 лет, с 1990 по 1996 г., в подготовке 4 томов ежегодника (тт. 34–37) принимала участие главный библиограф БАН Людмила Эдуардовна Базанова. Она работала в БАН с 1978 по 1996 г.

В 1996 году, когда Н.М. Петрова начала работу в секторе ежегодника ОИАН, в составе группы было 3 человека (В.А. Васильева, М.В. Вороно-

ва, Ж.Г. Шигаева). В этот период продолжалась работа над 40-м томом указателя.

Работа была организована следующим образом:

1 этап. Отбор литературы на Выставке новых поступлений.

Это самый ответственный этап составления любого указателя. На него в ежегоднике затрачивалось 20% времени. Отбор академических изданий производился еженедельно на Выставке новых поступлений путем просмотра всего массива литературы, поступившего в Библиотеку Академии наук из Всесоюзной книжной палаты по обязательному экземпляру. Вся литература на Выставке группируется по отраслям знания. Решено было закрепить за определенными разделами одного и того же библиографа. Благодаря этому приему отбор литературы происходил быстрее, почти исключались пропуски. Пропуски выявлялись при сверке актов ВКП.

2 этап. Ксерокопирование.

Отобранную литературу делили на две части. Сборники передавались в отдел репрографии на ксерокопирование титульных листов и оглавлений для их дальнейшей библиографической обработки. Полученные ксерокопии раскладывались в папки в алфавите заглавий публикаций. К концу года формировался массив ксерокопий всех книг, подлежащих постатейной аналитической росписи.

3 этап. Составление библиографического описания.

В основу технологии составления указателя был положен принцип составления библиографических описаний изданий Академии наук непосредственно на Выставке новых поступлений, т.е. до начала длительного технологического процесса, общеизвестного под названием «Путь книги». К качеству библиографического описания предъявлялись особые требования, оно сразу же должно быть правильным, четким, соответствовать действующим стандартам и выработанным методическим требованиям к библиографическим записям, включаемым в ежегодник. Знание правил библиографического описания значительно экономило время и было необходимым условием работы сотрудника сектора.

В конце 1990 — начале 2000-х гг., рост количества научных публикаций с одной стороны и сокращение штата сектора с другой привели к значительному увеличению информационного интервала ежегодника. Разрыв во времени (от составления, отбора литературы, до выхода указателя в свет) неуклонно рос, с 4 лет в конце 1990-х до 15 лет в 2000-х гг. В конце 2010-х гг. сотрудниками отдела было принято решение об отказе от росписи изданий с Выставки новых поступлений. Для описания академических изданий стали использовать печатные карточки РКП на отобранные издания с дальнейшим редактированием описаний под потребности ежегодника. Чтобы исключить возможность ошибок и разночтений, осуществлялась взаимопроверка библиографических описаний.

Предварительные библиографические записи на авторефераты диссертаций не составлялись, а сразу вводились в ПК.

4 этап. Работа с картотекой ежегодника «Библиография изданий Академии наук».

Карточки с библиографическими описаниями индексируются и расставляются в картотеку в соответствии со структурой Академии наук,

т.е. по ее научным учреждениям, далее по алфавиту авторов и заглавий публикаций. Каждый ящик картотеки соответствует определенному тому.

5 этап — Подготовка рукописи к печати — включал следующие процессы: набор основного библиографического текста на печатной машинке (с декабря 1996 г. библиографические записи начали вводить в ПК); вычитка набранного текста, передача его А.А. Фролову (16), вычитка двух корректур.

Подготовка рукописи к печати — наиболее трудоемкий процесс. Постатейной росписи подлежало до полутора тысяч сборников и продолжающихся изданий (трудов, ученых записок, научных докладов и пр.). Машинописные работы занимали более 50% всего времени, идущего на подготовку очередного тома. В среднем рукопись указателя составляла 3000 страниц. Все библиографы квалифицированно печатали на машинках с русским и иностранным шрифтом. Практика показала, что владение пишущей машинкой также являлось обязательным условием в работе библиографов: улучшалось качество работы, исключалась перепечатка, сокращались сроки подготовки рукописи к печати.

Параллельно осуществлялся 7 этап — работа над вспомогательными указателями. Этап включал составление именного, систематического, указателя неакадемических коллективов, списка продолжающихся изданий, передача их А.А. Фролову, вычитка корректур и передача в издательство.

Таким образом, с 1957 по 1993 год Библиотека Академии наук в своей типографии силами Ротационной печатной машины (РПМ) высокой печати осуществила выпуск 38 томов ежегодника. Тираж колебался от 1500 экз. (27 т.) до 580 экз. (38 т.). По линии международного книгообмена ежегодник высылался в 25 зарубежных стран.

На протяжении многолетней истории проекта, технология работы над указателями неоднократно менялась.

Перемены были связаны, в первую очередь, с изменением состава и структуры самой Академии наук, с увеличением ее печатной продукции. Так, к 10 тому объем ежегодника вырос настолько, что встал вопрос о необходимости сокращения рукописи. Вначале отказались от росписи тезисов докладов, затем — от включения в именной указатель авторов журнальных статей и, наконец, в 1983 г. была приостановлена аналитическая роспись сборников статей, трудов, ученых записок и др. периодических изданий. Вновь к постатейной росписи сборников возвратились в 1994 г., когда количество академической литературы резко сократилось.

Для того, чтобы повысить информативность ежегодника, был существенно переработан систематический указатель — подробно детализирован. В ежегодник стали включать авторефераты сотрудников неакадемических учреждений, которые готовили или защищали диссертации в академическом институте. Были раскрыты названия Реферативных журналов и Экспресс-информации.

Подготовка ежегодника стала стабильной к 30 тому (1985 г.). Разрыв во времени был минимальным — 1 год. Однако развал Советского Союза привел к прекращению существования Академии наук СССР. Первое время это никак не отразилось на структуре Академии, все академиче-

ские учреждения (кроме Крымской астрофизической обсерватории) находились на территории России. Но финансовые затруднения Академии, возросшие затраты на печатание книг, привели к сокращению печатной продукции и, как следствие этого, поступлений в библиотеку. Тома 34, 35, 36, 37 (издания с 1989 по 1992 года) насчитывают от 8000 до 5000 библиографических записей.

В 1992 году встал вопрос о прекращении подготовки указателя. В ноябре этого года было проведено расширенное заседание научно-методического совета ОИАН, в котором приняли участие сотрудники разных отделов БАН [5]. Заседание было посвящено состоянию и перспективам «Библиографии изданий Российской академии наук». С основным докладом выступила В.А. Васильева. В ходе обсуждения подчеркивалась уникальность ежегодника, отмечалось, что он является главным информационным трудом БАН, пользуется спросом у читателей и сотрудников библиотеки. В результате было принято решение сохранить ежегодник, повысить его информативность за счет возобновления аналитической росписи, но в связи с значительными трудностями издания и распространения тиража выпускать его в другом, автоматизированном виде, для чего необходимо наладить рабочие контакты с отделом автоматизации БАН.

В 1996 году вышел последний, 38 том ежегодника в традиционном печатном формате.

Тома 39, 40 в свое время не были изданы. 39-й том ежегодника (поступления в БАН за 1994 г.) введен вручную сотрудником отдела автоматизации И.К. Ивановой (17), она же вычитала корректуру. Он долго существовал в виде текстового файла. 40-й том (поступления за 1995 г.) объемом примерно 1500 страниц пролежал три года в виде рукописи в издательском отделе БАН. Их издание было осуществлено только в 2006 г. (т. 39) и 2011 г. (т. 40) в рамках Мемориального проекта «Библиография изданий Российской Академии наук: 1994–2004».

Из-за тяжелого экономического положения как в целом по России, так и в библиотеке было принято решение о выпуске ежегодника, начиная с 41 тома, на компакт-дисках. Предполагалось, что перевод библиографического указателя в электронную форму позволит решить две задачи: 1) ускорит получение читателем информации о новейшей академической литературе и 2) положит начало разработке и эксплуатации информационно-поисковой системы «Издания Российской академии наук».

Информационно-поисковая система должна обеспечить создание машиночитаемых библиографических записей в формате Библиотеки академии наук, поиск информации в системе в диалоговом режиме, создание ежегодного библиографического указателя «Библиография изданий Российской академии наук».

Разработкой проекта, отладкой технологических процессов, обучением библиографов занимались сотрудники отдела автоматизации А.Ц. Мазевич, М.И. Вершинин, А.К. Багажков, В.П. Захаров.

В конце 1996 года ежегодник был переведен в электронный формат и с этого момента существует в виде баз данных. Тома 41–42 (издания, поступившие в библиотеку в 1996–1997 гг.) вышли в виде электронного издания на CD-ROM.

В 2010-х годах технология подготовки указателя снова изменилась. В связи с его огромным информационным интервалом мы посчитали нецелесообразным производить отбор и описание изданий как на Выставке новых поступлений, так и в отделе комплектования. Объектами библиографирования стали издания, которые уже пришли в ОИАИ.

В настоящее время сотрудники группы «Библиография изданий Академии наук» ведут работу в двух направлениях: текущий учет новых поступлений и ввод накопленных массивов библиографических записей (в среде ISIS). Вновь поступившие в отдел авторефераты диссертаций и книги обрабатываются в среде ИРБИС. Сборники научных статей пока не являются объектами библиографического отражения в этой системе. Информация о них собирается традиционным способом, основанным на использовании печатных карточек РКП. Библиографические описания отобранных для аналитической росписи сборников редактируются, карточки расставляются в картотеку. Сами издания подлежат ксерокопированию в отделе репрографии, ксероксы титульных листов и содержания раскладываются по папкам каждого тома. Ответственной за работу с картотеками и ксероксами является С.Е. Хаздан.

Также в ОИАИ с помощью сотрудников отдела автоматизации во главе с М.А. Белинской активно разрабатывается новый формат подготовки указателя, предполагающий полное замещение ручных библиографических процессов и переход на единую платформу — автоматизированную систему ИРБИС, которая позволяет формировать доступный пользователям информационно-поисковой массив библиографических записей на издания Академии наук.

Благодаря использованию технологий ИРБИС, удалось подготовить к печати и выпустить в 2023 г. 43-й том ежегодника, массив библиографических записей которого был создан ранее в среде ISIS. По количеству библиографических записей это самый большой из всех изданных на сегодняшний день том. Библиографическое редактирование текста и вспомогательных указателей выполнила научный сотрудник ОИАИ Л.И. Горская.

Ежегодник имеет важный исторический документ — тетрадь, в которой централизованно фиксировались все этапы, все процессы работы над томами указателя, все предпринятые методические приемы, вопросы, замечания, предложения, особенности каждого тома. Например, какие авторы, издания не включены в тот или иной том, что необходимо изменить в структуре указателя и т.п. У нас есть важное свидетельство многолетнего труда по библиографическому отражению академических изданий. Тетрадь включает данные о работе начиная со 2 тома по 53 том!

Также личные рабочие тетради мог вести каждый сотрудник группы «Библиография изданий Академии наук».

Следует отметить, что персонализированная история ежегодника еще не написана. Личный вклад библиографов советского периода в развитие указателя пока остается за пределами внимания исследователей. Мы считаем чрезвычайно важным сохранить для потомков сведения обо всех участниках проекта, которые вложили свои знания, опыт, силы в формирование этого уникального библиографического ресурса.

Примечания

1. Отчеты о работе «Группы по составлению указателя “Библиография изданий Российской Академии наук”. Ежегодник» — машинопись, хранятся в ОИАН БАН за 2004–2007 гг.
2. Отчет за первое полугодие 2005 года группы по составлению Ежегодника «Библиография изданий Российской Академии наук» — машинопись, хранится в ОИАН БАН.
3. Отчеты о работе «Группы по составлению многоаспектной информационно-поисковой базы данных “Библиография изданий Российской Академии наук”. Ежегодник» — машинопись, хранятся в ОИАН БАН, за 2000–2003 года.
4. Отчет о производственной практике студентов 3-го курса Университета культуры Гордеева М.В., Грачевой А.А., Поруновой А.А. с 14 февраля по 19 марта 2005 года.
5. «Академический период» — условное название, сформулированное нами для обозначения этапа существования ежегодника в ОИАН, т.е. с 1986 г. по настоящее время.
6. Петрова Наталья Михайловна, главный библиограф, в ОИАН с декабря 1996 г.; является ведущим сотрудником группы по подготовке ежегодника, работает с БД ISIS.
7. Соловьева (Гайдо) Ирина Геннадьевна, в БАН с 1995 по 2008 г., ведущий инженер-программист сектора электронных библиотек и фактографических баз данных ОИА.
8. Тотьменинова (Мавричева) Анастасия Владимировна, работала в ОИАН с 2002 г., во время учебы в школе, по 2010 г.
9. Тараховская Елена Роллановна, в НИОБиБ БАН с 2001 г.; вводила библиографические записи в БД ISIS ежегодника.
10. Миколайчук Наталия Николаевна, в ОИАН с 1996 по 2002 г. в должности библиотекаря.
11. Николаева Валентина Владимировна, ведущий библиотекарь, в ОИАН с 2003 по 2005 г.
12. Горская Лариса Игоревна, науч. сотр., в ОИАН с 2008 г.; курирует все БД сектора Академического собрания, ведет БД «Учреждения РАН».
13. Васильева Надежда Владимировна, в группе ежегодника ОИАН с 2009 по 2012 г.; работала с базами данных в WINISIS («Авторефераты диссертаций», «Учреждений АН»), ИРБИС («Авторефераты диссертаций»).
14. Васильева София Владимировна, в группе ежегодника ОИАН с 2009 по 2012 г.; работала с базами данных в WINISIS («Авторефераты диссертаций», «Учреждений АН»), ИРБИС («Авторефераты диссертаций»).
15. Хаздан Софья Евгеньевна, оказывает помощь в подготовке ежегодника с 2013 г.
16. Фролов Александр Александрович (1923–?), в БАН с 1958 по 1976 г., инициатор и первый руководитель издательского отдела БАН, издательский редактор первых томов ежегодника.
17. Иванова Ирина Константиновна, работала в ОИА инженером-программистом 2 категории с 1995 по 2001 г.

Список источников

1. *Баженова Н.М., Петрова Н.М.* Библиография изданий Российской академии наук: история и современное состояние // *Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук: сб. науч. ст.* Москва: ИНИОН РАН, 2018. С. 178–186.
2. Архив БАН. Ф. [1/158]. Оп. 3. № 2246. Л. 46–47.
3. *Биографический словарь сотрудников Библиотеки Российской академии наук: [в 2 кн.] / гл. ред. и сост. В.П. Леонов.* Санкт-Петербург: Гуманистика, 2014. (Великая Россия: рос. биограф. энцикл. / под ред. А.И. Мелуа; т. 13, 14).

4. Архив БАН. Ф. [1/158]. Оп. 3. № 2915. Л. 36–37.

5. Архив БАН. Ф. [1/158]. Оп. 3. № 3126. Л. 1–4.

6. Баженова Н.М., Васильева В.А., Петрова Н.П. Российская академическая наука в переходный период (1994–2004): по материалам ежегодника «Библиография изданий Российской Академии наук» // Научная книга. 2005. № 1/2. С. 29–33.

7. Васильева В.А., Воронова М.В. Из опыта работы по составлению ежегодника «Библиография изданий Академии наук СССР»: (проблемы и перспективы) // Эффективность информационно-библиографического обслуживания : сб. науч. работ / Б-ка Акад. наук СССР. Ленинград, 1983. С. 79–85.

GORSKAYA L., PETROVA N. About the work of the group on the preparation of the index «Bibliography of publications of the Academy of Sciences» OIAN RASL

Gorskaya Larisa — Candidate of Pedagogical Sciences, Researcher of Scientific Research Department of Publications of the Academy of Sciences RASL

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lvaganova@yandex.ru

Petrova Natalia — Chief Bibliographer of Scientific Research Department of Publications of the Academy of Sciences RASL

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nmixpet@icloud.com

ABSTRACT

The article describes the work of the group «Bibliography of Publications of the Academy of Sciences» of the Department of Publications of the Academy of Sciences of the RASL from 1996 to the present. The step-by-step technology of forming the current bibliographic index is disclosed. The personal contribution of the department's employees to its creation is indicated.

Keywords: Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Sciences Library, Department of Publications of the Academy of Sciences, bibliographic reflection, yearbook «Bibliography of publications of the Academy of Sciences».

УДК 01(092)(470+571)
ББК 78.53

Е.Н. Бури́нская

ЛЮБОВЬ МОИСЕЕВНА РАВИЧ — ИМЯ, ДОСТОЙНОЕ ПАМЯТИ

Бури́нская Елена Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: valleo42@icloud.com

АННОТАЦИЯ

Любовь Моисеевна Равич — кандидат педагогических наук, историк библиографии и отечественной культуры. В воспоминаниях представлены ее путь от студентки библиографического факультета Ленинградского библиотечного института до доцента кафедры общей библиографии и книговедения, вклад в развитие истории библиографии, отношения с коллегами и студентами.

Ключевые слова: Ленинградский государственный библиотечный институт, Ленинградский государственный институт культуры, история библиографии, Любовь Моисеевна Равич, воспоминания.

Кафедра общей библиографии и книговедения, на которой я имела счастье работать, в 60-е гг. блистала содружеством талантливейших профессионалов. За плечами многих из них был не только опыт работы в библиотеке, ученые степени, но и война, они знали цену жизни. Руководила кафедрой глубоко уважаемая всеми Марина Константиновна Архипова. Среди молодых преподавателей была Любовь Моисеевна Равич. Годы ее юности тоже опалила война, когда пришлось выхаживать раненых в госпитале. Окончив в 1950 г. с отличием наш, тогда библиотечный, институт, она несколько лет работала в библиотеках г. Пскова. Будучи заведующей справочно-библиографическим отделом областной библиотеки, Любовь Моисеевна сумела обогатить традиционные методы работы творческими решениями. Как пишет Любовь Моисеевна, «в 1954–55 гг. Псковская библиотека заняла одно из лидирующих мест среди областных соперниц на библиографическом поприще» [1, с. 33].

А потом были аспирантура и защита в 1961 г. кандидатской диссертации. Ее интересные «Воспоминания выпускницы ЛГБИ» в свое время опубликовал журнал «Мир библиографии» [1].

Мое знакомство с Любовью Моисеевной Равич произошло в 1963 году, когда я стала аспиранткой кафедры. Слух о ней как необыкновенно талантливом лекторе распространился по всему факультету. Я попросила разрешения посещать ее лекции и не пожалела. Глубокое знание предмета, красивая речь, незаурядное чувство юмора, ирония — все это делало ее лекции неповторимыми. Я ловила себя на мысли, что забываю писать, а только слушаю, слушаю, слушаю...

Потом многие годы мы работали на одной кафедре общей библиографии. Благодаря таланту Любви Моисеевны, раздел истории в общем курсе библиографии стал самым привлекательным для студентов. На ее лекциях был аншлаг. Она умела, как точно в последствии написали ее ученики, «чувствовать не только идейную, но и психологическую атмос-

феру времени, сумела восстановить «в правах деятелей русской культуры, объявленных реакционерами, буржуазными либералами, формалистами. Это А.М. Языков, М.Н. Лонгинов, М.П. Полуденский, Г.Н. Геннади, Е.И. Якушкин и др. О последних двух Любовь Моисеевна подготовила в 80-е гг. прекрасные монографии.

Если полистаете забытый уже сегодня учебник «Библиография. Общий курс» (Москва, 1969), то с интересом прочтаете главы (4, 5, 6) по истории дореволюционной библиографии. Они, понятно, принадлежат перу Л.М. Равич. Несмотря на официоз, Любовь Моисеевна сумела сохранить в тексте свой стиль, остроумные характеристики, острые оценки,

Я вспоминаю заседания нашей кафедры. Они, как правило, отличались полемическим задором. Если выступал М.А. Брисман, то обязательно антиподом был А.И. Барсук и наоборот. Любовь Моисеевна всегда имела собственную, независимую точку зрения, она ни под кого не подстраивалась и тем вызывала уважение. Я относилась к Любви Моисеевне с большой симпатией. Мы часто беседовали на переменах. У нас даже было любимое место встречи — рядом с 214 аудиторией. Навещала Любовь Моисеевну в больнице. Почему-то запомнилось, что ей понравился салат из молодой капусты. Когда Любовь Моисеевна вышла на заслуженный отдых, мы периодически перезванивались. Она неоднократно приглашала в гости, как всегда, с юмором: «Спешите посмотреть!» Но почему-то не сложилось.

Любовь Моисеевна любила молодежь. И студенты, и аспиранты тянулись к ней. На кафедре реально и плодотворно из многих работал в рамках СНО только один студенческий кружок, которым руководила Любовь Моисеевна. Я вспоминаю впечатления молодой студенческой семьи Жени и Кати Смирновых, будущих преподавателей сибирских институтов культуры, которые были активными членами кружка, хотя учились на отделении технических библиотек. Именно общение с Любовью Моисеевной подтолкнуло их к научной работе.

Любовь Моисеевна устраивала заседания кружка, как правило, у себя дома за чашкой чая. Студентам, которые жили в общежитии, были очень дороги такие встречи. Любовь Моисеевна посвящала учеников в свои исследования, очень радовалась их научным поискам, учила ничего не бояться. Я уверена, что влияние Любви Моисеевны Равич на становление Наталии Константиновны Леликовой как ученого было значительным.

Вспоминаю, что у Любви Моисеевны были золотые руки. В частности, она хорошо шила. Имея скромные материальные возможности, она зачастую перешивала себе и дочери одежду. Всегда была одета строго, но со вкусом. Ходили легенды о домашнем кукольном театре Любви Моисеевны, где и куклы, и спектакли были созданы ее руками.

Отметить свой 50-летний юбилей Любовь Моисеевна пригласила кафедру на ужин домой. Насколько помню, это была коммунальная квартира на последнем этаже с высокими ступенями рядом с метро «Владимирская». (Не представляю, как можно было по ним каждый день подниматься!) Любовь Моисеевна была очень гостеприимна, угостила

нас вкусной домашней едой, было как-то особенно тепло и весело. Мы подарили ей красивую настольную лампу.

Завершая свои отрывочные воспоминания, так и хочется сказать устами поэта: «Да, были люди в наше время...».

Одаренная талантами, волевая, бескомпромиссная, в высшей степени порядочная, Любовь Моисеевна Равич заслуженно считается одним из самых авторитетных исследователей истории отечественной библиографии. Правда, сегодня в названии кафедры утрачено слово «библиография», которое имеет многовековую историю. Что бы об этом сказала Любовь Моисеевна?

Список источников

1. Равич Л.М. Воспоминания выпускницы ЛГБИ // Мир библиографии. 2003. № 2. С. 31–36.

BURINSKAYA E. Lyubov Moiseevna Ravich — a name worthy of memory
Burinskaya Elena — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: valleo42@icloud.com

ABSTRACT

Lyubov Moiseevna Ravich is a candidate of pedagogical sciences, a historian of bibliography and national culture. Her memoirs describe her path from a student of the Bibliographic Faculty of the Leningrad Library Institute to an Associate Professor of the Department of General Bibliography and Bibliology, her contribution to the development of the history of bibliography, relationships with colleagues and students.

Key words: Leningrad State Library Institute, Leningrad State Institute of Culture, history of bibliography, Lyubov Moiseevna Ravich, memoir.

Н.К. Леликова

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Л.М. РАВИЧ

Леликова Наталия Константиновна — доктор исторических наук, заведующая Отделом библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: lelikova@nlr.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены основные направления творческой деятельности Л.М. Равич, выдающегося историка библиографии и книжного дела, преподавателя Ленинградского государственного института культуры. В статье проанализирована проблематика основных трудов Л.М. Равич и показан ее вклад в развитие отечественной культуры.

Ключевые слова: библиография, история отечественной библиографии, Ленинградский государственный институт культуры, история российской культуры, Любовь Моисеевна Равич.

Любовь Моисеевна Равич родилась 14 февраля 1923 года в городе Проскурове Каменец-Подольской области (ныне это город Хмельницкий). С началом войны она ушла на фронт и по август 1944 года работала во фронтовых госпиталях. Получила звание сержанта и была награждена Орденом Отечественной войны II степени.

В сентябре 1947 г. она поступила на II курс Ленинградского государственного библиотечного института — ЛГБИ (ныне это Санкт-Петербургский государственный институт культуры), на факультет библиографии.

В то время в институте преподавало много прекрасных педагогов, но в первую очередь Любовь Моисеевна вспоминала того, кого сегодня мы называем метром отечественного книговедения, — это Михаил Николаевич Куфаев. Очень часто Л.М. Равич рассказывала о его интереснейших лекциях — М.Н. Куфаев читал историю всемирной книги. Студенты ловили каждое его слово, и в аудитории стояла абсолютная тишина. Позже Л.М. Равич писала: «В студенческие годы я имела счастье слушать историю книги у незабвенного Михаила Николаевича Куфаева. В его интерпретации этот предмет был неразрывно связан как с историей библиографии, так и судьбами отечественного библиофильства...» [1].

После окончания института с 1950 г. Л.М. Равич работала в Пскове — сначала заведующей научной библиотекой историко-художественного музея, а затем заведующей справочно-библиографическим отделом (СБО) Псковской областной библиотеки.

В указатель трудов Л.М. Равич, который был подготовлен к ее 80-летию [2], включено несколько работ того времени — обзоры, рекомендательные библиографические списки, которые она публиковала в газете «Псковская правда», библиографические плакаты. Тематика этих работ очень разнообразна — от литературы о кукурузе — до произведений Джанни Родари и Жоржа Маньяна. Наглядное свидетельство, чем

приходилось заниматься заведующему СБО в конце 1940-х — начале 1950 х гг.

В 1955 г. Л.М. Равич поступила в аспирантуру ЛГБИ и в 1961 г. защитила диссертацию «Возникновение текущей библиографической регистрации и информации в России в первой половине XIX века». До этого в «Трудах» ЛГБИ она опубликовала две статьи: «Из истории государственной регистрации произведений печати в дореволюционной России» [3] и «Библиография в “Журнале Министерства народного просвещения”»: (из истории русской журналистики)» [4].

Эта на первый взгляд сухая, скучная тема, оказалась и актуальной, и весьма любопытной. В своих статьях и в диссертации Л.М. Равич впервые выступила как «ниспровергатель авторитетов».

Студенты 1950-х годов в своих учебниках и в «Истории русской библиографии» Н.В. Здобнова (первое издание которой появилось в 1944–1947 гг. в двух частях, второе — в 1951 г., третье — в 1955 г.) могли прочесть, что издаваемый с 1837 г. «Указатель вновь выходящих книг», с которого и началась текущая официальная библиографическая регистрация вновь выходящих в России книг и который вначале публиковался на страницах «Журнала Министерства народного просвещения», а затем в «Библиографических прибавлениях» к журналу, появился в результате «обстоятельств цензурно-полицейского порядка» в связи с необходимостью «регулярного и своевременного осведомления многочисленных штатных и внештатных блюстителей “благонравия” печати о вновь выходящих изданиях на всех языках» [5].

Л.М. Равич на основе изучения архивных материалов сумела прийти к выводу, что это не так. В России инициаторами формирования текущей официальной библиографической регистрации вновь выходящих книг стали представители либеральной дворянской интеллигенции братья Н.М. и А.М. Языковы, в первую очередь Александр Михайлович Языков. А осуществить эту акцию смог тесно связанный с ними и состоявший в постоянной переписке с Александром Языковым Василий Дмитриевич Комовский. В то время Комовский был директором канцелярии Министерства народного просвещения. Он составил инструкцию по описанию, и, имея в своем подчинении штат чиновников, смог наладить текущую библиографическую регистрацию вновь выходящих книг.

Иными словами, вместо полицейской акции — творческое начинание людей, радеющих за развитие отечественной культуры. Почему это так важно? Л.М. Равич пишет: «Отличаясь <...> широким взглядом на библиографию, Александр Языков считает ее не только показателем культурного уровня народа, но и мощным фактором культуры <...> признавая ее самостоятельное существование и большую культурно-историческую ценность, он делает значительный шаг вперед в понимании роли и значения библиографии» [6].

Трудно с таким утверждением не согласиться, так как явление, о котором пишет Л.М. Равич, по сути — начало текущей национальной библиографии нашей страны. Подобный национальный библиографический учет уже существовал в других странах, в частности «Bibliographie de la France» (Французская национальная библиография) издавалась в Париже с 1811 г. Как европейски образованный человек А.М. Языков не мог

не понимать значения такого библиографического учета. Следовательно, в России начало текущей национальной библиографии осуществилось по частной инициативе людей, понимавших непреходящее значение такой культурной акции. Благодаря Л.М. Равич теперь можно по достоинству оценить вклад людей, которым Россия обязана важнейшим культурным начинанием.

Хотя диссертация Л.М. Равич встретила неприятие у ряда коллег, ее высоко оценили такие выдающиеся деятели, как С.Б. Окунь и С.М. Глускина.

За свою жизнь Л.М. Равич написала немного работ, о чем свидетельствует и уже упоминавшийся указатель ее трудов, изданный в 2003 г. Однако она не создавала так называемых «проходных» текстов в угоду текущему моменту. Л.М. Равич всегда, во всех своих трудах писала о том, что ее волновало, что ей казалось важным и она хотела непременно донести до своих читателей.

Ею написаны две монографии о деятелях XIX века — «Г.Н. Геннади (1826–1880)» (М., 1981) и «Е.И. Якушкин (1826–1905)» (Л., 1989).

Что было известно о Григории Николаевиче Геннади до появления книги Л.М. Равич? Богатый барин, дилетант, занимавшийся библиографией от скуки. В составленном им списке сочинений Н.В. Гоголя он пропустил «Мертвые души». А получив право на редактирование сочинений А.С. Пушкина в петербургском издательстве Я.А. Исакова, стараясь сохранить каждое написанное поэтом слово, Геннади непосредственно в текст произведений вставлял все варианты текста и зачеркнутые А.С. Пушкиным строки. Получилось неудачное и неудобное для чтения издание. По этому поводу С.А. Соболевский написал эпиграмму «На издателя А.С. Пушкина»:

О, жертва бедная двух адовых исчадий,
Тебя убил Дантес и издает Геннади.

Л.М. Равич в своей книге сумела рассказать и показать, что Геннади был автором более 160 работ по библиографии, библиотечному и книжному делу, по истории литературы. Он создал труды, которые теперь считаются классическими.

«Литература русской библиографии» — это не только, как следует из его названия, свод отечественной библиографической литературы, появившейся к середине XIX века, в указатель Геннади включены работы по библиотечному делу, истории журналистики, книгопечатания и книжной торговли, по библиофильству, а также публикации о русских библиографах, книгособирателях, типографах и книгопродавцах. Более правильно назвать эту работу, как пишет Л.М. Равич, «Литературой русского книговедения». Этот труд Геннади был высоко оценен его современниками — отечественными и зарубежными исследователями, сохраняет он свое историко-культурное значение и в наши дни.

«Русские книжные редкости» сразу после их выхода в 1872 году стали настольной книгой российских библиофилов, которые старались формировать свои личные библиотеки редкостями, описанными в книге Геннади.

«Справочный словарь о русских писателях и ученых» — фундаментальный труд, над которым Геннади работал в течение многих лет. Туда

были включены сведения о русских писателях и ученых XVIII и XIX веков, и при неизбежных недочетах словарь Геннади является «уникальным памятником русской библиографии, свидетельствующим о незаурядной книговедческой эрудиции его автора» [7].

Геннади реабилитировал себя и как редактор сочинений А.С. Пушкина. Он подготовил библиографический указатель: «Приложения к сочинениям А.С. Пушкина, изданным Я.А. Исаковым. Библиографический список всех произведений А.С. Пушкина, дополнения, черновые отрывки, не вошедшие в текст, и примечания» (СПб., 1860). В этом издании были указаны разные издания сочинений А.С. Пушкина, сведения о том, на какие иностранные языки переведены его сочинения, собраны данные о черных набросках текста, варианты текста, хранящиеся в рукописях поэта и т.п. Л.М. Равич пишет: «Современная Геннади печать, весьма холодно оценившая деятельность его как редактора сочинений Пушкина, к этому приложению отнеслась с большим интересом и оценила его по достоинству» [8].

А в заключении она приходит к такому выводу: «Г.Н. Геннади является представителем той эпохи русского книговедения, когда в нем подвизались истинные знатоки книги. Все они были “дилетантами”, т.е. непрофессионалами. Тем не менее именно в это время сложился и действовал тот тип библиографа, который представляется нам наиболее интересным: знаток истории отечественной литературы, публикатор, текстолог, книговед в самом широком смысле слова. Недаром именно библиографы того времени обогатили историко-литературную науку не только громадным количеством сведений, но и поисками научной методик. Не случайно из библиографической школы 50–70-х гг. вышли наиболее видные представители историко-литературной науки второй половины XIX в.» [9].

Книга «Евгений Иванович Якушкин» посвящена сыну декабриста Ивана Дмитриевича Якушкина. Е.И. Якушкин был ученым в области правоведения и создателем библиографического указателя «Обычное право», собирателем материалов и публикатором воспоминаний декабристов. Он подготовил к публикации записки своего отца — «Записки И.Д. Якушкина», публиковавшиеся в журналах «Полярная звезда» и «Русский архив», которые представляют ценный исторический материал. Благодаря Е.И. Якушкину увидели свет «Записки о Пушкине» И.И. Пущина, «Сочинения К.Ф. Рылеева», «Записки В.Ф. Раевского, написанные им в Сибири...». Е.И. Якушкин был литературоведом-пушкинистом, библиографом, просветителем. В приложении к своей книге Л.М. Равич опубликовала некоторые произведения Якушкина: «Воспоминания об И.И. Пущине», «Воспоминания о Г.С. Батенькове», «Предисловие к первому выпуску “Обычного права”» [10].

Таким образом, эта книга из летописи семьи Якушкиных превратилась в историю декабристского движения (не случайно она была опубликована Академией наук СССР в серии «Страницы истории нашей Родины»). В ней содержатся ценные материалы и наблюдения, характеризующие эпоху 1850–1880-х годов, которую Равич знала досконально.

Сборник «Собиратели книг в России», хотя участие Л.М. Равич обозначено только как «составитель», — это ее творческая работа. Она

не только подготовила к печати и прокомментировала труды и переписку российских библиофилов середины XIX века, которые, как ей удалось убедительно доказать, были одновременно и историками литературы, и библиографами, и специалистами-книговедами, но и написала очерки-портреты восьми выдающихся деятелей того времени. Позже говорили, что очерк-портрет деятеля русского книжного дела XIX века в значительной степени разработала сама Л.М. Равич [11].

Кто же эти люди, о которых так интересно и с таким блеском писала Л.М. Равич?

Александр Николаевич Афанасьев, всем нам известный как собиратель «Народных русских сказок» и легенд, который также был и выдающимся историком литературы XVIII века, знатоком книги, редактором журнала «Библиографические записки», выходившего в 1858–1859, 1861 гг.

В числе интереснейших материалов и переписки с такими известными деятелями того времени, как Е.И. Якушкин и П.П. Пекарский, Равич поместила и заметку А.Н. Афанасьева «Князь тьмы» о редкой книге «Пансальвин, князь тьмы», напечатанной в 1809 г. в Москве в Университетской типографии и переведенной с немецкого языка. «Конечно, — пишет Л.М. Равич, — Афанасьев, крупнейший исследователь восемнадцатого столетия, не мог ценить книги только за их редкость, но <...> вероятно, сила Афанасьева так же, как и других его товарищей-книголюбов, заключалась именно в соединении научного и библиофильского подхода к отечественной печатной продукции» [12].

Михаил Петрович Полуденский — русский библиограф, библиофил, также историк русской литературы XVIII века, активно сотрудничавший с журналом «Библиографические записки» и с «Бюллетенем букиниста» (*Bulletin du Bouquiniste*), издававшимся в Париже, в котором Полуденский публиковал статьи о старых и новых книгах, изданных в России. Именно он, к радости библиофилов и историков литературы, издал целиком редчайший труд Н.И. Новикова «Материалы для истории Дружеского ученого общества 1782 г.» (предисловие к этому труду есть в книге Равич).

Виктор Иванович Касаткин — политический эмигрант, тесно связанный с А.И. Герценом. Он и скончался за границей — в Женеве. При этом Касаткин был известнейшим в свое время библиофилом и соиздателем журнала «Библиографические записки».

Петр Александрович Ефремов — персонаж, о котором Равич писала и упоминала наиболее часто. Она пишет: «Имя Ефремова в свое время гремело; благодаря подготовленным им изданиям русской классики (да и второстепенных писателей тоже) его знала вся читающая Россия. Его библиотека по праву считалась национальной сокровищницей, а его собрание иконографического материала могло потягаться с коллекциями первейших богачей, собиравших подобные издания» [13]. Ефремов был очень известным для своего времени библиографом, редактором изданий русской классики и историком литературы. Он подготовил к изданию собрания сочинений А.Н. Радищева, Д.И. Фонвизина, А.Д. Кантемира, В.И. Майкова, А.И. Полежаева, К.Ф. Рылеева, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина (несколько изданий). Им были переизданы журналы Н.И. Новикова, уже в XIX веке ставшие библиографической редкостью,

и его же «Опыт исторического словаря о российских писателях». При этом Ефремову приходилось выдерживать постоянные баталии с цензурой, так как Н.И. Новиков и в XIX веке казался фигурой, опасной для властей.

В своей книге Л.М. Равич опубликовала работу Ефремова «Об изданиях «Живописца», предисловие к переизданию «Вадима Новгородского» Я.Б. Княжнина, статью об «Алькоране Магомета», хранящемся в Императорской Публичной библиотеке, некролог А.Н. Афанасьева и ряд других материалов.

Евгений Иванович Якушкин и Григорий Николаевич Геннади. В очерках, им посвященных, Равич особое внимание уделяет их библиофильской деятельности, останавливаясь также на тех публикациях, которые они сделали на основе своих книжных собраний.

Михаил Ларионович (Илларионович) Михайлов — поэт, переводчик, революционер, не доживший до 40 лет и погибший на каторге в Сибири. Как пишет Любовь Моисеевна, «можно без преувеличения утверждать, что и в книговедении 40–60-х годов М.Л. Михайлов был среди самых передовых деятелей. Он вообще одним из первых среди книголюбов — своих сверстников — выступил в печати с трудами профессиональной тематики» [14].

Равич имеет в виду цикл статей Михайлова «Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке», опубликованный в журнале «Библиотека для чтения». Михайлов писал «о назначении библиотек вообще и библиотек частных в особенности»; он рассуждал о принципах собирания личных библиотек «учеными и литераторами»; сообщал любопытные сведения об охотниках пользоваться чужими книгами и о нравственной стороне этой проблемы, особенно когда книги не возвращались к владельцу, характеризовал библиофилов и библиоманов и касался происхождения библиомании. Определению понятия «библиография», значению библиографии и требованиям, которые следует предъявлять к библиографу, посвящен отдельный фрагмент в его первой статье. Михайлов пишет: «Если б сущность библиографии состояла единственно из того, что выражается ее названием (книгописание — Н.Л.), то она представляла бы мало общего интереса и справедливо могла бы считаться наукою книгопродавцев; поэтому все знаковые с библиографией только по имени считают ее предметом в высшей степени сухим и незанимательным» [15]. По мнению Михайлова, «библиография не есть искусство составления каталогов, как думают некоторые, а наука, занимающая почетное место в ряду человеческих знаний» [15]. Приводя целиком всю статью Михайлова, Равич, несомненно, сочувственно относится к его высказываниям, касающимся библиографии.

Михаил Николаевич Лонгинов. Именно он вел раздел «Библиографические записки» в журнале «Современник», в котором рассказывал читателям о находках в мире книг и рукописей. По сути, как считает Л.М. Равич, Лонгинов был родоначальником того жанра, который мы называем «рассказы о книгах».

Именно благодаря Л.М. Равич мы теперь не сомневаемся, что «русское библиофильство 30–50-х годов XIX века было значительным общественно-культурным явлением, одной из форм пассивного протеста

против удушающей атмосферы николаевского царствования, против оказывания мысли и культуры. Библиофилы были хранителями культурных ценностей <...> частные собрания библиофилов имели громадное значение как база для научной библиографической и историко-литературной работы» [16]. Она пишет, что именно библиофильство сделало библиографов того времени превосходными знатоками русской литературы и старинной русской книги; собирание библиотек и их изучение дало возможность познакомиться с работами не только корифеев, но и рядовых писателей, без исследования творчества которых невозможно ни серьезное изучение истории литературы, ни создание репертуара русской книги.

О деятелях книги XIX века Равич публиковала статьи на страницах журналов и в сборниках. Творчество уже упомянутых лиц она изучала в самых разных аспектах; кроме того, у нее есть публикации, посвященные В.С. Комовскому и С.А. Соболевскому, она писала о семье Языковых. Не обошла вниманием изучение в XIX веке наследия Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, П.Я. Чаадаева и публикацию их трудов, писала о вопросах цензуры.

Одна из весьма любопытных статей Равич «Литературная летопись Барона Брамбеуса» [17] посвящена Осипу Сенковскому (Барон Брамбеус — это один из его литературных псевдонимов). В течение многих лет Сенковский был редактором журнала «Библиотека для чтения». «Литературная летопись» — один из разделов журнала; вначале в этом разделе печатались списки вновь выходящих книг с рецензиями, аннотациями, а иногда и без них. Однако в дальнейшем отдельные номера «Литературной летописи» представляли собой драматические сценки, где действовали Читатель, Читательница, сама Летопись, стихотворения или другие произведения отдельных писателей. В такой форме Сенковский критиковал те произведения, которые казались ему слабыми, например с литературной точки зрения.

В «Литературной летописи» № 26 за 1838 г. была опубликована своеобразная драма «Ночи Пюблик-Султана-Богодура», где главное действующее лицо — Пюблик-Султан-Богодур (т.е. публика, читающая масса) и две его дочери — Критикзада и Иронизада, которые рассказывают Султану содержание новейших книг, причем Султан засыпает при чтении первой же повести. Таким образом, написанная в занимательной форме статья Равич привлекала внимание читателей к тому разделу журнала «Библиотека для чтения», который имел самое непосредственное отношение к библиографии.

Особое значение для середины XIX в. имела деятельность журнала «Библиографические записки», который выходил в 1858–1859 и в 1861 гг. В состав редакции входили А.Н. Афанасьев, Е.И. Якушкин, П.А. Ефремов, М.П. Полуденский, Н.В. Гербель, В.П. Гаевский.

«Библиографические записки», как справедливо утверждает Л.М. Равич, были скорее книговедческим, историко-литературным и библиофильским, чем библиографическим журналом. В нем публиковались забытые или неизвестные литературные памятники, многие из которых имели большое общественное значение; материалы, посвященные П.Я. Чаадаеву, Н.И. Новикову, Д.И. Фонвизину, А.Н. Радищеву; впервые

напечатаны некоторые стихотворения В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, страницы журнала неоднократно отводились произведениям А.С. Пушкина и материалам, посвященным ему. В журнале были опубликованы документы, касающиеся раскола, масонства, декабристского движения и т.п. Журнал печатал и собственно библиографические работы (Г.Н. Геннади, А.М. Лазаревского, В.И. Межова). И, конечно, журналу постоянно приходилось преодолевать цензурные препоны, чем и объясняется недолговечность его существования. К деятельности журнала Равич обращалась неоднократно. А в ее Архиве в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) хранится неопубликованная работа «Судьба журнала “Библиографические записки”».

Л.М. Равич публиковала свои статьи в журналах «Библиография», «Мир библиографии», «Библиотековедение»; в энциклопедических изданиях, в частности в энциклопедиях «Книга» и «История России с древнейших времен до 1917 года» помещены ее биографические очерки о деятелях, творчество которых она постоянно изучала и популяризировала. Равич сотрудничала с РНБ, и ее статьи появлялись в сборниках, выпускаемых Библиотекой, — «История библиотек» и «Историко-библиографические исследования», в словаре «Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры, Библиотека Академии наук издала подготовленный ею сборник научных трудов «Библиотеки Петербурга – Петрограда – Ленинграда» [18].

Невозможно обойти внимание ее статью «Злоключения Клио в лесах российской библиографии», опубликованную в 1998 г. в «Историко-библиографических исследованиях» [19].

В 1850-е гг. сложилась ситуация, когда вопрос об общественном значении библиографии, ее сущности и задачах волновал не только «ученых» библиографов, он обсуждался на страницах популярных журналов; библиография была предметом дискуссий, в ходе которых обсуждались различные аспекты деятельности библиографа, критерии оценки его труда, проблемы отбора библиографируемых произведений. Библиографы 1850-х гг., публиковавшие свои работы на страницах не только специальных (таких, как «Библиографические записки»), но и универсальных журналов, имели широкую аудиторию и старались сделать свои работы интересными, читаемыми. Внимание публики привлекали историко-книжные и историко-литературные материалы, обзоры новых книг и рецензии, зачастую написанные в полемическом духе.

Публицисты революционно-демократического лагеря подвергли критике те библиографические явления, которые — с их позиции — не отражали актуальных общественных проблем. Статья Н.А. Добролюбова о «Собеседнике любителей русского слова», опубликованная в 1856 г. в «Современнике», и ряд других его работ содержали резкие выпады против библиографов, которых он называл «несчастливыми носильщиками, перетаскивающими камни к месту стройки», «жалкими рудокопами, копающими землю, чтобы отыскать в ее горах зернышко золота». Д.И. Писарев в статье «Бедная русская мысль» подверг резкой и необоснованной критике труды П.П. Пекарского; М.Е. Салтыков-Щедрин позднее (в 1870–1880-е гг.) сатирически изобразил библиографов в «Современной идиллии» и «Письмах к тетеньке».

Общепринятой в советское время была точка зрения, согласно которой в библиографии середины и второй половины XIX века существовало «просветительское» направление в библиографии, к которому принадлежали Н.Г. Чернышевский и Н.А. Добролюбов, и «формалистское», грешащее вниманием к мелочам, против которого решительно боролись революционные демократы.

Тему «Революционные демократы и библиография» впервые осветил Н.В. Здобнов, опубликовав в 1936 г. статью «Добролюбов и библиография». Затем эта тема подробно разрабатывалась в работах целого ряда отечественных исследователей, в первую очередь Ю.И. Масанова, С.А. Рейсера.

Л.М. Равич, ссылаясь на труды литературоведов А.Л. Гришунина и В.Н. Перетца, приходит к выводу, что именно «библиографическое направление», против которого выступали революционные демократы, заложило основы библиографической деятельности и научные основы литературоведения в России. Равич пишет: «До опубликования статьи Здобнова “Добролюбов и библиография” (1936) никто не называл эти нападки борьбой и вообще не придавал им столь серьезного идеологического значения. Но время требовало классовой борьбы, в том числе и опрокинутой в прошлое. И вот был создан сюжет “Революционные демократы и библиография”. Из него следовало, что революционные демократы были озабочены поднятием идейного багажа библиографии и в конце концов преуспели в этой благородной борьбе с формалистами, объективистами и прочими негативными персонажами...» [20], а к ним, следует заметить, относились почти все те деятели середины XIX века, о которых писала Л.М. Равич. Она замечает, что в «библиографизме» середины XIX в. можно выявить и слабые, и смешные стороны — среди библиографических работ того времени встречались и случайные, и просто глупые; допускали ошибки и крупные специалисты — так, анекдотичным стал случай с Геннадии, когда в списке сочинений Н.В. Гоголя он не указал «Мертвые души» (как потом было доказано, пропуск произошел в корректуре и не по вине самого Геннадии). Подобные неудачи давали обильный материал для юмористов и критиков и действительно стоили того, чтобы относиться к ним критически. Однако промахи и случайности, утверждает Равич, не должны дискредитировать все явление в целом. Категорически опровергая выдвинутые обвинения в отношении деятелей середины XIX в. в формализме, реакционности, недооценке литературной критики и библиофильских тенденциях, Равич говорит о неправомерности выделения двух направлений в теории библиографии по идеологическим соображениям — прогрессивного и формалистского — и считает, что во многом причиной обвинений библиографов была недифференцированность библиографии, которая в середине XIX в. существовала в тесной связи с критикой, публицистикой, формирующимся литературоведением.

Особенности развития советской исторической науки, в том числе и историко-библиографической, ее идеологизация привели, по мнению Равич, к необъективной оценке бесспорного вклада в развитие библиографии, который внесли деятели книги середины XIX в.

Так как Равич много лет преподавала сначала в ЛГБИ, затем в Ленинградском государственном институте культуры (ЛГИК), она принимала участие и в написании учебников и учебных пособий. Учебник «Библиография. Общий курс» 1969 г. [21] — наиболее полный в отношении истории, он включает три главы по истории библиографии, полностью написанные Л.М. Равич. Учебник 1981 г. [22] издан под редакцией О.П. Коршунова, который, как известно, преимущественное внимание уделял теории библиографии и по сути является родоначальником дисциплины библиографоведение. Но и в этом учебнике есть исторические главы и параграфы, написанные Равич, хотя и не в таком объеме, как в предыдущем.

В конце 1980-х гг. на страницах журнала «Советская библиография» было опубликовано несколько статей, посвященных вопросам изучения и преподавания курса библиографии. Любовь Моисеевна подняла вопрос о необходимости преподавания студентам курса истории библиографии. Ее статья та и называлась «История — это судьба» [23]. История, утверждает Равич, в данном случае история библиографии, это «судьба целой области культурной работы, судьба ее представителей, как правило, драматическая и необычайно поучительная» [1], которую нужно изучать и делать достоянием гласности. А на примерах подвижников библиографии нужно воспитывать молодое поколение. И действительно, в истории библиографии очень много примеров людей неравнодушных, стремящихся внести свой вклад в отечественную культуру даже вопреки внешним обстоятельствам. О них и пишет в своей статье Л.М. Равич.

Одной из последних крупных работ Равич было участие в подготовке комментированного издания «Истории русской библиографии» Н.В. Здобнова [24]. Оценивая фундаментальный труд Здобнова, Равич писала: «В свое время даровитый и образованный Н.В. Здобнов первый начал читать курс истории библиографии <...> попытавшись связать его с проблемами культуры, идеологии, политики. До сих пор его монография “История русской библиографии до начала XX века” является единственной работой, рассматривающей весь путь ее развития...» [25].

Л.М. Равич написала комментарий ко многим главам разделов «Первая четверть XIX века», «Вторая четверть XIX века», «Вторая половина XIX века», к персональным главам «П.П. Пекарский» и «Г.Н. Геннади». Благодаря ее комментированию данное издание «Истории русской библиографии» приобрело многоаспектность и основательность.

Работы Л.М. Равич и сейчас не потеряли своего значения. Некоторые положения, доказанные ею, воспринимаются теперь как бесспорные. В чем-то с Л.М. Равич можно не соглашаться и полемизировать, а какие-то проблемы она только наметила, и они нуждаются в дальнейшем развитии.

Список источников

1. Равич Л.М. История — это судьба // Советская библиография. 1988. № 4. С. 25.
2. Любовь Моисеевна Равич : [указатель] / М-во культуры РФ, С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, Рос. нац. б-ка ; сост.: Н.К. Леликова, О.А. Щиченко ; науч.

ред. Н.К. Леликова ; вступ. ст.: Д.К. Равинский. Санкт-Петербург, 2003. 27, [1] с. (Ученые Университета культуры и искусств).

3. Труды / Ленингр. гос. библиотеч. ин-т. 1958. Т. 3. С. 207–225.
4. Труды / Ленингр. гос. библиотеч. ин-т. 1959. Т. 5. С. 47–67.
5. *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX века. Изд. 3-е. Москва, 1955. С. 258.
6. Труды / Ленингр. гос. библиотеч. ин-т. 1958. Т. 3. С. 215.
7. *Равич Л.М.* Г.Н. Геннади (1826–1880). Москва : Книга, 1981. С. 80.
8. *Равич Л.М.* Г.Н. Геннади (1826–1880). Москва : Книга, 1981. С. 48.
9. *Равич Л.М.* Г.Н. Геннади (1826–1880). Москва : Книга, 1981. С. 114.
10. *Равич Л.М.* Евгений Иванович Якушкин (1826–1905). Приложения. Избранные сочинения Е.И. Якушкина. Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. С. 135–191.
11. *Равинский Д.К.* «История — это судьба» : [о Л.М. Равич] // Любовь Моисеевна Равич : [указатель]. Санкт-Петербург, 2003. С. 5.
12. Собиратели книг в России. Москва : Книга, 1988. С. 22.
13. Собиратели книг в России. Москва : Книга, 1988. С. 92.
14. Собиратели книг в России. Москва : Книга, 1988. С. 148.
15. Собиратели книг в России. Москва : Книга, 1988. С. 161.
16. *Равич Л.М.* М.Л. Михайлов и его место в истории русской библиографии 50–60-х годов XIX века // Советская библиография. 1969. № 2. С. 57.
17. Библиотекосведение. 2000. № 2. С. 70–76.
18. Библиотеки Петербурга–Петрограда–Ленинграда : сб. науч. тр. / Б-ка Рос. акад. наук ; редкол.: Н.Н. Лебедева, В.П. Леонов, Л.М. Равич (отв. ред), Е.А. Савельева, М.А. Шапарнева. Санкт-Петербург, 1993. 168, [3] с.
19. Историко-библиографические исследования : сб. науч. тр. / Рос. нац. б-ка. Санкт-Петербург, 1998. Вып. 7. С. 33–62.
20. *Равич Л.М.* Злоключения Клио в лесах российской библиографии // Историко-библиографические исследования : сб. науч. тр. / Рос. нац. б-ка. Санкт-Петербург, 1998. Вып. 7. С. 39.
21. Библиография. Общий курс : учебник для библиотеч. фак. ин-тов культуры / под ред. М.А. Брискмана, А.Д. Эйхенгольца. Москва : Книга, 1969. 560 с.
22. Библиография. Общий курс : учебник для библиотеч. фак. ин-тов культуры, пед. вузов и ун-тов / под ред. О.П. Коршунова. Москва : Книга, 1981. 511 с.
23. *Равич Л.М.* История — это судьба // Советская библиография. 1988. № 4. С. 24–29.
24. *Здобнов Н.В.* История русской библиографии от древнего периода до начала XX века : коммент. изд. / Б-ка Рос. акад. наук, Рос. нац. б-ка ; под ред. Н.К. Леликовой, М.П. Лепехина. Москва : Русское слово, 2012. СХLVII, [1], 1243 с.
25. *Равич Л.М.* История — это судьба // Советская библиография. 1988. № 4. С. 28.

LELIKOVA N. Creative heritage of L.M. Ravich

Lelikova Natalia — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Bibliography and Local Lore of the Russian National Library
Russian National Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: lelikova@nlr.ru

ABSTRACT

The article discusses the main areas of creative activity of L.M. Ravich, an outstanding historian of Russian bibliography and book business, a teacher at the Leningrad State Institute of Culture. The article analyzes the problems of the main works of L.M. Ravich and shows her contribution to the development of national culture.

Key words: bibliography, history of Russian bibliography, Leningrad State Institute of Culture, history of Russian culture, Lyubov Moiseevna Ravich.

УДК 01(092)
ББК 78.53

М.К. Свиченская

АРХИВ УЧЕНОГО И СОВРЕМЕННОГО: о материалах Л.М. Равич в Российской национальной библиотеке

Свиченская Мария Константиновна — к.ф.н, старший научный сотрудник ОР РНБ
Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mswitch2016@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой обзор материалов личного фонда выдающегося историка отечественной библиографии и книжного дела Л.М. Равич в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Наиболее ценными документами архива являются рукописи ее неопубликованных работ о журнале «Библиографические записки» и сотрудниках этого издания: А.Н. Афанасьеве, Н.В. Гербеле, П.А. Ефремове и М.Н. Лонгинове; мемуары и письма к Равич П.Н. Беркова, Б.С. Боднарского, В.Я. Лакшина, А.А. Лебедева, Ю.Г. Оксмана, С.А. Цвылева, Н.Я. Эйдельмана.

Ключевые слова: Любовь Моисеевна Равич, отдел рукописей Российской национальной библиотеки, история русской библиографии, Софья Менделевна Глускина, Владимир Яковлевич Лакшин, Александр Александрович Лебедев, Мэра Наумовна Свердлова, Леонид Алексеевич Творогов, Сергей Александрович Цвылев, Натан Яковлевич Эйдельман, Проскуров (Хмельницкий).

Ровно двадцать лет тому назад Л.М. Равич (рис. 1) распорядилась передать свой архив в отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Достигнув 80-летнего возраста, она решила наконец расстаться с ним. Это произошло в 2003 г., за три года до ее смерти. В то время она по-прежнему была крепка духом, но уже не вставала с постели и почти не могла читать.

Равич была легендарной фигурой. И в институте культуры, и в своем кругу, который объединял многих видных представителей ленинградской интеллигенции (рис. 2, 3). Ей посвящали стихи поэты Л.С. Друскин, Н.М. Слепакова, переводчик-виртуоз М.А. Донской. Эти сочинения сохранились в ее архиве.

Фонд Равич в отделе рукописей РНБ невелик, но очень содержателен. Его материалы дают представление о масштабе личности этого человека. Документы архива охватывают почти целый век: от 1914 до 2002 гг.¹[1]. Самый ранний документ принадлежал отцу Равич М.М. Когану (рис. 4), врачу по профессии. Он был выдан Житомирской уездной земской управой на бесплатное взимание подвод для разъездов по делам медицинской службы.

В архиве сохранились две рукописи воспоминаний, достаточно поздних по времени создания. Первая и наиболее пространная из них — «О себе и о других» (18) [1] — датирована 1993 г. и повествует о предках Равич по отцовской и материнской линии и о жизни семьи в довоенном Проскурове

¹ ОР РНБ. Ф. 1456. Опись фонда см.: URL: <https://nlr.ru/manuscripts/dep/img/manuscripts/Opisi/1456.pdf> (последнее обращение 22.04.2023). Далее ссылки на документы фонда даются непосредственно в тексте в круглых скобках с указанием номера архивного дела и, в случае необходимости — номера листа.

(с 1954 г. — г. Хмельницкий). В этих воспоминаниях представлена социокультурная характеристика городской интеллигенции и колоритная картина нравов еврейской среды, в лице наиболее видных ее представителей. Чтение захватывает с первых же строчек. Надо сказать, что это качество отличало все работы Л.М. Равич, которая была мастером увлекательного начала. Эти воспоминания можно отнести к произведениям в жанре семейной истории, равно как и истории повседневности, которые приобрели за последнее время особую актуальность в исторической науке.

Иного рода — мемуары 2002 г. «Библиограф в провинции» (19)² [1], имеющие подчеркнутую политическую заостренность. В них нашли отражение годы учебы автора в Ленинградском государственном библиотечном институте в 1947–1950 гг. и последующее ее пребывание в Пскове, которое закончилось вместе с поступлением в аспирантуру в 1955 г. (рис. 5).

С взволнованным чувством Равич писала о своей alma mater. В первое послевоенное десятилетие Библиотечный институт занимал особое положение среди вузов Ленинграда. По выражению мемуаристки, он представлял собой некий оазис «среди царящего зла»³, чем в значительной степени был обязан своему тогдашнему директору П.Е. Никитину. После «университетской душегубки»⁴ «отчаянную девчонку» (19, л. 1) [1] поразили установленные в институте демократические порядки. В ЛГБИ сложился блестящий преподавательский состав, значительно «прореженный» впоследствии. Равич слушала лекции патриарха отечественной библиографии М.Н. Куфаева в последний год его работы в институте. Среди других преподавателей, определивших ее профессиональное становление, мемуаристка назвала имена М.П. Бронштейн, Б.Я. Бухштаба и С.А. Рейсера (рис. 6).

В развернутом и чрезвычайно емком очерке о своем учителе и друге Д.К. Равинский отмечал особое значение Пскова в жизни Равич [3]. Этот город оказался прибежищем для многих представителей ленинградской интеллигенции, потерявших или не имевших возможности получить работу по специальности в период преследования «космополитов» в 1948–1953 гг. Именно в эти годы в Псковском педагогическом институте начала свою преподавательскую деятельность плеяда талантливых выпускников ЛГУ и ЛГПИ им. А.И. Герцена, которую составляли филологи Е.А. Гитлиц, С.М. Глушкина, Р.С. Рейфман, историки Г.М. Дейч, М.Н. Свердлова и др. «Они подняли местный институт на уровень столичного» [4, с. 73]⁵, — напишет Равич полвека спустя в других своих

Рис. 1. Любовь Моисеевна Равич. 1950–1960-е гг.

² Эта рукопись легла с основу ее публикации «Воспоминания выпускницы ЛГБИ» [2].

³ Последние строки стихотворения Н.А. Добролюбова «Памяти отца» (1857).

⁴ Сразу после войны Л.М. Равич закончила первый курс французского отделения филфака ЛГУ.

⁵ См. об этом также: Рейфман П.С. Повесть о Псковском досадном сидении: [Воспоминания]. URL: http://reifman.ru/memoirs/o_pskove/; Шалит Ш. Ученые евреи с берегов Невы // Семь искусств. 2010. № 6 (7). URL: <https://7iskusstv.com/2010/Nomer6/Shalit1.php>.

Рис. 2. На последнем дне рождения Л.М. Равич. 2006 г. Сидят (слева направо): Н.К. Леликова, Л.М. Равич, И.Г. Матвеева, А.В. Блюм. Стоят: О.А. Щиченко, Д.К. Равинский

Рис. 4. С родителями, Моисеем Миновичем и Кларой Сендеровной Коган. 1940-е гг.

Рис. 3. Л.М. Равич и А.В. Блюм, «учитель и ученик». 2005 г.

Рис. 5. Л.М. Равич. 1940-е гг.

воспоминаниях о Пскове. Эти люди входили в тогдашний круг ее общения. «Институтские обычно собирались у Р.С. Кац⁶ и М.Н. Свердловой⁷ — двух подруг⁸, снимавших комнату в центре города (хоромы) чуть ли не 16 метров, — вспоминала Равич. — В этой компании <...> было несколько певших под гитару, и пели они, конечно, не лебединокумачовые песни» [4, с. 75]. Впоследствии все они оставили место своей «добровольной ссылки», за исключением С.М. Глушкиной, с которой Равич связывали затем многолетние дружеские отношения⁹.

⁶ Ревекка (Ева) Самсоновна Кац, историк, впоследствии вернулась в Киев; составитель указателя «Бібліографія української і російської бібліографії по історії УССР» (в соавт. с Ф.Ф. Максименко). См. также ее письмо Л.М. Равич 1983 г. (46) [1]. Не путать с псевдонимом писателя Р.Э. Арбитмана, автора книг «Альтернативная история литературы» и «История советской фантастики». См. о нем: URL: <https://fantlab.ru/autor1216>. На сайте интернет-магазина «Ozon» указана ошибочно как автор этих книг. См. URL: <https://www.ozon.ru/person/kats-revekka-samsonovna-7296519/category/knigi-16500/>.

Рис. 7. Л.М. Равич (слева) и В.С. Полозова. 1950-е гг.

В Пскове поселились и многие из тех, кто прошел через машину сталинских репрессий и кому было запрещено проживать в больших городах. Именно к таким людям относились создатель древлехранилища Псковского музея-заповедника Л.А. Творогов и ученый-библиофил, в прошлом — обладатель одной из наиболее обширных и ценных частных библиотек в довоенном Ленинграде, С.А. Цвылев¹⁰. С этими корифеями псковского краеведения Равич познакомилась, работая в научной библиотеке областного краеведческого музея. По распределению ей досталась должность заведующей музейной библиотекой, в которую незадолго до этого вернулись вывезенные немцами в период оккупации книжные сокровища.

После первой неудачной попытки поступления в аспирантуру ЛГБИ в 1953 г. Равич начала работать в Псковской областной библиотеке. Довольно скоро она возглавила там справочно-библиографический отдел. В своих воспоминаниях мемуаристка с юмором описывает идеологические несурезицы, которыми в те годы была полна работа библиотечных методистов (рис. 7).

Характеристика литературного творчества Равич была бы неполной без упоминания ее поэтических сочинений. В архиве они представлены рукописным сборником (27) [1], содержащим около пятидесяти стихотворений 1953–1980-х гг., среди которых преобладают посвящения и стихотворения на случай. Этот сборник представляет собой прошитую общую тетрадь большого формата с вложенными в нее разрозненными листами.

Равич сочла необходимым сохранить в своем архиве два пародийных сочинения, посвященные значимым датам в жизни ее коллег, выдаю-

⁷ Мэра Наумовна Свердлова, историк, жена одного из ведущих преподавателей истории нового и новейшего времени истфака ЛГУ А.С. Могилевского, автора резонансных воспоминаний «Прожитое и пережитое» (Ленинград; Иерусалим, 1997). В 1978 г. после смерти младшего сына семья эмигрировала в Израиль. См. также URL: <https://pub.wikireading.ru/132051>.

⁸ Ср. у П.С. Рейфмана: «В нашу компанию входили и несколько историков: Мэра и Ева (не помню фамилий)» (см. примеч. 6).

⁹ Софья Менделевна Глускина (1917–1997), лингвист, преподаватель Псковского педагогического института. В своих письмах (44) [1], присланных из Израиля в 1997 г., она, по просьбе Равич, поделилась воспоминаниями о работе в Псковском педагогическом институте Н.Я. Мандельштам в 1962–1964 гг. и о людях, которые навещали ее в Пскове, причем все они — И.А. Бродский, Ф.Ф. Вигдорова, Н.Е. Горбаневская, Вяч.Вс. Иванов, С.П. Маркиш, А.Г. Найман, А.И. Солженицын — останавливались именно у Глускиной. В первом из этих писем, написанном за полгода до смерти их автора, была упомянута поименно и вся — дословно — «компания космополитов», в которую, помимо вышеназванных имен, входил также А.Д. Дувидович, преподаватель политэкономии из Москвы, направленный в Псков «для усиления кадров». Подробнее о ней см.: Костючук Л.Я. Учителя учителей // Псковский летописец: Краеведческий альманах. Псков, 2010. № 3 (4). С. 119–124. URL: <https://majmin.pskgu.ru/page/82db1dfb-40b0-4ee8-9352-03d63922688a>. См. также примеч. 5.

¹⁰ Подробнее о нем см., например, электронный ресурс, URL: <http://pskoviana.ru/istoriya/persony/90-galereya-pskovskogo-kraevedeniya/396-tsvylev-s-a>.

См. также: Жучков К.Б. Штрихи к биографии С.А. Цвылева // Псков. 2016. № 44. С. 7–11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/shtrihi-k-biografii-s-a-tsvyleva/viewer>.

щихся деятелей в области библиографии и литературоведения: 60-летию М.А. Брискмана и утверждению докторской степени Б.Я. Бухштаба, также совпавшему с его 60-летием. Первое из них было представлено в виде записной книжки библиографа XIX в. В.Г. Анастасевича (28) [1], а второе — в виде каталога-путеводителя по «Музею русской поэзии 40-х гг. XIX века» (29) [1]. Причем второе выдает Равич как одного из «анонимных» авторов этого коллективного кафедрального сочинения¹¹.

Наибольшую ценность в архиве ученого обычно имеют рукописи неопубликованных книг. В фонде Равич среди творческих рукописей и материалов к работам они составляют подавляющее большинство. В силу определенных условий, в которых проходила в СССР деятельность исследователей в области гуманитарных наук, возможность издания их работ была крайне ограничена, в особенности если эти работы не укладывались в жесткую идеологическую парадигму. Кроме того, знакомство с материалами архива убеждает в том, что это была принципиальная установка Равич как опытного археографа при отборе материалов для передачи их на государственное хранение. В ее фонде практически отсутствуют творческие рукописи, относившиеся к подготовке к изданию книг «Г.Н. Геннади, (1826–1880)» (М., 1981) и «Е.Я. Якушкин, (1826–1905)» (Л., 1989).

Среди неопубликованных работ в фонде Л.М. Равич в ОР РНБ в первую очередь следует назвать ее обобщающий труд «Судьба журнала “Библиографические записки”» (22) [1] и цикл крупных монографических очерков о сотрудниках этого издания. Часть этих текстов публиковалось в отрывках, в урезанном виде, но целиком им не суждено было увидеть свет¹². Грустный парадокс: трудами Равич были извлечены из забвения имена видных деятелей книги и библиографии, но ее работы сами оказывались обреченными на забвение.

Первое место в указанном цикле принадлежит неоконченной монографии о М.Н. Лонгинове (23)¹³ [1], личности сколь выдающейся, столь и одиозной. Вундеркинд и «всевед», по выражению П.А. Вяземского [5], увлеченный изыскатель и публикатор многих забытых произведений русской литературы конца XVIII — первой трети XIX в., автор изысканных по форме, но предельно циничных порнографических поэм, Лонгинов от выраженного либерализма перешел на крайние консервативные позиции. Последние четыре года своей жизни, с 1871 по 1875 г., он возглавлял Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел. Завершенная часть рукописи составляет около двухсот машинописных страниц. То обстоятельство, что работа над книгой не была доведена до конца, можно объяснить невозможностью ее полной публикации.

¹¹ См. также: ОР РНБ. Ф. 1341 (Б.Я. Бухштаб). № 81.

¹² Среди подобных публикаций следует выделить сборник «Собиратели книг в России» (М., 1988) в серии «Деятели книги», в котором, помимо избранных трудов, помещены небольшие биографические очерки об их авторах, составленные Л.М. Равич. См. также: 1) Л.М. Равич: Биобиблиогр. указ. / сост. Н.К. Леликова, О.А. Щиченко; вступ. ст. Д.К. Равинского. СПб., 2003. 28 с.; 2) Любовь Моисеевна Равич — список трудов — статьи, главы из книг, рецензии. URL: <http://acl-solution.com/Ravich/works-articles.htm>.

¹³ Наиболее полную публикацию материалов рукописи см.: Равич Л.М. Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга: Исслед. и материалы. М., 1996. Сб. 72. С. 160–197. См. также: Равич Л.М. Щедрый дар: Счастливая судьба библиотеки и архива М.Н. Лонгинова // Библиофил. 2000. № 2. С. 62–72.

Едва ли не исчерпывающий по своей полноте материал был собран для монографии о жизни и деятельности другого подвижника книги П.А. Ефремова (25) [1], одного из основателей российской литературоведческой библиографии, текстолога и издателя сочинений Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, А.С. Пушкина, В.А. Жуковского и других литераторов рубежа XVIII столетия. Не увидела света в полном объеме и обширная статья 1994 г. «Два современника Пушкина: Из истории российского инакомыслия» (24) [1], посвященная А.М. Языкову и В.Д. Комовскому, зачинателям текущей библиографической регистрация в России¹⁴. Становление этой последней стало предметом кандидатской диссертации Л.М. Равич. В ее архиве отложились официальные отзывы на эту работу знаменитых университетских профессоров В.А. Мануйлова (8) и С.Б. Окуня (10), а также заведующей Пушкинским кабинетом ИРЛИ АН СССР Я.Л. Левкович (7) [1]. Высокая оценка диссертационного исследования Равич содержалась также в письмах к ней Б.С. Боднарского (40), Н.А. Вильчура (42)¹⁵, Ю.Г. Оксмана (55) и А.Д. Эйхенгольца (65) (последний заведовал кафедрой библиографии в Московском библиотечном институте¹⁶, в котором проходила защита диссертации в 1961 г.) [1]. Между тем, работа была закончена в срок, к моменту окончания аспирантуры в 1958 г., после чего, по свидетельству Равич, начались «приключения с моей “оттепельной” диссертацией, которую пытались зарубить за либерализм»¹⁷. Сохранилась и рукопись начальных глав ее докторской диссертации «Русская библиография 50–70-х гг. XIX века» (20) [1]. Законченная работа не была представлена к защите — вновь по причинам, лежащим вне научного поля.

В фонде Л.М. Равич содержится еще два интересных комплекса документов. Первый из них связан с историей «непубликации» ее статьи 1968 г. «Вокруг Чаадаева» в журнале «Новый мир». Эта работа получила высокую оценку первого заместителя главного редактора журнала В.Я. Лакшина. На редакционном экземпляре с его правкой, который впоследствии был возвращен автору, Лакшиным, в частности, был вписан подзаголовок «По неопубликованным материалам». В архиве сохранился отзыв на рукопись этой статьи, заказанный редакцией авторитетному историку литературы и общественной мысли А.А. Лебедеву (за три года до этого его книга «Чаадаев» (М., 1965) вызвала значительный об-

¹⁴ В ряду неопубликованных работ необходимо отметить также материалы к докладу, зачитанному Л.М. Равич в 1985 г. на заседании Секции библиофилов Ленинградского отделения Всесоюзного общества книголюбов, об издателях, библиографах, поэте и переводчице Н.В. Гербеле (26) [1]. За неполные двадцать лет ею было сделано 13 подобных докладов. См.: Любовь Моисеевна Равич — список трудов — доклады. URL: <http://acl-solution.com/Ravich/works-presentations.htm>.

¹⁵ Николай Александрович Вильчур (1898 — не ранее 1961 (1966) г.), издательский работник, сотрудник издательства «Academia», впоследствии — один из ведущих специалистов в области библиографии научно-технической литературы, с конца 1940-х гг. возглавлял Библиотечную комиссию Министерства образования СССР. В печатных источниках случайная ошибка внесла путаницу в отношении его биографических данных. См. URL: <https://www.rgfond.ru/person/307386>, URL: <http://2spbg.ru/graduates/1916/>, URL: http://pushkinskijdom.ru/wp-content/uploads/2018/03/Datsuk_Instituty-2011.pdf (неверно указаны даты жизни и сведения о должности в университете. См. с. 688 и 742). В работах Г.Ю. Кудряшовой и Т.В. Глазуновой Вильчур представлен как лицо женского пола. См. URL: https://study.urfu.ru/Aid/Publication/5463/1/%D0%9A%D1%83%D0%B4%D1%80-%D1%8F%D1%88%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%9C%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F.pdf (с. 66 и 67); URL: <https://bstudy.net/912480/iskusstvo/vvedenie>.

¹⁶ С 1964 г. — Московский государственный институт культуры.

¹⁷ Равич Л.М. Библиограф в провинции (19, л. 9) [1].

щественный резонанс и была подвергнута резкой официальной критике [6, 7]), а также короткая переписка рецензента и автора 1968 г. В своем письме Лебедев рассуждал о проблемах понимания, изучения и публикации философского наследия П.Я. Чаадаева в контексте идеологической ситуации в СССР в 1960-е гг. Дальнейшие события известны: в 1970 г. Лакшин был уволен, и публикация не состоялась¹⁸.

Другой корпус материалов связан с историей семьи Якушкиных. Он сформировался во время работы над книгой о деятеле *Крестьянской реформы* 1861 г., библиографе Е.И. Якушкине и состоял из документов нескольких поколений потомков декабриста¹⁹, с которыми Равич вела активную переписку. Речь идет о «Записках» О.В. Якушкиной о своем деде, ее ответах на вопросы автора и замечаниях к тексту рукописи книги. Свои замечания и дополнения к воспоминаниям тети оставил в письмах к Равич и Д.И. Якушкин, дипломат и разведчик, сын академика ВАСХНИЛ И.В. Якушкина. Он также сообщал сведения о судьбе библиотеки и коллекции портретов декабристов, некогда принадлежавших его дяде, историку и общественному деятелю В.Е. Якушкину. Интересны письма дочери Е.В. Якушкиной и И.А. Осмоловского, преподавателя Московского университета, орнитолога В.И. Осмоловской, и ее собственной дочери, доктора биологических наук, микробиолога Е.А. Бонч-Осмоловской. Они писали о библиотеке Е.И. Якушкина, об имении его жены М.А. Бизеевой «Марьинка» в Костромской губернии, о причинах смерти В.Е. Якушкина, его могиле, семейном архиве Якушкиных и сохранении памяти об истории своего рода.

Особую ценность представляет отрывок из неопубликованных записок князя С.Д. Урусова «Воспоминания о доме Якушкиных в Ярославле», которые были переданы О.В. Якушкиной ее братом Николаем в 1944 г. Их автор — кадет и масон, тверской и бессарабский губернатор, товарищ министра Временного правительства, а затем совслужащий — скончался во сне в ночь на 5 сентября 1937 г. в возрасте 75 лет. Копия рукописи воспоминаний попала к Равич от историка Н.Я. Эйдельмана.

В фонде Равич имеются свидетельства о дружеском расположении друг к другу этих глубоких и оригинальных исследователей. Сохранился выпуск журнала «Знание — сила» с дарственной надписью Эйдельмана на обложке. В восьмом номере журнала за 1968 г. печаталось продолжение подготовленных им воспоминаний Н.М. Еропкиной о А.С. Пушкине. Материал шел под заголовком «Саранча летела и ... села»²⁰. Это делает понятным содержание странной, на первый взгляд, надписи: «Дорогой Любви Моисеевне от пушкиниста-саранчеведа, с 30-й и далее страницы на добрую память. 21 окт. [19]68 г.» (рис. 8, 9). Кроме того, в тетради с поэтическими сочинениями Равич помещено стихотворение «Н.Я. Эйдельману (при посылке эссе о Лонгинове)», а на титульном

¹⁸ Равич известил о передаче статьи в редакцию журнала «Вопросы литературы». В конечном итоге эта работа была опубликована лишь в 1994 г. в измененном и дополненном виде под другим заглавием. См.: Равич Л.М. Венюк Чаадаеву: (По материалам неопубл. переписки рус. библиографов) // Библиогр. 1994. № 3. С. 102–114.

¹⁹ Е.И. Якушкин был сыном декабриста И.Д. Якушкина.

²⁰ После смерти Эйдельмана в 1989 г., на протяжении десяти лет в редакции журнала «Знание — сила» проводились «Эйдельмановские чтения».

Дорогой Лябови Моисеевне — от пушкиниста-саратовца
с 30-й и далее сдалась — на доброту паче. И.Э. 21.X.68

Рис. 8. Дарственная надпись Н.Я. Эйдельмана Л.М. Равич на обложке журнала «Знание—сила». 21 октября 1968 г.

Дорогой Лябови Моисеевне — от пушкиниста-саратовца
с 30-й и далее сдалась — на доброту паче. И.Э. 21.X.68

знание—сила № 8 1968

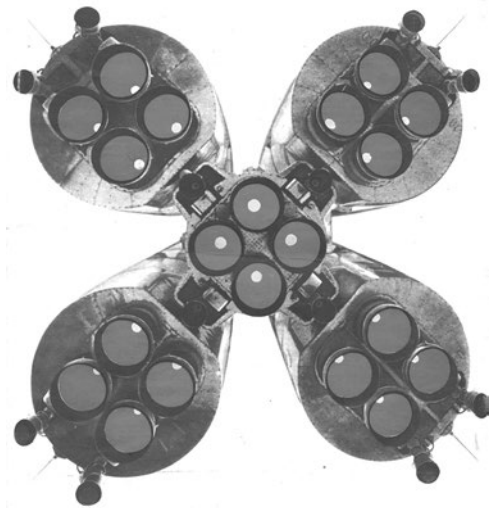

Рис. 9. Обложка журнала «Знание—сила» с дарственной надписью Н.Я. Эйдельмана Л.М. Равич. 21 октября 1968 г.

листе рукописи статьи «Два современника Пушкина» — посвящение его памяти (рис. 10).

Сохранилось 41 письмо Эйдельмана к Равич за 13 лет их переписки: с 1966 по 1988 г. Ученые-единомышленники обсуждали друг с другом проблемы понимания творчества П.Я. Чаадаева, «западников» и «славянофилов», сетовали на сокращение возможностей издания исторических трудов. В письмах можно прочесть о смене руководства в журнале «Новый мир» и альманахе «Прометей», об архивных изысканиях и замыслах новых книг, преподавательской деятельности Эйдельмана в Новосибирске и Париже; найти оценку творчества Равич.

Отзывы о ее работах содержатся также в письмах [1] к ней видных книговедов П.Н. Беркова (39) и И.М. Кауфмана (45)²¹, театрального деятеля, директора Центрального дома литераторов Б.М. Филиппова (59), библиографов-практиков, преподавателей библиотечных вузов. Нашел отражение в архиве и конфликт Равич с еще одним выдающимся историком книги — Е.А. Динерштейном.

Он возник после публикации в журнале «Советская библиография» его критической рецензии на книгу о Г.Н. Геннади. За этим последовало письмо Равич главному редактору журнала А.Г. Глухову (36), в котором, помимо ответа Динерштейну, содержалось заявление о разрыве отношений с изданием²² [1]. Впрочем, этот инцидент не повлиял на дальнейшее плодотворное сотрудничество Равич в журнале.

Отложившаяся в архиве переписка отражала критические настроения в обществе 1960-х–1980-х гг.; в ней содержались отголоски «разгрома» научной школы Л.А. Орбели в 1950 г.²³, отклики на творчество Ю.В. Три-

²¹ Среди корреспондентов Равич был и Ю.А. Меженко (54) [1]. Однако его письма содержат лишь изъявление благодарности за присланные ему работы.

²² См. об этом также письма книговеда Л.А. Везириной к Л.М. Равич (41) [1].

²³ Об этом Равич сообщал Н.Н. Яковлев, биохимик, впоследствии — член-корреспондент АН СССР. Его письма (66) [1] интересны также содержащимися в них сведениями о культурной жизни Ленинграда начала 1950-х гг.: впечатлениями о концерте итальянского дирижера Вилли Ферреро, спектакле Академического театра драмы им. А.С. Пушкина «Великий государь» по пьесе В.А. Соловьёва в постановке Л.С. Вивьена, постановках опер «Борис Годунов», «Мазепа» и «Псковитянка» в Кировском театре, драматическом и исполнительском искусстве Н.К. Черкасова, С.П. Преображенской и др.

Н. Я. Эйдельману. (При посылке эссе о Лонгинове)
 Вся твоя жизнь не гора-бары,
 Не друзья призрачные уны,
 Не быты многие свавы...
 Мил ты родному бернарду
 Мило весело крыло.

 Да, благо гай, который снится
 Бывает общественной пуба,
 К оврагу приключенные мисы...
 Везде Кино все-таки девиза,
 А там же девизы слаба.

 И вот, чтоб не мишилось перцу
 Мне духовное шенто,
 Писал мне Бог едмиверца,
 Что знаю, как обзекан Цирин
 Тержесствовавшию свинью.

 Я шило Вам тизнеописаше.
 Тажих в турналы не несут,
 Зае в турналах - турнаше.
 И Вам, о думе, о Мадане,
 Я ордан со ны сур.

 Пускай нехотит наши галы,
 Личе мой уел - под зердаской
 Слова мнужные тажы,
 Но мне, как Ролфа и Рэши
 Офши веноним шлоком!

Рис. 10. Стихотворение Л.М. Равич «Н.Я. Эйдельману (при посылке эссе о Лонгинове)». Автограф. [1970 г.]

фонова, А.И. Солженицына, Б.Ш. Окуджавы, В.С. Высоцкого и многое другое.

Памятником эпистолярного жанра являются письма С.А. Цвылева (61) [1]. Более двадцати писем, написанных им в 1953–1958 гг., содержат любопытные сведения о послевоенном Пскове, о круге городской интеллигенции. В посвященном ему очерке Равич «Серенька Тошой из палаты просящих старцев» были опубликованы значительные фрагменты их переписки [4]²⁴ (рис. 11).

Обширный материал о Цвылеве, размещенный на региональном сайте «Pskoviana», завершался следующими словами: «Его дарования оказались не востребованными... Но память осталась»²⁵. К Любви Моисеевне Равич невозможно применить эти слова напрямую, но что-то общее

²⁴ См. также примеч. 7.

²⁵ См. примеч. 10.

Рис. 11. С.А. Цвылев среди жителей Пскова. 1950-е гг.

проглядывается в их судьбах. Очевидно, в иных социально-политических условиях ей удалось бы полнее реализовать свой мощный творческий потенциал и талант преподавателя. Вместе с тем, анализ материалов личного архива Равич показывает, что творческое наследие ученого еще таит в себе «неизъяснимы наслаждения»²⁶ для ее будущих последователей в науке.

Список источников

1. Любовь Моисеевна Равич // ОР РНБ. Ф. 1456. URL: <https://nlr.ru/manuscripts/dep/img/manuscripts/Opisi/1456.pdf> (дата обращения: 22.04.2023).
2. Воспоминания выпускницы ЛГБИ // Мир библиографии. 2003. № 2. С. 31–35.
3. Равинский Д.К. Любовь Моисеевна Равич. URL: <http://acl-solution.com/Ravich/biography.htm> (дата обращения: 22.04.2023).
4. Равич Л.М. «Серенька Тошой из палаты просящих старцев»: Повествование о Сергее Александровиче Цвылеве // Библиофил. 2001. № 2 (5). С. 69–82.
5. Вяземский П.А. Дела иль пустяки давно минувших лет: (Письмо Лонгинову М.Н.) // А.С. Грибоедов в воспоминаниях современников. Москва, 1929. С. 120–132. URL: http://feb-web.ru/feb/griboed/critics/vos29/vjaz_29.htm (дата обращения: 22.04.2023); Вяземский П.А. Дела иль пустяки давно минувших лет: (Письмо Лонгинову М.Н.) // Рус. архив. 1874. № 2. С. 535–549; Вяземский П.А. Полное собрание сочинений : в 12 т. Санкт-Петербург, 1882. Т. 7. С. 333–344.
6. Турков А.М., Искандер Ф.А., Левинсон А.Г. О Лебедеве и его «Чаадаеве» // Новое лит. обозрение. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/o-lebedeve-i-ego-chaadaeve.html> (дата обращения: 22.04.2023).

²⁶ Цитата из пьесы в стихах «Пир во время чумы» А.С. Пушкина из цикла «Маленькие трагедии».

7. Кардин В. Дни и книги Александра Лебедева // Новое лит. обозрение. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2003/5/o-lebedeve-i-ego-chaadaeve.html> (дата обращения: 22.04.2023).

SVICHENSKAYA M. Archive of a scientist and a contemporary: on the documents of L.M. Ravich in the National Library of Russia

Svichenskaya Maria — Ph.D. in Philology, Senior Researcher at the Manuscripts Department of the National Library of Russia
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mswitch2016@gmail.com

ABSTRACT

The article deals with the biography and scientific works of the prominent researcher on the history of the Russian bibliography L.M. Ravich and her personal archive stored in the Manuscripts Department of the National Library of Russia. Her fund contains unpublished works, memoirs, letters from P. Berkov, B. Bodnarsky, V. Lakshin, A. Lebedev, Yu. Oksman, S. Tsvylev, N. Eidelman and others.

Keywords: Lyubov Ravich, archive, Manuscripts Department of the National Library of Russia, History of Russian Bibliography, Sofia Gluskina, Vladimir Lakshin, Alexander Lebedev, Mera Sverdlova, Leonid Tvorogov, Sergey Tsvylev, Natan Eidelman, Proskurov (Khmelnitsky).

УДК 01(092)(470+571)
ББК 78.53

Д.К. Равинский

«ИСТОРИЯ — ЭТО СУДЬБА»*

Равинский Дмитрий Константинович — свободный исследователь, кандидат педагогических наук Санкт-Петербурга, Россия, e-mail: ban-rio@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В очерке представлены основные этапы жизни Л.М. Равич и важнейшие направления ее педагогической и исследовательской деятельности. Особенно подчеркнуты ее принципиальные подходы к исследуемой проблеме: традиции либерализма, объективное отношение к представителям различных партий, роль библиофильства в развитии русской культуры.

Ключевые слова: история библиографии, история русской культуры, библиофильство, Любовь Моисеевна Равич, биография.

14 февраля 2003 г. мы праздновали юбилей Любви Моисеевны Равич, выдающегося историка отечественной библиографии и книжного дела. Ученый, чья известность еще во времена Советского Союза перешагнула границы страны, автор многочисленных научных работ, Л.М. Равич не только была — вместе с М.В. Машковой — лидером целого научного направления — истории российской библиографии, но и прокладывала пути к объективному, свободному от конъюнктурных искажений осмыслению истории отечественной культуры. Юбилей — повод для подведения итогов, для анализа вклада ученого в развитие науки. А вынесенная в заглавие одной из работ юбиляра фраза «история — это судьба» в полной мере может быть обращена и к самой Л.М. Равич.

Как заметила Любовь Моисеевна в статье о М.Н. Лонгинове, «жизнеописание — труднейший жанр». Трудно связать судьбу конкретного человека с историческими и социальными обстоятельствами его времени, тем не менее, в биографии любого из тех, кто активно «боролся и искал», отражается судьба общества, судьба страны.

Любовь Моисеевна Равич (в девичестве — Коган) родилась в 1923 г. на Украине в городе Проскурове Каменец-Подольской области (ныне — г. Хмельницкий, центр Хмельницкой области) в семье врачей. Еврейской интеллигенции Украины и Белоруссии выпала тяжкая доля, однако вклад этой интеллигенции в мировую культуру весом и неоспорим. Любу отдали в русскую школу, и, хотя девочка не отличалась примерным поведением, но ее сочинения считались лучшими. В июле 1941-го вчерашняя школьница вынуждена была покинуть родной город, в который вступили немецкие войска. Началась работа во фронтовых госпиталях. В августе 1944 г., когда госпиталь обосновался в городе Луге Ленинград-

* Статья Д.К. Равинского впервые была опубликована как предисловие к кн: Любовь Моисеевна Равич : [указатель] / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, Рос. нац. б-ка ; сост.: Н.К. Леликова, О.А. Щиченко ; науч. ред. Н.К. Леликова ; вступ. ст.: Д.К. Равинский. СПб., 2003. 27, [1] с. (Ученые Университета культуры и искусств).

ской области, в него влилось пополнение — выпускники фельдшерской школы, и девочек-добровольцев, не имевших медицинского образования, в том числе и Любу, отпустили по домам.

Любовь Моисеевна смогла продолжить образование и поступила на филологический факультет Ленинградского университета, на отделение французского языка, но вскоре вынуждена была уйти оттуда из-за болезни. Уже после войны, в сентябре 1947 г., она поступила на второй курс Ленинградского библиотечного института, на факультет библиографии. Так связала Л.М. Равич свою жизнь с библиографией и книговедением. В те годы скромный библиотечный вуз славился замечательными преподавательскими кадрами и особой «ленинградской» атмосферой. При ректорах Петре Ерофеевиче Никитине и Николае Петровиче Скрыпневе институт оказался прибежищем для многих ученых-гуманитариев — тех, кому не нашлось места в Университете и Педагогическом институте.

В 1950 г. Л.М. Равич с отличием окончила институт и начала работать в Пскове — сначала заведующей научной библиотекой областного краеведческого музея, а затем заведующей справочно-библиографическим отделом Псковской областной библиотеки. В эти годы появились первые печатные работы молодого специалиста — обязательные в то время рекомендательные указатели в помощь работникам сельского хозяйства, библиографические плакаты; в местной газете охотно публиковали ее статьи о книгах. Но главное — Любовь Моисеевна впитывала в себя духовную атмосферу послевоенного Пскова, где оказались такие крупные ученые, как Л.А. Творогов, С.М. Глускина, и вообще многие из тех, кому было запрещено жить в больших городах. Об одном из них — библиофиле С.А. Цвылеве — Л.М. Равич напишет потом отдельную статью, опубликованную в наши дни в журнале «Библиофил».

В 1953 г. Л.М. Равич пыталась поступить в аспирантуру Ленинградского государственного библиотечного института, но эта попытка оказалась неудачной — она не смогла успешно «пройти» экзамен по истории КПСС. В 1955 г. Л.М. Равич повторила свою попытку, и на этот раз стала аспиранткой ЛГБИ. Наступило время, когда гуманитариям можно было попытаться сказать свежее слово в науке, и диссертация Л.М. Равич, посвященная, казалось бы, сухой и узкой теме — «Возникновение текущей библиографической регистрации и информации в России в первой половине XX века», оказалась «оттепельной». Из забвения были выведены фигуры двух дворянских интеллигентов — Василия Комовского и Александра Языкова, а возникновение текущей официальной библиографической регистрации в России впервые представлено не как полицейская акция, а как важное культурное достижение. Глубоко новаторский характер работы был отмечен уже при ее защите в 1961 г. Новаторской, противостоящей угодливо-пошлой конъюнктурщине она воспринимается и сегодня. Собственно, в диссертационной работе проявились те черты, которыми отмечены работы ученого: понимание истории библиографии как неотъемлемой части истории культуры; интерес к личностно-биографическому аспекту, причем особого внимания неизменно удостоивались забытые и незаслуженно осужденные фигуры; обращение к первоисточникам — прежде всего архивным материалам, позволяющим снять искажения, внесенные позднейшими «исследователями».

После окончания аспирантуры Л.М. Равич осталась на кафедре библиографии. В то время там работали такие яркие ученые, как М.К. Архипова, М.П. Бронштейн, Б.Я. Бухштаб, В.В. Гнучева, И.В. Гудовщикова, Л.В. Зильберминц. Л.М. Равич быстро заняла свое место в этом ряду. Преподавательская работа оказалась ее призванием, и многие поколения студентов вспоминают ее лекции спустя десятилетия после окончания института. Видимо, дело здесь не просто в лекторском даровании. Студенты не могли не чувствовать в лекциях Л.М. Равич обаяния истории, обаяния традиции, преемственности поколений интеллигенции. Л.М. Равич удалось создать свою научную школу. Ученикам — и официальным, и неофициальным — она не только передавала знания, оказывала помощь в работе над диссертациями, но и воспитывала в них умение ценить яркость, нетривиальность мысли, преданность истине. Больше двадцати лет работала Л.М. Равич на библиотечном факультете Института культуры, и только пошатнувшееся здоровье заставило ее уйти с преподавательской работы.

Тем не менее решусь утверждать, что главный вклад ученого — это его печатные труды. Нельзя сказать, что путь работ Л.М. Равич к печати был всегда легким. Многие из них годами лежали «в столе» и дождались своего часа только после 1985 г. Некоторые ее коллеги, вовремя вступив в партию и выбрав «диссертательные» темы, своевременно защитили докторские диссертации, чего не смогла сделать Любовь Моисеевна, не бывшая членом КПСС и не желавшая проводить «актуальные», а по сути — конъюнктурные для своего времени исследования. Подготовленная ею докторская диссертация так и осталась незащищенной.

Долгое время сфера интересов Л.М. Равич определялась как «история русской библиографии». Теперь понятно, что такое определение является слишком узким и недостаточным. «Тема» Л.М. Равич — это история русской культуры, увиденная через историю библиографии и книговедения. Любовь Моисеевна обращалась к разным научным жанрам, но прежде всего — к жанру, который она сама в значительной мере разработала, — его можно назвать очерком-портретом деятеля русского книжного дела. Разумеется, этот жанр не случайно стал «коньком» Л.М. Равич. Судьба конкретного человека, его зависимость от обстоятельств времени и «тайная свобода» — вот то, что всегда интересовало ее как ученого.

Как указывалось выше, уже в диссертационном исследовании Л.М. Равич отметила особую роль в появлении библиографической регистрации в России забытых к тому времени В.Д. Комовского и А.М. Языкова. В 1969 г. была напечатана ее статья о М.Л. Михайлове, известном поэте и революционере, в которой впервые показана его роль в истории книговедения. В 1970-е гг. появились статьи об А.Н. Афанасьеве, Е.И. Якушкине и П.А. Ефремове. В 1981 г. произошло знаменательное событие — вышла в свет книга Л.М. Равич о Г.Н. Геннади. В течение многих десятилетий имя Г.Н. Геннади окружалось ореолом пренебрежения и насмешек, и лишь в монографии Л.М. Равич был объективно показан его многогранный вклад в историю отечественной культуры. В 1988 г. издан сборник «Собиратели книг в России», где Любовь Моисеевна не только подготовила к печати и откомментировала работы российских библиофилов и библиографов (в большинстве своем извлеченные из архивов и малодоступных журналов), но и написала очерки-портреты восьми выдающихся

ся деятелей книги XX в: А.Н. Афанасьева, Г.Н. Геннади, П.А. Ефремова, В.И. Касаткина, М.Н. Лонгинова, М.Л. Михайлова, М.П. Полуденского, Е.И. Якушкина. Вскоре вышла монография, посвященная Е.И. Якушкину, появились статьи о М.П. Полуденском и М.Н. Лонгине.

Легко заметить, что большинство героев Л.М. Равич — люди, группировавшиеся вокруг уникального книговедческого издания — журнала «Библиографические записки». В истории нашего книговедения не было другого примера столь плодотворного научного сообщества. Почему же так трудно шли к читателю эти работы, ведь Россия вправе гордиться такими деятелями? Упреки в «формализме», «безыдейности», «библиографии для библиографии» стали своего рода ярлыком, навешанным на «Библиографические записки». Дело, видимо, в том, что сотрудники редакции журнала не укладывались в сложившуюся схему расклада сил в середине XX в., они противостояли как реакционерам-крепостникам, так и революционным демократам. Насмешки Н.А. Добролюбова над библиографами не одно десятилетие определяли позицию советских исследователей, и на протяжении многих лет Л.М. Равич шла «против течения», доказывая высокое значение кружка книговедов, объединившихся вокруг журнала. Мощный публицистический темперамент ученого, блестящее владение искусством полемики были направлены на отстаивание принципиальных положений. Собственно, Л.М. Равич никогда не меняла своих взглядов, она лишь переходила от вынужденной сдержанности к яркому и развернутому их изложению.

Во-первых, она всегда отстаивала традиции либерализма. Политическими либералами были многие герои Л.М. Равич. Либеральная традиция — от декабристов до кадетов — наглядно воплотилась в трех поколениях семьи Якушкиных, историей которой углубленно занималась Любовь Моисеевна. Надо ли напоминать, каким ругательным было, например, слово «либерал» для Ленина, сколько ударов нанесено по русским либералам и справа, и слева, и, соответственно, как трудно было отстаивать их заслуги...

Другой принципиальный вопрос — об отношении к деятелям разных политических взглядов и мировоззрений — всегда остро воспринимался в России, остается острым он и сегодня. Л.М. Равич изложила свою позицию по этому вопросу в статье о Лонгине: «У нас, при трагической политизации общественной мысли, прежде, чем оценить вклад ученого в ту или иную область знания, спрашивают, к какому “лагерю” он принадлежал, как будто участие в развитии отечественной науки само по себе не является прогрессивным деянием. Это, конечно, не вина, а беда нашей интеллигенции: это ответ на гнет и пренебрежение духовной жизнью, характерные для российских властей во все времена» [1, с. 160].

Наконец, третий принципиальный и противоречивый вопрос — о роли библиофильства в развитии русской культуры (ведь героев Л.М. Равич часто обвиняли в приверженности «библиофильским тенденциям»). Любовь Моисеевна упорно отстаивала свою концепцию библиофильства как фактора развития науки, в том числе науки книговедческой. Именно она впервые выдвинула тезис о научном характере классического библиофильства, предложив термин «библиофил-исследователь». «Библиофил, в представлении людей середины прошлого столетия, был не просто со-

бирателем книг и рукописей, но и исследователем, публикатором, комментатором, историком литературы и просвещения» [2, с. 7].

Избрав своей темой историю отечественного книговедения, Л.М. Равич сделала не просто научный, но жизненный выбор. Легко заметить, что и героев своих Любовь Моисеевна выбирает «по вкусу» — почти всегда это люди либеральных взглядов, просветители, люди, искренне преданные своему делу и внесшие значительный вклад (хотя и не всегда по заслугам оцененный) в развитие русской культуры. В одной из своих работ Любовь Моисеевна заметила: «...русские библиофилы составляли некое негласное братство, тот “культурный прочный цех”, о котором писал М.Н. Куфаев <...>. Независимо от возраста, положения в обществе, политических убеждений библиофилов объединяла забота о сохранении культурных ценностей» [2, с. 9]. Жизнь Л.М. Равич — пример бескорыстного и взаимообогащающего общения с учеными-единомышленниками. Многолетняя дружба, редкие в наши дни «эпистолярные романы» связывали ее с библиотековедом Ю.В. Григорьевым, историком Н.Я. Эйдельманом, литературоведом В.Я. Лакшиным, историком библиофильства В.В. Куниным. Так снова складывался «культурный прочный цех», сохранялись традиции русской либеральной интеллигенции.

В книге об Е.И. Якушкине Л.М. Равич с горечью пишет о печальной судьбе многих библиофильских собраний: «...библиотека, всю жизнь любовно собиравшаяся Евгением Ивановичем Якушкиным, библиотека, слава которой пережила ее владельца, — в сущности, погибла для русской культуры, разделив судьбу многих собраний его товарищей по библиофильству. Так, собрание А.Н. Афанасьева было продано еще при жизни владельца, когда он был уволен со службы и сильно бедствовал. Громадная библиотека П.А. Ефремова была продана его вдовой Пушкинскому дому, но по недостатку средств им была приобретена лишь часть, а остальные разошлись по рукам...» [3, с. 114]. Но осталось другое их наследие — преданность науке, просвещению, книге. Работы Л.М. Равич позволяют нам принять от старших поколений это наследие.

Список источников

1. *Равич Л.М.* Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга : исслед. и материалы. 1996. Сб. 72. С. 160–197.
2. *Собиратели книг в России* / сост. Л.М. Равич. Москва : Книга, 1988. 296 с.
3. *Равич Л.М.* Евгений Иванович Якушкин (1826–1905). Ленинград : Наука, 1989. 204 с.

RAVINSKY D. «History is a destiny»

Ravinsky Dmitry — freelance researcher, candidate of pedagogical sciences
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ban-rio@yandex.ru

ABSTRACT

The essay presents the main stages in the life of L.M. Ravich and the most important directions of her pedagogical and research activities. Her fundamental approaches to the problem under study are especially emphasized: the traditions of liberalism, an objective attitude towards representatives of various parties, the role of bibliophilia in the development of Russian culture.

Key words: history of bibliography, history of Russian culture, bibliophilia, Lyubov Moiseevna Ravich, biography.

Н.В. Пономарева, А.С. Вешкурцева
**ПЕРЕПИСКА Л.М. РАВИЧ С А.В. РАТНЕРОМ:
по неопубликованным материалам Кабинета библиотековедения БАН**

Пономарева Нина Васильевна — старший научный сотрудник Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук, кандидат педагогических наук, доцент

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: nvponomareva@inbox.ru

Вешкурцева Александра Сергеевна — библиограф Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук, студент Санкт-Петербургского государственного института культуры

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sasha.veshkurtseva@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Эпистолярные источники, хранящиеся в архивах деятелей науки и культуры, представляют особую ценность для исследования взаимоотношений изучаемых личностей, возможность представить неофициальные точки зрения на различные аспекты их деятельности. В архиве А.В. Ратнера, находящемся в фонде Кабинета библиотековедения БАН, хранится переписка А.В. Ратнера с Л.М. Равич, отражающая важные для них аспекты работы в журнале «Советская библиография» и над словарем «Историки русского освободительного движения», а также проблемы истории русской библиографии.

Ключевые слова: Библиотека Российской академии наук, Кабинет библиотековедения, личные архивы, переписка, история библиографии, Любовь Моисеевна Равич, Александр Владимирович Ратнер.

Наличие неопубликованных материалов в Кабинете библиотековедения БАН связано с возвращением подразделения Библиотеки права принимать на хранение архивные материалы. Как известно, Библиотека лишилась его в 1930-е гг. в связи с так называемым «академическим делом». В 1990-е гг. по инициативе В.П. Леонова, бывшего тогда директором БАН, Библиотеке было разрешено вновь принимать архивные материалы в фонды подразделений БАН.

Благодаря этому в Кабинете библиотековедения, являющемся сектором Научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения БАН, в настоящее время хранятся три архива отечественных библиографов: архив Н.В. Здобнова, принятый в наш сектор в 1992 г. при активном участии Наталии Константиновны Леликовой, заведовавшей Научно-исследовательским отделом библиотековедения и библиографии БАН в 1990-е гг., архив А.В. Ратнера (2006) и архив Э.К. Беспаловой (2008).

В настоящий момент для нас наиболее интересен архив Александра Владимировича Ратнера (1948–1991), в котором представлена переписка Любви Моисеевны Равич с Александром Владимировичем Ратнером.

Любовь Моисеевна — признанный в мировом сообществе историк культуры, ученый-библиографовед, внесшая огромный вклад в развитие

истории русской библиографии. Ведя активную научную деятельность, Любовь Моисеевна сохраняла объективный подход, это прослеживается как в монографиях¹, статьях², так и в написанных под ее руководством диссертациях³.

Александр Владимирович — историк, занимавшийся изучением Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, библиограф, собравший материалы к биобиблиографическому словарю «Историки русского освободительного движения», сотрудник (редактор) журнала «Советская библиография» (1978–1991), считавший своим человеческим и профессиональным долгом помогать всем, кто нуждался в его помощи.

В архиве А.В. Ратнера находятся 22 послания Любви Моисеевны за 1987–1989 гг., среди которых две открытки, три рукописных письма и 17 машинописных. К письму от 8 декабря 1987 г. приложен «...пустячок, который, надеюсь, Вас позабавит»: им являются 8 машинописных листов из «Серии литературных мемуаров» (В.Г. Анастасевич. Записная книжка. Альбом), сочиненных Л.М. Равич к 60-летию со дня рождения М.А. Брискмана, и текст особенно нравившейся А.В. Ратнеру песни [2, л. 8–15]. 14 машинописных обращений Александра Владимировича отражают период 1985–1988 гг.

Сохранившиеся в архиве письма богаты яркими, лаконичными и запоминающимися речевыми оборотами авторства Любви Моисеевны и внимательными, трепетными формулировками Александра Владимировича — например, «с большим интересом прочитал Ваше письмо» [1, л. 3], «рад был получить от Вас весточку» [1, л. 7], «спасибо за письмо — обстоятельное и интересное» [1, л. 10]. А.В. Ратнер к своим ответам под-

¹ Библиография. Общий курс: учебник для библиотечных факультетов и факультетов культуры / под ред. М.А. Брискмана, Д.А. Эйхенгольца. Москва: Книга, 1969. 560 с.

Г.Н. Геннади (1826–1880). Москва: Книга, 1981. 126 с. (Деятели книги).

Библиография. Общий курс: учебник для библиотечных факультетов и факультетов культуры, педагогических вузов и университетов / под ред. О.П. Коршунова. Москва: Книга, 1981. 511 с.

Евгений Иванович Якушкин (1826–1905) / АН СССР; отв. ред. И.В. Гудовщикова. Ленинград: Наука, 1989. 204 с. (Страницы истории нашей Родины).

² О некоторых вопросах истории советской библиографии // Труды / ЛГИК. 1978. Т. 41: Развитие библиографической науки в советский период. С. 17–26.

История — это судьба: [о значении истории библиографии] // Совет. библиогр. 1988. № 4. С. 24–29.

Михаил Петрович Полуденский: (рассказ о забытом библиографе) // Историко-библиогр. исслед.: сб. науч. тр. / ГПБ. Ленинград, 1990. [Вып. 1]. С. 113–131.

У истоков библиографической Пушкинианы // Историко-библиогр. исслед.: сб. науч. тр. / РНБ. Санкт-Петербург, 1992. Вып. 2. С. 24–58.

Венок Чаадаеву: (по материалам неопубл. переписки рус. библиографов): к 200-летию со дня рождения // Библиография. 1994. № 3. С. 102–114.

«Дорогу проложить, где не было и следу»: (А.Н. Радищев в русской библиографии XIX в.) // Историко-библиогр. исслед.: сб. науч. тр. / РНБ. Санкт-Петербург, 1996. Вып. 6. С. 94–111.

Михаил Лонгинов, библиофил и ученый // Книга. Исследования и материалы. Москва, 1996. Сб. 72. С. 160–197.

Архивы русских библиографов XIX века // Мир библиографии. 1998. № 1. С. 72–79.

«Вам будет честь и слава»: (В.Д. Комовский как библиограф) // Библиография. 1998. № 4. С. 106–116.

³ Авторефераты кандидатских диссертаций, защищенных под научным руководством Л.М. Равич:

Крамер В.В. С.Д. Полторацкий и русско-французские библиографические связи в середине XIX в. / ЛГИК. Ленинград, 1975. 22 с.

Шукина В.И. Библиографоведческая периодика СССР: (становление, современное состояние, перспективы развития) / ЛГИК. Ленинград, 1981. 17 с.

Леликова Н.К. Основные проблемы общей теории библиографии в трудах советских исследователей (1917–1941) / ЛГИК. Ленинград, 1983. 16 с.

Крылова Т.Д. Основные проблемы общей теории библиографии в трудах Е.И. Шамурина / ЛГИК. Ленинград, 1984. 14 с.

ходил обстоятельно, извиняясь за задержки не только ввиду высокой загруженности, но и из побуждений накопить материалы для обогащения писем значимыми событиями и информацией: «Прошу извинить за столь долгую проволочку с ответом на Ваше подробное и как всегда интересное письмо... поверьте, она — эта проволочка — объясняется только перегруженностью всяческими делами и долгами, с одной стороны, и нежеланием отвечать Вам формально-пустым письмом, с другой» [1, л. 14]. Это свидетельствует о глубоких взаимозаинтересованности и взаимоуважении авторов. Ученые обсуждают широкий спектр тем как общеисторической, так и профессиональной, библиографической направленности: обмениваются подробностями исследовательской деятельности, поиска и установления исторических фактов; своими планами по подготовке научных работ; впечатлениями о работе с коллегами (зачастую обсуждая проходящие конференции, трудный процесс сотрудничества с издательствами и редколлегиями, общее состояние библиографической науки), Любовь Моисеевна зачастую делится воспоминаниями из своего многолетнего опыта работы.

Три основные темы, которые прослеживаются на протяжении всей переписки: работа над словарем «Историки русского освободительного движения», аспекты работы в «Советской библиографии» (Александр Владимирович — редактор, Любовь Моисеевна — автор статей, сотрудничающий с журналом не одно десятилетие) и, несомненно, история русской библиографии.

Работа А.В. Ратнера над словарем «Историки русского освободительного движения» была кропотлива и шла долго. Подробно об этом говорится в книге «Конспект времени: труды и дни А.В. Ратнера»⁴. Самое первое письмо к Л.М. Равич, сохранившееся в его архиве, от 2 сентября 1985 г., начинается с вопросов, связанных с участием Любви Моисеевны в работе над словарем. Она готовила ряд статей об историках русского освободительного движения — библиографах — А.Н. Афанасьеве, Г.Н. Геннади, Н.В. Гербеле, М.Н. Лонгинове, Е.И. Якушине, М.П. Полуденском. Любовь Моисеевна боролась за восстановление исторической справедливости и уделяла особое внимание фигурам малоизвестным. Свою работу она характеризовала в последнем сохранившемся письме как «реабилитацию “библиографизма” прошлого века, оболганного многими» (1 декабря 1989 г.) [2, л. 38], — цитата относится к завершающей «борьбу» статье о Полуденском, личности «не известной, заслуживающей воскрешения и доброй памяти» (8 марта 1987 г.) [1, л. 4]. О нем Л.М. Равич писала трижды: как о библиографе, как о библиофиле и как об историке общественных движений. Любовь Моисеевна на протяжении всей переписки интересовалась состоянием подготовки словаря: «Как я понимаю, словарь пока лишь мечта» (5 февраля 1987 г.) [2, л. 1], «Хотелось бы все-таки узнать, как обстоят дела со словарем. Выйдет ли он или это тоже один из “несчастливых опытов”? Каковы реальные перспективы?» (8 декабря 1987 г.) [2, л. 6]. Александр Владимирович первое время сохранял надежды на издание — «Хочется надеяться, что словарь выйдет рано или поздно» (16 декабря 1987 г.) [1, л. 7], но позже, не скрывая сожаления

⁴ Конспект времени: труды и дни Александра Ратнера. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. 760 с.

ния, писал: «Сколько же имен, дат, самых элементарных биографических фактов мы не знаем. Как был бы нужен и интересен словарь библиографов, но нет ни людей, ни денег, ни издателей. Бедная библиография!» (26 октября 1988 г.) [1, л. 13 об.]

Много внимания в письмах уделено и «Советской библиографии». Любовь Моисеевна горячо переживала смену главного редактора, интересовалась судьбой журнала: «Прислали ли главного редактора и кто он?» (5 февраля 1987 г.) [2, л. 1], «До меня дошли слухи, что в СБ назначен новый главред. Кто он и откуда?» (8 декабря 1987 г.) [2, л. 6]. Ее переживания связаны как со стремлением сохранить важное для библиографической науки уникальное отраслевое издание: «...много в журнале материала, не имеющего отношения к библиографии. Журнал — единственный в стране, выходит всего 6 раз в год, ...стал около четверти своей площади отдавать постороннему материалу» [2, л. 30], так и с трепетным отношением к «родному» журналу — так она называет его в письмах: «Публикуюсь в журнале почти что 20 лет, считаю его родным» (14 октября 1988 г.) [2, л. 30].

Действительно, долгие годы на страницах журнала выходили статьи ее авторства, до определенного момента: после выхода там в 1982 году рецензии Е.А. Динерштейна на книгу «Геннади (1826–1880)» (Москва, 1981) бескомпромиссная Любовь Моисеевна прекратила свою публикационную активность в «Советской библиографии». В рецензии присутствовало некорректное цитирование, искажающее суть изложенного Любовью Моисеевной: «...Л.М. Равич считает, что “если между личными качествами того или иного деятеля литературы и его творческим наследием не может быть установлена прямая связь, то эти качества не подлежат исследованию историка и не могут быть приняты во внимание при характеристике данного лица» [3, с. 78]. В случае приведения полного текста цитируемого предложения, логика не была бы нарушена: «Его (Геннади — прим. авт.) стремление прославиться, его странная женитьба на немолодой и некрасивой княжне Куракиной давали богатую пищу для современников и юмористов. Очевидно, в человеческом облике Геннади действительно было что-то нелепое, несмотря на его трудолюбие и безусловно высокую образованность. Но можно ли на этом основании строить характеристику Геннади как библиографа, книговеда? Вряд ли» [4, с. 5].

Е.А. Динерштейн также добавляет, что «встречаются в книге и претенциозные, небрежные, вульгарно-социологические формулировки» (это о Л.М. Равич, всю жизнь борющейся с вульгарно-социологическим подходом к истории библиографии!). В заключении же отмечено, что «книга с интересом встречена как специалистами, так и широкими кругами читателей» [3, с. 78]. Только усилиями А.В. Ратнера, с которым у нее сложились доверительные и уважительные взаимоотношения, Любовь Моисеевна согласится вновь регулярно сотрудничать с «Советской библиографией».

Важное, особое место занимают вопросы изучения истории русской библиографии. Признавая, что обстоятельные работы выходят редко, ученых, посвящающих себя науке мало, А.В. Ратнер писал в письме от 8 марта 1987 г.: «Историков библиографии раз-два и обчелся, все прочие подсовывают вместо качественного “товара” скорострельные разработки

для вводных частей диссертаций. А когда дисс. защищена, им и дела нет до истории» [1, л. 4]. Далее он предложил Любви Моисеевне важную тему, требующую «современной оценки» — написать статью об историографии истории русской и советской библиографии. Предыдущий такой обзор был опубликован 10 лет назад Марией Васильевной Машковой. На предложение дать современную оценку Любовь Моисеевна ответила, что ей «неудобно брать законную тему Марии Васильевны Машковой» (18 марта 1987 г.) [2, л. 4 об.].

Тема истории библиографии пронизывает многие письма, и неоднократно А.В. Ратнер предлагает новые идеи, одна из них — «на страницах журнала затеять разговор на тему “зачем нужна история библиографии”» (16 декабря 1987 г.) [1, л. 7]. Однако, вышедшая следом статья «История — это судьба : [о предмете истории библиографии]»⁵ — оригинальная инициатива Любви Моисеевны, быстро нашедшая одобрение и место в 4-м выпуске (с. 24–29). По этому поводу она писала (16 февраля 1988 г.): «...у меня накопились свои переживания и соображения. Мне хочется высказаться, ... Надо сказать, наконец, веское слово. Я думаю, Вы не сочтете наглостью, если я скажу, что из ныне живущих историков библиографии осталось только раз-два и обчелся и что в этой честной компании мне принадлежит не последнее место» [2, л. 17].

Нами озвучена лишь малая часть обсуждаемых учеными тем и затронута небольшая область широкого спектра подвластных им областей науки. В целом переписка, хранящаяся в архиве, несомненно, несет в себе большую ценность для изучения истории русской и советской библиографии, ярко представляет ученых не только как профессионалов, любящих свою работу и неподдельно, искренне в ней заинтересованных, но и как неординарных личностей, в чьих взглядах, словах и письмах отпечаталась целая историческая эпоха.

Список источников

1. Письма Л.М. Равич от А.В. Ратнера // Библиотека Российской академии наук. Архивы отечественных библиографов. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 85.
2. Письма А.В. Ратнеру от Л.М. Равич // Библиотека Российской академии наук. Архивы отечественных библиографов. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 196.
3. Динерштейн Е.А. [Рецензия] // Совет. библиогр. 1982. № 2. С. 78. Рец. на кн. : Равич Л.М. Г.Н. Геннади (1826–1880). Москва : Книга, 1981. 126 с. (Деятели книги).
4. Равич Л.М. Г.Н. Геннади (1826–1880). Москва : Книга, 1981. 126 с. (Деятели книги).

PONOMAREVA N., VESHKURTSEVA A. Correspondence L.M. Ravich with A.V. Ratner: based on unpublished materials of the Cabinet of Library Science of the Russian Academy of Sciences Library

Ponomareva Nina — Senior Researcher of the Research Department of Bibliography and Library Science of the Russian Academy of Sciences Library, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: nvponomareva@inbox.ru

⁵ История — это судьба : [о значении истории библиографии] // Совет. библиогр. 1988. № 4. С. 24–29.

Veshkurtseva Aleksandra — bibliographer of the Research Department of Bibliography and Library Science of the Russian Academy of Sciences Library, student of the St. Petersburg State Institute of Culture

Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sasha.veshkurtseva@mail.ru

ABSTRACT

The results of the work of the Cabinet of Library Science with the personal archive of A.V. Ratner are shown. The article presents content of the correspondence of A.V. Ratner with L.M. Ravich on some aspects: work on the dictionary «Historians of the Russian liberation movement», work with the «Soviet bibliography» and the history of Russian bibliography.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, Cabinet of Library Science, personal archives, correspondence, history of bibliography, Liubov Ravich, Alexander Ratner.

О.А. Щиченко

**«ТЕПЛО ДУШИ, ИГРА УМА...»
(О моем наставнике Л.М. Равич)**

Щиченко Ольга Андреевна — кандидат педагогических наук, сотрудник БАН в 1988–1992 гг.
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: olgischich@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В воспоминаниях ярко представлен образ Л.М. Равич как педагога и наставника, щедро передающего свои знания молодым ученым. Приводятся строки написанных ею стихотворений. Статья снабжена иллюстративным материалом — фотографиями шуточных автографов Л.М. Равич на книгах, статьях и открытках, полученных от нее в дар.

Ключевые слова: история библиографии, биография, стихотворения, поэзия, Любовь Моисеевна Равич.

Но велика Господня милость —
И сердце живо, не сносилося,
И есть для дружбы место в нем.
Л.М. Равич. Стихи о дружбе [1]

В далеком теперь 1988 году я работала по распределению — это было в перестроечное время — в Библиотеке Академии наук, в которой всегда работали интереснейшие люди. Окунувшись в новый для меня мир — мир научной библиотеки, я пробовала найти себя и каким-то образом заниматься наукой. С Любовью Моисеевной Равич я познакомилась благодаря ее дочери, педагогу, специалисту по этикету и писательнице Марианне Равич, с которой мы вместе работали. Я была представлена Любви Моисеевне — ей тогда было около 70 лет, и она уже к тому времени не преподавала в институте. Узнав, что я недавно училась на библиотечном факультете Института культуры, Любовь Моисеевна спросила название темы моей дипломной работы. Она долго смеялась, не преминула раскритиковать тему, несмотря на мои слабые, правда, попытки защитить свою концепцию феномена «нестарения» общественно-политической книги как документа эпохи, но тем не менее приняла во мне живейшее участие, узнав о моем желании заниматься наукой. Она была и оставалась до конца своих дней выдающимся педагогом, поэтому взялась за меня основательно. И тут же, спустя непродолжительное время после знакомства, я была посвящена в проблематику «революционных демократов и истории библиографии и книги». Незаметно в комнате на Московской улице — семья Равич жила тогда там, близ станции метро «Владимирская» — летело время, возникали и рушились миры, Л.М. рассказывала и рассказывала, открыв во мне благодарного слушателя, а я, недавно окончившая институт и грезившая

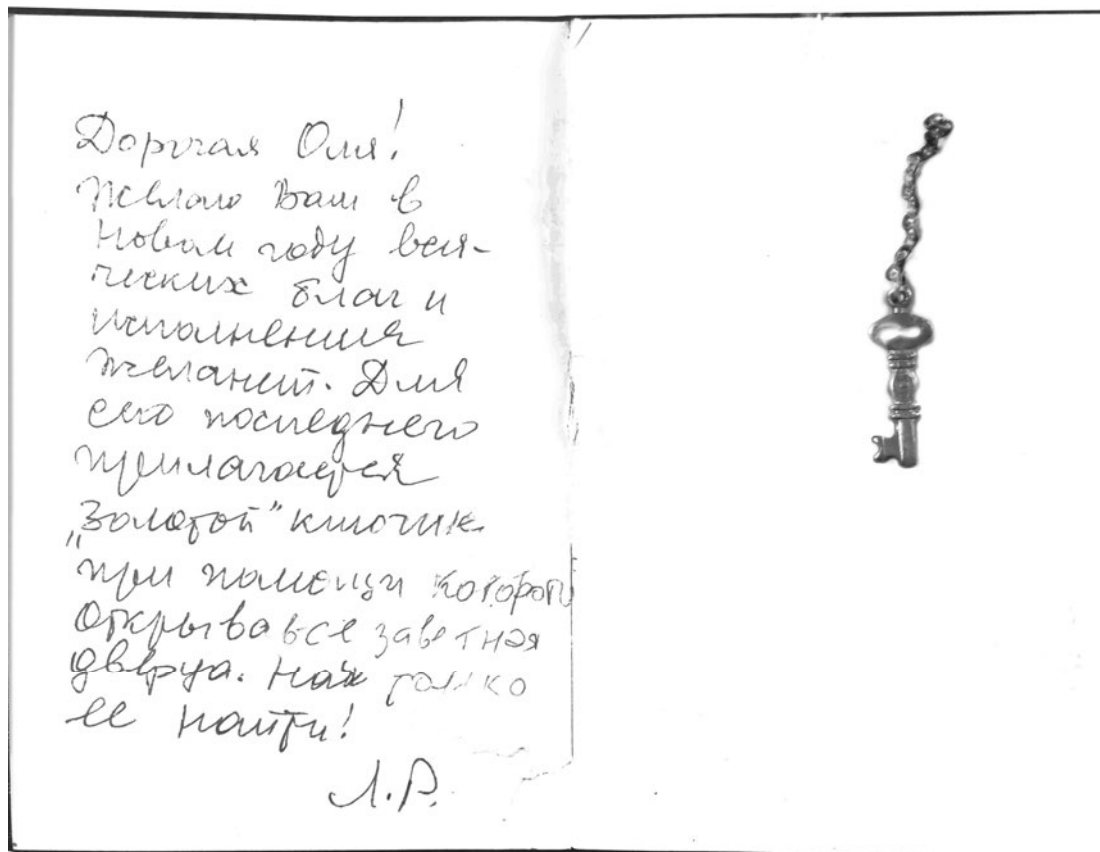

Рис. 1. Открытка с новогодним поздравлением с «золотым ключиком»

о пути ученого, все внимала и внимала... Тем, кто имел счастье слушать лекции или быть знакомым с Любовью Моисеевной, не надо объяснять то магическое влияние блестящего рассказчика, которое у нее было. Так началось мое ученичество — я слушала лекции на дому и понимала, что мне открывается та самая заветная дверца к Знанию, несмотря на только что законченный институт и блестящие лекции И.А. Шомраковой, А.В. Мамонтова, А.М. Панченко, С.С. Ланды и других преподавателей института. К очередному Новому году я получила от Любови Моисеевны изящный подарок в ее стиле. Это была открытка с таким символическим текстом: «Дорогая Оля! Желаю Вам в Новом году всяческих благ и исполнения желаний. Для сего последнего прилагается “золотой” ключик, при помощи которого открывается заветная дверца. Надо только ее найти! ЛР» (и действительно, к открытке прилагался ключик на малюсенькой цепочке, и он был золотого цвета) (рис. 1).

Щедрое наставничество и дружеское участие — вот так можно было бы охарактеризовать отношение Любови Моисеевны ко мне на протяжении многих лет. Я была счастлива слушать импровизированные домашние лекции на любые темы и тем самым, видимо, дала повод моему мудрому другу оставить шутливую надпись: «Оле — учитесь в лектории, но не слишком усердно! ЛРавич» (рис. 2) на статье, посвященной библиографии и цензуре в России, обыграв название раздела «Лекто-

ЛЕКТОРИЙ

Она - ухватит в лектории,
но не слишком усердно!
Равич

В последние годы в публицистике зазвучало новое и живое слово, относящееся к истории отечественной культуры, но в самой науке – громоздкой, неповоротливой, несмелой – ничего по-настоящему не изменилось. Трудно найти хотя бы одну фундаментальную работу, в которой история нашей культуры получила бы новое, основанное на бесспорных фактах, освещение. Таково же положение и в истории библиографии. Не отринута и публично не осуждено деление библиографов прошлого на "наших" и "не наших", на овец и козлиц, на чистых и нечистых. Не пересмотрен имеющий первостепенное значение вопрос о роковом влиянии писаний Добролюбова и Писарева на судьбы отечественной библиографии. Не выявлена роль многих замечательных деятелей – в частности В.Д.Комовского, М.П.Полуденского, М.Н.Лонгинова. Ни в одном труде, ни в одном учебнике нет даже упоминания их имен (разве что Лонгинова – с добавлением ругательных эпитетов). И пора кончать с этим. История отечества, в особенности история культуры, становится, наконец, объектом широчайшего интереса.

Предлагая вниманию читателей заметки историка Любови Моисеевны Равич, канд. пед. наук, доц. Санкт-Петербургского государственного института культуры, мы надеемся, что этот материал положит начало новой рубрике журнала, где будут помещаться лекции преподавателей институтов культуры, содержащие интересные факты истории библиографии.

Л.М.Равич

ДЛЯ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ НЕДОСЯГАЕМА

Библиография и цензура в России

В 1911 г. Н.А.Рубакин приступил к изданию трехтомного варианта своего знаменитого указателя "Среди книг". Демократ, просветитель, он хотел в этом многострадальном своде дать и

полную картину общественной жизни России. Для этого он пригласил к сотрудничеству видных политологов, историков, этнографов – Г.В.Плеханова, В.И.Семевского, Д.Н.Анучина и др.,

Рис. 2. Автограф на статье: слово «лекторий»

рий» в журнале «Библиография» [2]. И конечно, усердно учиться именно в такой лектории любой человек, ценящий живое слово и глубокую мысль, посчитал бы за счастье. Любовь Моисеевна умело направляла

Оне от сарго джун
окт. 99

Л.М.Равич

СЕМЬЯ ЯЗЫКОВЫХ И КАРАМЗИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

(По материалам неопубликованных писем)

Симбирская общественная библиотека, носившая до революции имя Н.М.Карамзина, не обойдена вниманием историков библиотечного дела. Необычная судьба, богатство фондов, громадное значение этого культурного очага в жизни губернии уже отмечались в специальной литературе, — правда, недостаточно полно. Опубликовано несколько статей и о послереволюционной судьбе этого книгохранилища. Но во всех этих работах имеется весьма существенный пробел: неполная информация о людях, которым Россия обязана основанием и дальнейшим процветанием Карамзинской библиотеки. Известно, что у ее истоков стояла семья Языковых. Но ведь этого недостаточно. На библиотеке не могли не отразиться общественно-литературные пристрастия, взгляды, вкусы ее основателей, а о них мы, в сущности, знаем очень мало. К сожалению, вовсе не использован громадный эпистолярный материал рукописного фонда Языковых (РО ИРЛИ), пролизающий свет на всю эту историю, совершенно уникальную в анналах российской библиотечной жизни.

Между тем, кроме семьи Языковых (которая также не была чем-то монолитным, и в ее состав входили люди различной даже в идейном отношении ориентации: от патриота и славянофила Николая (поэта) до ярко выраженного западника и фрондера Александра), в организации Карамзинской библиотеки принимал активное участие еще один человек, имя которого в этой связи почти не упоминается, хотя все участники этого культурного мероприятия были людьми незаурядными, хорошо известными тогдашней образованной России.

Назовем их имена. Это — Александр Михайлович Языков, стоявший на страже библиотеки более тридцати лет, его брат Петр Михайлович, которому выпала честь торжественно открыть библиотеку и их близкий друг и многолетний корреспондент Василий Дмитриевич Комовский (о его роли еще будет рассказано). Вот как раз письма к нему А.М.Языкова и являются тем драгоценным материалом, который до сих пор находится под спудом и мимо которо-

Рис. 3. Трогательное посвящение

меня на путях историко-книжной науки. Мы с ней обсуждали возможность историко-культурного предположения о способах формирования фонда библиотеки Дома искусств в послереволюционном Петрограде, и результатом стало исследование истории личных библиотек, судьба

которых после революционных событий 1917 года была плачевной [3]. Моя наставница помогла мне сформулировать тему диссертации. Общение позволило мне заглянуть в эту личную научную лабораторию и, конечно, погрузиться в творческую атмосферу. Постепенно под влиянием моего наставника я пришла к мысли о необходимости возвращать истории культуры забытые либо полузабытые имена библиофилов-ученых. Тип библиофила-исследователя — типично русский феномен — был открыт именно Л.М. Равич [4]. Так, мне постепенно открывался целый мир — книг, людей и идей.

ЛМ щедро одаривала меня своим вниманием и участием, своим общением. Тем более трогательными предстают надписи на книгах и статьях, которые Любовь Моисеевна мне дарила. «Оле от старого друга ЛР окт. 99» (рис. 3) — это автограф на статье о Карамзинской библиотеке [5]. «Вот еще одна штучка в Олину копилку ЛР» (рис. 4) — автограф Любви Моисеевны на статье о Радищеве [6].

О Пушкине. У Любви Моисеевны был свой Пушкин. Блестящая статья о библиографической Пушкиниане тоже есть в моей библиотеке с автографом Любви Моисеевны [7]. Она пишет:

Те времена давно уж миновали,
Когда науки старцам
Отраду подавали...

И ниже следующий текст:

«Дорогой Оле
От старухи Л.М. Равич и старика А.С. Пушкина.
Февр. 93 СПб» (рис. 5).

Вот так — задорно и с юмором — и так глубоко...

Стихотворение Любви Моисеевны «Памятник Гоголю» [1] связывает два значимых для нее имени — Пушкина и Гоголя:

Портретом, вышедшим из рамы,
В слова виденья перелив,
Вослед за «Пиковую дамой»
Творил он петербургский миф.

Для Любви Моисеевны Новый год был любимым праздником, и я каждый раз всегда получала «в копилку» новую «штучку» — книгу или статью с автографом. А одно из стихотворных поздравлений с Новым годом превратилось в обращение ко всем честным труженикам историко-книжной науки. Так, шутивому посланию (рис. 6) предшествует эпиграф из А.А. Ахматовой:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда.

Ольге

Такая выпала нам доля —
Над книговеденьем корпеть...
А если так, — давайте, Оля,
Бодриться, Лазаря не петь.

Вот еще одна шутка в Олшину нотнику
Л. М. Равич

«ДОРОГУ ПРОЛОЖИТЬ, ГДЕ НЕ БЫЛО И СЛЕДУ»

(Радищев в русской библиографии XIX в.)

Имя одного из самых замечательных людей России — Александра Николаевича Радищева — вызывало глубокий интерес уже у его современников. С годами этот интерес все усиливался, тем более, что тут присутствовала некая тайна, полностью не разгаданная и поныне, несмотря на значительное количество исследований, концепций и просто легенд (последних накопилось больше всего).

Наша официальная наука титулует Радищева «первым русским революционером», очевидно, полагая, что каждый, претерпевший гонения властей, непременно должен быть сторонником революционных преобразований. Это — тоже одна из легенд, наиболее живучая, хотя в случае с Радищевым, к счастью, уже несколько поколебленная. Так, крупнейший историк нашего времени Юрий Михайлович Лотман в своей посмертно изданной книге «Беседы о русской культуре» утверждает, что после ужасов якобинской диктатуры произошел «основной поворот убеждений Радищева — педагогический. [...] Радищев не создал ни заговора, ни партии, ибо для просветителя XVIII века они представляются в принципе ложной дорогой»¹. Если отбросить всякие псевдомарксистские домыслы, то окажется, что книга Радищева — проповедь, обращенная к своему же классу, увещевание, на которое уповал этот приверженец разума, «ранний человеколюбец». Недаром столь чуткий ко всяким проявлениям революционности Герцен выпустил «Путешествие» Радищева под одной обложкой с сочинением М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России», написанным с явно консервативных позиций, содержащим критику дворянства изнутри. Герцен справедливо полагал, что Радищев «написал серьезную, печальную, исполненную скорби книгу»². Тем не менее в глазах властей по традиции, идущей от перепуганной революционными событиями в Европе Екатерины II, «Путешествие из Петербурга в Москву» считалось книгой «возмутительной» и запрещалось к переизданию.

¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции рус. дворянства (XVIII — нач. XIX в.). СПб., 1994. С. 260, 263.

² Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1959. Т. 18. С. 178.

Гуманитарные науки
 Цветут, не ведая стыда:
 Тут важно бродит тетя Скука,
 Тут скачет девка Ерунда.

Тут дядя Плут и дед Фиглярин,
 тут Конъюнктурщик, тут Зоил,
 но есть и тут Хороший Парень,
 который честен, прям и мил.

Есть верный путь! И в нашей воле
 Из тьмы карабкаться на свет...
 Ну а пока примите, Оля,
 Сей новогодний мой привет! (дек. 96)

Чувство юмора у Любви Моисеевны было отменным.

Ленинград моей пламенной юности
 Ты как зарево светишь во мгле!

Не только революционные демократы, которых клеймила яростно Любовь Моисеевна, героини ее книг и статей, чье доброе имя она возвращала истории науки и культуры, и проблемы историко-книжной науки были темой бесед, скорее, монологов-лекций, но и воспоминания, рассказы о людях и событиях: «Хорошей Оле о хорошем человеке от автора ЛРавич февр 02» (рис. 7), эта надпись размещена на статье о С.А. Цвылеве, в которой рассказывается о жизни в Пскове и дружбе с интереснейшими людьми [8]. Кстати, указанная статья очень многое проясняет и в судьбе самой Любви Моисеевны, это даже где-то рассказ о ней самой. Очень увлекательное чтение. Многие жизненные мелочи в рассказах Любви Моисеевны приобретали особое значение. Так, например, я впервые услышала от Л.М. об аромате Je Revians «Я вернусь» (потом я узнала о пятерке ароматов от Жака Ворта: Dans La Nuit, Vers Le Jour, Sans Adieu, Je Revians, Vers Toi — «В ночи», «На рассвете», «Не прощаясь», «Я вернусь», «К тебе», названия которых воспринимаются как любовное письмо, написанное на языке парфюмерии). Сочетание Je Revians в конце 30-х — начале 40-х годов XX века приобрело особый смысл: мужчины дарили этот аромат своим возлюбленным, отправляясь на вторую мировую войну, что воспринималось как обещание вернуться живым. Так для меня «пламенная юность» военного поколения, к которому принадлежала Любовь Моисеевна, представляла в ее рассказах, спаянных с названием этого аромата.

Л.М. рассказывала много о нашем институте. Невидимое фронтовое братство объединяло многих сотрудников института во время ректорства Николая Скрыпнева. Любовь Моисеевна тепло вспоминала Веру Владимировну Гнучеву, Марину Константиновну Архипову: «Люба — ты настоящий товарищ!» — слышала она от Марины Константиновны. Для них всех, с опаленной войной юностью, было важно товарищество.

Ни Христовы невесты, ни вдовы мы,
 Мы, рожденные в годы двадцатые.
 Наши судьбы войной заколдованы,
 Припечатаны черной печаткою...

Министерство культуры и туризма Российской Федерации

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Те времена давно уж миновали,
Когда науки сарказм
отраду подавали.

ИСТОРИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Дорогой Олег
от старухи Л.М. Равич
и старечка А.С. Пушкина: 9.3
С.П.

С.-Петербург
1992

Рис. 5. Автограф Л.М. Равич на статье о библиографической Пушкиниане

Когда б вы знали, из
Расульфышки, не ^{какого сорта} ^{ведает сюда...}
Ахматова.

Ольге,

Пси́кая выпала нам доля —
Над книговеденьем кортеж...
А если так, — давай же, Оль, ^{Ольга,}
Бодришься, лазаря не пью.

Уманитарные маузи
Цвбуц, не ведает сюда:
Тут vanno бродит тебя Скука,
Тут скажет девушка-Эмунда,
Тут дедя Пец и дед Филерин,
Тут Конъюнктурик, тут Зоин,
Но все и тут Хороший Парань,

Который лезет, прят и ши.
Есть верный путь! И в нашей вале
Из гвалы карайкавая на свет...
Ну а пока пишете, Оль,
Сей новогодний мой привет!

дек. 96

Мавиз

С Новым годом!

Рис. 6. Открытка с новогодним поздравлением — обращением ко всем честным исследователям истории книги

Любовь РАВИЧ

“СЕРЕНЬКА ТОЩОЙ ИЗ ПАЛАТЫ ПРОСЯЩИХ СТАРЦЕВ”

Повествование
о Сергее Александровиче
Цвылеве

I. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Хорошей Оле
о хорошем человеке
от автора
Мая
февр. 07

*Лил жуткий дождь,
Шел страшный снег,
Вовсю дурил
Двадцатый век.*

Александр Галич

Летом 1951 года судьба забросила меня в Псков. Счастливая обладательница “красного” диплома Ленинградского библиотечного института, я получила должность заведующей библиотекой историко-художественного музея. Собственно, библиотеки еще не было. Имелся полуподвал, на полу которого громоздились громадные кучи книг. Это была часть прежней богатой библиотеки, вывезенной фашистскими оккупантами при отступлении (в целом из Пскова было похищено 40 тысяч ценнейших изданий, — немецкие интеллектуалы знали толк в книгах). Вагон с последним имуществом музея был обнаружен в Прибалтике и возвращен по принадлежности. Там оказалось более тысячи рукописных книг, около семисот старопечатных, книги XVIII и XIX веков, из конфискованных после революции окрестных помещичьих усадеб, а также рукописное “Горе от ума” пушкинского времени из собрания Яхонтовых. Но была и

Рис. 7. Автограф на статье о С.А. Цвылеве

Благодаря рассказам Любви Моисеевны представляли живыми людьми авторы учебников и учебных пособий, чьи портреты мы, будучи студентами, разглядывали на стенах нашего родного института. Имя

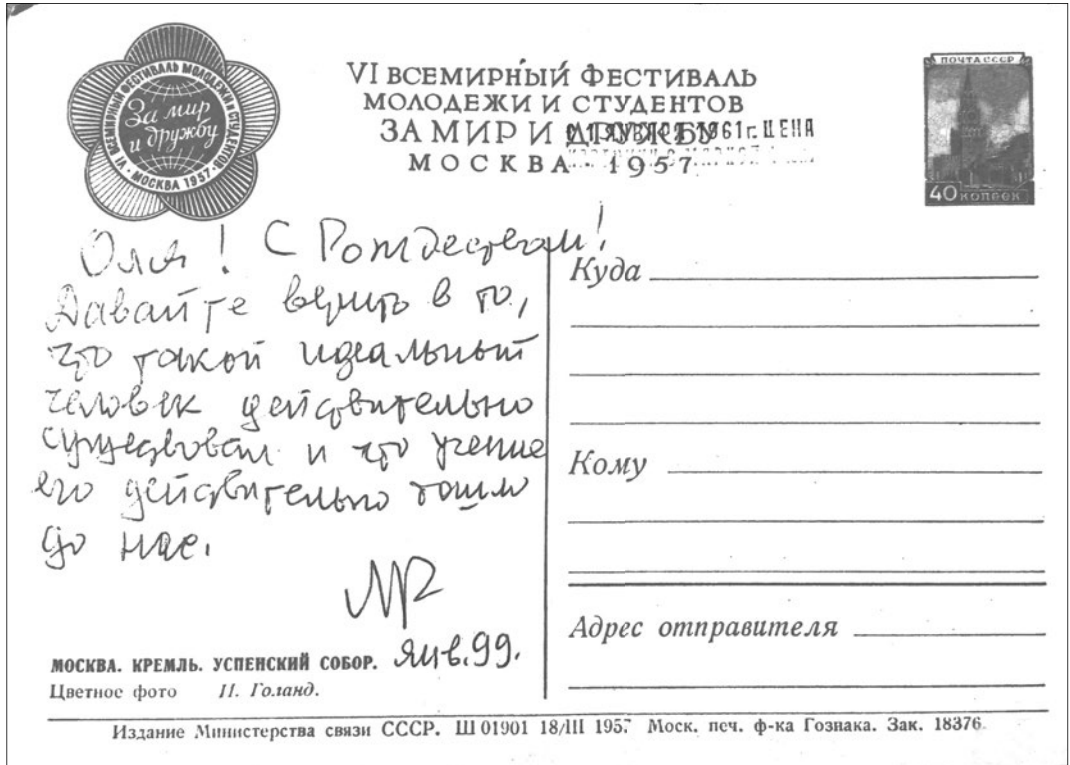

Рис. 8. Открытка с поздравлением с Рождеством от Л.М. Равич

совмещалось с образом человека, который возникал после рассказов Л.М. Трепетно и с любовью относилась Любовь Моисеевна к своим ученикам — Е. Васильевой (Фридман), В.Д. Крамер и Н.К. Леликовой.

Любовь Моисеевна отличалась чувством меры и стиля; это проявлялось во всем — в текстах книг и статей, стихотворных посланиях и даже в мастерстве портнихи. Она играла на пианино свои любимые мелодии. Это было завораживающее действие. Она любила музыку. Особо выделяла «Реквием» Моцарта. «Но ангелы поют, и звучит Lacrimosa для людей грядущих веков», — так написала Любовь Моисеевна о своем любимом произведении. С восхищением вспоминала Любовь Моисеевна о гениальной пианистке М.В. Юдиной, игру которой ей довелось слышать. У нее были свои представления о силе, которая над нами всеми: «Оля! С Рождеством! Давайте верить в то, что такой идеальный человек действительно существовал и что его учение действительно дошло до нас. ЛР янв. 99» (рис. 8) (так пишет Любовь Моисеевна на открытке 1957 года издания с видом Успенского собора Кремля).

И пусть в грядущей вечной тишине
 Мою волну не трогают помехи,
 Чтобы для тех, кто вспомнит обо мне,
 Звучало слово, а не только эхо.

Л.М. Равич. Прощание [1]

В 2003 году был издан библиографический указатель трудов Л.М. Равич к ее 80-летию [9], насчитывающий около сотни работ, как

закономерный итог общения и знак благодарности учеников Любви Моисеевны. Она успела при жизни получить этот знак внимания. И я была счастлива именно таким образом — участием в составлении указателя — выразить свое уважение и признательность своему наставнику и старшему другу — Любви Моисеевне Равич.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Равич Л.М.* Восемьдесят первая осень : сб. стихотворений. Москва, 2004. URL: http://acl-solution.com/Ravich/poems_title_page.htm (дата обращения: 18.07.2023).
2. *Равич Л.М.* Для Петропавловской крепости недосягаема : (библиография и цензура в России) // Библиография. 1993. № 5. С. 98–109.
3. *Щиченко О.А.* Из истории некоторых частных книжных собраний в послереволюционный период: книжные собрания В.С. Елисейевой и А.В. Руманова в библиотеке Дома искусств // Книга. Культура. Читатель : сб. науч. тр. по материалам 10-х Смирдин. чтений. Санкт-Петербург, 1998. Т. 149. С. 157–169.
4. *Равич Л.М.* О некоторых проблемах отечественного библиофильства XIX века // История библиотек : исслед., материалы, документы / Рос. нац. б-ка. Санкт-Петербург, 1996. Вып. 1. С. 114–134.
5. *Равич Л.М.* Семья Языковых и Карамзинская библиотека : (по материалам неопубликованных писем) // История библиотек : исслед., материалы, документы / Рос. нац. б-ка. Санкт-Петербург, 1999. Вып. 2. С. 62–81.
6. *Равич Л.М.* «Дорогу проложить, где не было и следу» : (А.Н. Радищев в русской библиографии XIX в.) // Историко-библиографические исследования : сб. науч. тр. / Рос. нац. б-ка. Санкт-Петербург, 1996. Вып. 6. С. 94–111.
7. *Равич Л.М.* У истоков библиографической Пушкинианы // Историко-библиографические исследования : сб. науч. тр. / Рос. нац. б-ка. Санкт-Петербург, 1992. Вып. 2. С. 24–58.
8. *Равич Л.М.* «Серенька Тошой из палаты просящих старцев» : повествование о Сергее Александровиче Цвылеве // Библиофил. 2001. № 2(5). С. 69–82.
9. Любовь Моисеевна Равич : [указатель] / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, Рос. нац. б-ка ; сост.: Н.К. Леликова, О.А. Щиченко ; науч. ред. Н.К. Леликова ; вступ. ст.: Д.К. Равинский. Санкт-Петербург, 2003. 27, [1] с. (Ученые Университета культуры и искусств).

SHCHICHENKO O. «The warmth of the soul, the game of the mind...» (About my mentor L.M. Ravich)

Shchichenko Olga — Candidate of Pedagogical Sciences, employee of the Academy of Sciences Library in 1988–1992
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: olgschich@mail.ru

ABSTRACT

In the memoirs, the image of L.M. Ravich as a teacher and mentor, generously transferring his knowledge to young scientists. Excerpts from poems written by her are presented. The article contains illustrations — photographs of L.M. Ravich's jesting autographs on books, articles and postcards received from her as a gift.

Key words: history of bibliography, biography, poems, poetry, Lyubov Moiseevna Ravich.

Е. Фридман

ЛЮБОВЬ МОИСЕЕВНА РАВИЧ

Фридман Елена — директор Медицинской научной библиотеки Университетской больницы Стагген-Айленда (США)

Нью-Йорк, США

АННОТАЦИЯ

Воспоминания бывшей студентки Ленинградского государственного института культуры о встречах с Л.М. Равич раскрывают ее качества как преподавателя и человека

Ключевые слова: история библиографии, Ленинградский государственный институт культуры, Любовь Моисеевна Равич, биография, воспоминания.

Я познакомилась с Любовью Моисеевной в далеком 1971-м году, когда, будучи студенткой второго курса технического отделения библиотечного факультета Ленинградского института культуры, впервые пришла на лекцию по истории библиографии. Название курса не обещало, что он будет особенно интересным, но уже с первой лекции выяснилось, что я ошибалась. Это было потрясающе интересно, захватывающе, увлекательно, и все потому, что читала курс Любовь Моисеевна Равич — выдающийся ученый-библиограф, просветитель, историк русской культуры [1]. Впрочем, все это мы узнали о ней позже; а пока что мы с моей подругой срочно записались на отделение студенческого научного общества, которое вела Любовь Моисеевна. Так началась наша дружба, которая длилась многие годы. Хотя, конечно же, это была дружба, в которой мы всегда смотрели на Любовь Моисеевну снизу вверх, восхищались ею и ловили каждое ее слово.

Спустя годы я думаю о том, что заставляло ее, человека с обширными профессиональными, научными и культурными интересами, занятого работой, семьей, творчеством, тратить время на нас, сопливых девчонок, приглашать нас в гости, вести с нами долгие беседы. Я думаю, что она, преподаватель от Бога, понимала, как важно для ее учеников личное, неформальное общение. А может, она об этом и не задумывалась, а просто это шло от широты ее натуры, от щедрости, с которой она делилась с другими своими знаниями и накопленным опытом. Я хорошо помню эти разговоры за чашкой чая в небольшой комнате коммунальной квартиры, заставленной полками с книгами, когда обсуждение текущих событий плавно переходило в рассказы о библиофилах XIX века, которых, казалось, Любовь Моисеевна знала лично, и обратно к историям из ее жизни, которая была нелегкой, как у многих из ее поколения, особенно у тех, кто, как она, никогда не гонялся за чинами и наградами, не изменял своим принципам ради удобств и признания.

Ни Христовы невесты, ни вдовы мы,
Мы, рожденные в годы двадцатые.
Наши судьбы войной заколдованы,
Припечатаны черной печаткою...

Это строки из стихотворения Равич, озаглавленного «Ленинградки» [2]. Стихи Любовь Моисеевна начала писать уже на склоне лет — еще одна сторона ее творчества, где она была талантлива, так же, как и во всем остальном.

Сейчас, по прошествии многих лет, понимаешь, какое это было счастье — встретить в самом начале своей жизни такого человека, как Любовь Моисеевна Равич. Бывают встречи, которые, как теперь принято говорить, являются знаковыми для тебя. И сейчас, оглядываясь назад, понимаешь, как несказанно повезло, что в твоей жизни была такая встреча. Я думаю, это могут сказать о себе все ученики Равич: Любовь Моисеевна, огромное Вам спасибо за все.

Список источников

1. Любовь Моисеевна Равич : [указатель] / М-во культуры РФ, С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, Рос. нац. б-ка ; сост.: Н.К. Леликова, О.А. Щиченко ; науч. ред. Н.К. Леликова ; вступ. ст.: Д.К. Равинский. Санкт-Петербург, 2003. 27, [1] с. (Ученые Университета культуры и искусств).
2. *Равич Л.М.* Восемьдесят первая осень : сб. стихотворений. Москва, 2004. URL: http://acl-solution.com/Ravich/poems_title_page.htm (дата обращения: 18.07.2023).

FRIEDMAN Y. Lyubov Moiseevna Ravich

Yelena Friedman — Director of Health Science Library Staten Island University Hospital
New York, USA

ABSTRACT

Memoirs of a former student of the Leningrad State Institute of Culture about meetings with L.M. Ravich reveal her qualities as a teacher and a person.

Keywords: history of bibliography, Leningrad State Institute of Culture, Lyubov Moiseevna Ravich, biography, memoir.

Н.С. Беляев

КНИГИ ИЗ СОБРАНИЯ Ф.Е. КОРША В БИБЛИОТЕКЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА И ОПЫТ СОЗДАНИЯ ОПИСАНИЯ СОБРАНИЯ УЧЕНОГО В БИБЛИОТЕКЕ АКАДЕМИИ НАУК В 1920-е гг.

Беляев Николай Сергеевич — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Библиотеки Академии наук, заведующий Лермонтовским кабинетом Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: Belyaev_77@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Изучение книжной коллекции известного филолога академика Федора Евгеньевича Корша (1843–1915) является одной из важных задач отечественного книговедения. В настоящей статье исследованы издания, хранящиеся в фонде отдела БАН при ИРЛИ РАН, дано их полное описание. Особое внимание уделено анализу недавно обнаруженной «Описи библиотеки Ф.Е. Корша», находящейся в архиве БАН.

Ключевые слова: Федор Евгеньевич Корш, Библиотека Академии наук, Институт русской литературы РАН, личные библиотеки, книжные собрания.

Имя Федора Евгеньевича Корша (1843–1915) хорошо известно в академической науке. Его вклад в славистику и востоковедение по-настоящему значим и высоко оценен последующими поколениями отечественных ученых [1]. Особую ценность представляет книжное и журнальное собрание Ф.Е. Корша, после его кончины поступившее в разные книгохранилища страны. Как известно, значительная часть коллекции была передана в БАН вдовой академика Евдокией Самойловной Корш (1859–1931) вскоре после смерти ученого, вместе с составленным каталогом. Однако ее освоение началось уже в 1920-е гг. Талантливый петербургский книговед Т.В. Кульматова в своей публикации «Автографы на изданиях из академического собрания БАН (академик Ф.Е. Корш: даритель и адресат)» [2, с. 33–34] обозначила основные этапы поступления этой коллекции в БАН. Недавно обнаруженная «Опись библиотеки Ф.Е. Корша» [3], составленная предположительно в 1927 году, и присоединенные к ней документы позволяют точно определить, в какие отделы БАН поступили издания, принадлежавшие Ф.Е. Коршу.

Как известно, одной из важных книговедческих задач, стоящих перед Библиотекой Академии наук, является не только изучение самих собраний, пополнивших ее фонд в разные годы, но и подготовка описаний этих коллекций, которой занимаются специалисты. В этом плане как раз представляет несомненный интерес «Опись библиотеки Ф.Е. Корша», составленная В.В. Михайловой и Е.П. Быстровой, которую удалось обнаружить в архиве БАН.

Прежде чем начать анализировать этот документ, следует несколько слов сказать об его составителях. Евгения Петровна Быстрова испол-

няла временные работы в качестве сотрудника I (Русского) отделения, в частности в 1927 году занималась нешифрованным фондом; Вера Васильевна Михайлова, также сотрудник I (Русского) отделения, служила в нем в 1926–1927 гг. К сожалению, в настоящий момент более подробных сведений найти не удалось.

Опись представляет собой рукописный каталог. На передней крышке картонной папки было обозначено: «Опись Б-ки Акад. Е.Ф. Корша. Раб. В.В. Михайловой и Е.П. Быстровой», а также стоял штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША». При беглом взгляде на документ несколько настораживали инициалы, которые принадлежали сыну академика, переводчику и музейному работнику Евгению Федоровичу Коршу (1879–1969), однако, просмотрев содержание описи и ознакомившись с другими документами, к ней прилагавшимися, сомнений в принадлежности обозначенных в ней книг и журналов именно к собранию Ф.Е. Корша не стало.

Имеющаяся в нашем распоряжении «Опись» в значительной степени напоминает инвентарную книгу, включавшую следующие графы: первая — порядковый номер, вторая — автор, заглавие, том издания, место издания, издательство или типография, третья — количество экземпляров и последняя — примечания. Структура группировки материала была сориентирована на те отделы Библиотеки Академии наук, в которые предполагалось передать собрание Ф.Е. Корша. В основу фиксации изданий легло, говоря современным языком, краткое библиографическое описание, при этом сохранялась дореволюционная орфография оригинала. Сама форма воспроизведения библиографического описания использовалась та, что применяется теперь для карточных каталогов, следовательно, если разрезать имеющийся список на отдельные полосы, они вполне могли бы быть применимы для стационарного алфавитного каталога.

Отметим, что в задачу составителей не входило изучение материала, позволяющего дополнить имеющиеся библиографические описания отсутствовавшей значимой информацией. Это особенно становилось важным, когда шла речь об отдельных оттисках, т.к. широко известно, что на данном виде печатного материала, часто составленного самими владельцами личных библиотек, далеко не всегда присутствовали выходные данные, что затрудняет их дальнейшую идентификацию.

Однако и в таком виде «Описание библиотеки Ф.Е. Корша» представляет существенную ценность для изучения книжного и журнального собрания ученого. Безусловно, что эта коллекция достойна самостоятельного предмета исследования и может служить темой не одной статьи. В контексте настоящей публикации хотелось бы остановиться на ряде важных обобщений.

Во-первых, на объеме всего собрания: имеющиеся документы позволяют это сделать — всего в описи обозначено 2148 названий, 3444 экземпляров. Во-вторых, по видам печатных документов — это монографии, продолжающиеся и периодические издания, энциклопедии, словари, справочники, отдельные оттиски, представленные на русском, славянских, западноевропейских и арабских языках. В-третьих, по своему характеру в библиотеке Ф.Е. Корша были сосредоточены научные публи-

кации, многоаспектно раскрывающие проблемы истории, языка, литературы разных стран мира, но, прежде всего, это была цельная коллекция изданий по вопросам славистики, вышедших во второй половине XIX века и уже в начале XX века. Итак, основной отдел собрания Ф.Е. Корша включал 1200 названий, отдел «Академические издания» — 272 названия, отдел «Периодические издания» — 141 название, «Славянский отдел» (литература на славянских языках) — 386 названий, «Читальный зал» (словари и справочники) — 92 названия (значительное количество многотомных изданий), Азиатский музей — 301 название.

Сохранились и сами расписки заведующих отдельными структурными подразделениями БАН, куда были направлены издания из собрания Ф.Е. Корша; в них фигурирует не только общее количество переданных книг, но и число их названий. В качестве примера приведем две такие расписки. Первая — А. Ляцкого: «Славянское отделение Библиотеки Академии наук приняло из библиотеки Ф.Е. Корша 386 названий книг, брошюр, периодических изданий и листовок в количестве 514 библиотечных единиц, перечисленных в настоящей описи. Заведующий Славянским отделом Б.А. Наук А. Ляцкий. 31 мая 1927 года» [3, л. 116]. Вторая — Л. Перетца: «Одну тысячу шестьсот девяносто семь (1697) библиотечных единиц на иностранных языках из библиотеки Академика Ф.Е. Корша от I (Русского) отделения Б. в II (Иностранное) отделение Б. принял 1 июня 1927 года. Библиотекарь II отд. Л. Перетц» [3, л. II]. Существенно, что данные документы позволят в дальнейшем проводить поиск книг из собрания Ф.Е. Корша в этих структурных подразделениях БАН.

В настоящий момент вся Опись библиотеки Ф.Е. Корша отсканирована и в принципе доступна для изучения, однако надо учитывать, что ее физическая сохранность требует определенного вмешательства специалистов, карандашные записи, выполненные почти век назад, постепенно тускнеют. Ее исследование должно состоять из нескольких этапов. Во-первых, необходимо весь имеющийся текст перевести в машиночитаемый формат, следовательно, сделать его компьютерный набор. Во-вторых, подготовить корректные библиографические описания изданий в соответствии с современными государственными стандартами. В-третьих, самое сложное — произвести поиск изданий, принадлежавших Ф.Е. Коршу, в фондах БАН и ее филиалах. В-четвертых, подготовить краткие или, в наиболее благоприятном случае, полные описания изданий с указанием не только полиграфических особенностей экземпляров, но и всех маргиналий. При этом надо учитывать, что в библиотеке Ф.Е. Корша представлены книги на разных языках, что явно осложнит эту задачу. Однако осуществление даже первого этапа работ даст специалистам — филологам, историкам, книговедам — значительную информацию для их работы.

Немаловажно, что, по имеющимся сведениям, целый ряд изданий из этого собрания оказался в библиотеках Ленсети, возглавляемых БАН. Во всяком случае, в фонде библиотеки Пушкинского Дома было обнаружено несколько десятков изданий из этого собрания. Дело в том, что в библиотеке Пушкинского Дома в начале 2010-х гг. было принято решение о просмотре всего имеющегося фонда, поступившего до 1953 года, т.к. именно в этот хронологический период она смогла обогатиться зна-

чительной частью личных собраний, принадлежавших ранее деятелям науки и культуры.

В ходе этой работы удалось обнаружить немало изданий из собрания Ф.Е. Корша. Судя по сохранившейся библиотечной документации, все они поступили в 1930–50-е гг. из обменно-резервного фонда БАН, а также в значительной степени из Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР, созданного в 1933 году, в состав которого вошел Институт по изучению народов (образованный в 1930 году на базе Комиссии по изучению состава населения России), штампы последнего также можно обнаружить на титульных листах изданий. Несколько углубляясь в историю вопроса, следовало бы сказать, что в структуре Института по изучению народов была создана Фольклорная секция, позже переименованная в Фольклорную комиссию, затем вошедшую в состав Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР. В 1938 году она была преобразована в Отдел фольклора народов СССР и передана Пушкинскому Дому вместе с ее библиотекой. Внутри библиотеки ИРЛИ книги из собрания Ф.Е. Корша были распределены по следующим отделам — основной фонд, Пушкинский кабинет, специализированные книгохранилища при отделе фольклора и отделе изучения древнерусской литературы.

В настоящий момент в библиотеке ИРЛИ хранится 53 экземпляра из библиотеки Ф.Е. Корша. В тематическом плане — это издания по художественной литературе — произведения А.С. Пушкина, Р.Ф. Брандта, Д.И. Вергуна, печатные публикации по лингвистике — Н.Н. Дурново, А.И. Соболевского, П.В. Шейна, А.А. Шахматова, В.Н. Щепкина, по фольклору — Е.Ф. Будде, А.И. Зачиняева, Н.В. Васильева, Ф.М. Истомина, по истории зарубежной литературы, прежде всего античности — В.К. Эрнштедта, В.М. Истрина, Е.Г. Кагарова, И.А. Коссовича, не меньший интерес представляют книги по античной истории и философии, в частности комментированное издание сочинений Демосфена А.Н. Шварца, где сохранились владельческие пометы Ф.Е. Корша, по этнографии России и Кавказа, например, многотомный «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», труды по славистике, по музыке — монография Н.А. Янчука о деятельности князя В.Ф. Одоевского. Иностранные издания представлены тремя книгами на украинском, болгарском и немецком языках по славистике и древнегреческой литературе. Определенный интерес представляет раздел «Пушкиниана», т.к. известно, что Ф.Е. Корш значительное место в своей научной деятельности уделял наследию великого русского поэта, он был председателем Академической комиссии по изданию сочинений А.С. Пушкина (1899–1914), переводил его сочинения, подготовил ряд исследований в области изучения его поэзии и творческой биографии. Неслучайно в 1900 году он был избран ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности именно по Пушкинскому разряду. Однако почти вся «Пушкиниана» находится теперь в Московском университете, в библиотеке ИРЛИ этот раздел собрания Ф.Е. Корша представлен только двумя книгами — сборником «В память столетней годовщины рождения А.С. Пушкина (1799–1899 г.)» (Варшава, 1899) и монографией П.Н. Черняева «А.С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древне-классических поэтов: (26 мая 1799 — 26 мая 1899)» (Казань, 1899).

Существенный интерес представляют книги с дарственными надписями, обращенными к Ф.Е. Коршу от известных деятелей науки и культуры (см. Приложение) — Р.Ф. Брандта, Н.В. Васильева, С.И. Вехова, А.Н. Шварца, Н.Н. Дурново, В.К. Ернштедта, А.И. Зачиняева, Д.К. Зеленина, Ф.М. Истомина, В.М. Истрина, Е.Г. Кагарова, И.А. Коссовича, П.А. Лаврова, Б.М. Ляпунова, В.Н. Добровольского, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, П.В. Шейна, В.Н. Щепкина, Н.А. Янчука — всего двадцать авторов инскриптов. Кстати, в библиотеке ИРЛИ есть и собственные автографы Ф.Е. Корша, адресованные к пяти лицам — П.В. Безобразову, О.В. Градовской, П.А. Ефремову, П.К. Коковцеву и Б.Л. Модзалевскому.

Безусловно, что рамки одной статьи не позволяют дать полноценное представление обо всех дарственных надписях в библиотеке Ф.Е. Корша. Позволим себе обратить внимание специалистов лишь на некоторые из них.

Многолетние отношения связывали Ф.Е. Корша с филологом-классиком Романом Федоровичем Брандтом (1853–1920) — известным славистом, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, профессором Московского университета, председателем Русского библиографического общества при Московском университете (1910–1920), почетным членом Русского библиографического общества. Примечательно, что Р.Ф. Брандт входил вместе с Ф.Е. Коршем и А.А. Шахматовым в состав Комиссии по вопросу о русском правописании, возглавляемой Ф.Ф. Фортунатовым. 16 февраля 1916 года, в годовщину со дня смерти Ф.Е. Корша, на торжественном публичном заседании историко-филологического факультета Московского университета Р.Ф. Брандт выступил с докладом «Ф.Е. Корш как теоретик и практик русского стиха». Сохранились два его письма к Ф.Е. Коршу, ныне опубликованные, 1899 и 1900 годов, свидетельствующие об их тесном контакте, касающиеся как частных проблем науки, так и чисто организационных вопросов. Так, 1 октября 1899 г. Р.Ф. Брандт писал: «Глубокоуважаемый Федор Евгеньевич! Позвольте беспокоить Вас сообщением, что факультет в последнем своем заседании для разработки вопроса об устройстве практических занятий по древним языкам образовал комиссию из профессоров-классиков, в которой ввиду нездоровья Гавриила Афанасьевича [Иванова] председательство принадлежит Вам. Постановлено ассигнованное особое вознаграждение распределить между руководителями из приват-доцентов, не получающих постоянного вознаграждения. Сообщаю Вам об этом поздно, так как сначала Вас не было в Москве, а потом хотелось побывать у Вас самому, и, лишь видя, что дело из-за этого еще в оттяжку пойдет, пишу Вам это письмо. Преданный Вам Р. Брандт» [4, с. 120].

Однако Р.Ф. Брандт был еще известен как поэт и переводчик, публиковавшийся под псевдонимом Орест Головин. В нашем собрании есть книга — «Басни переводные, подражательные и оригинальные. [Вып. 2] : Басни (свои, перепевы и переводы) : 2-ой ряд», сочинение Ореста Головина (М., 1910), с очень лаконичной дарственной надписью: «Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Ф.Е. Корш не был только кабинетным ученым, по его инициативе была создана Московская диалектологическая комиссия, которая зани-

малась не только собирательской работой, но и активно публиковала свои исследования. В качестве приложения к объемному труду «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» в 1915 году была издана работа «Очерк русской диалектологии», подготовленная тремя специалистами Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым. В рамках настоящего сообщения нас будет интересовать биография Николая Николаевича Дурново (1876–1937) — филолога классика, члена-корреспондента РАН (1924), академика Белорусской академии наук (1928–1930). В начале своего научного пути он занимался преподавательской работой в Харьковском и Саратовском университетах, в 1920-е гг. жил и работал в Чехословакии, был профессором в Университете им. Масарика в Брно, по возвращении в СССР был избран академиком в Белорусскую Академию наук, стал профессором Белорусского университета (1928–1930). В 1930 году в связи со своей критической позицией в отношении яфетической теории Н.Я. Марра был исключен из Белорусской Академии наук, был вынужден уйти из университета и уехать в Москву. В 1933 году он был арестован, в 1937 году расстрелян, впоследствии в 1964 году реабилитирован. Как уже было упомянуто ранее, Н.Н. Дурново занимался вопросами диалектологии, поэтому неслучайно, что Ф.Е. Коршу он преподнес свое издание, связанное с лингвистической проблематикой: «Очерк истории русского языка, вып. 2. Историческая морфология. 1, История форм склонения и спряжения» (Харьков, 1913) — с инскриптом: «Ф.Е. Коршу». Небезынтересно, что после смерти Ф.Е. Корша в 1915 году председателем Московской диалектологической комиссии стал Н.Д. Ушаков, а Н.Н. Дурново занял место его заместителя.

Особую ценность представляют дарственные надписи учеников Ф.Е. Корша. Среди них одно из центральных мест принадлежало Алексею Ивановичу Соболевскому (1857–1929) — лингвисту, палеографу, слависту, историку литературы, академику Петербургской Академии наук, профессору Петербургского и Московского университетов. Он занимался проблемами русской лексики, диалектологии, ономастики, палеографии, топонимики, этимологии. Ф.Е. Корш старался привлекать в подготавливаемые им проекты бывших своих учеников. В письме к Ф.Е. Коршу от 19 мая 1897 года А.И. Соболевский, несмотря на занятость, не смог отказать своему учителю в интересном в научном плане предложении: «Киев, 19 мая 1887 г. Многоуважаемый Федор Евгеньевич! Я готов принять участие в составлении “Словаря древнерусского языка” — все равно в качестве редактора или (что для меня более удобно) в качестве сотрудника. Но, к сожалению, я не могу дать Вам никаких определенных обещаний. Мое ближайшее будущее в некотором роде покрыто покрывалом. Я имею сведения, что меня министерство предполагает перевести в Петербург на кафедру славянских наречий. Если перемещение мое состоится, то, само собою разумеется, у меня будет на новой кафедре много дела и без словаря. Как бы то ни было, насколько будет возможно, я готов заняться изготовлением материалов для словаря по рукописям или по старопечатным изданиям, особенно южно — и западнорусским. Я буду, вероятно, в Ярославле на съезде, а потом в Москве. Было бы не худо устроить свидание сотрудников, чтобы потолковать о разных

частностях и передать друг другу свои взгляды. Относительно проекта, кроме одобрения, я ничего не могу высказать. Ваш покорный слуга А. Соболевский» [4, с. 35].

В собрании Ф.Е. Корша насчитывается шесть работ ученого, среди них монографии, отдельные оттиски статей и рецензии на публикации коллег. Одним из важных трудов А.И. Соболевского была работа «Опыт русской диалектологии» (СПб., 1897), на первом ее выпуске — «Наречие великорусское и белорусское» — он оставил следующую запись: «Многоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Ф.Е. Корш всегда старался помогать своим коллегам и советом, и делом. Среди них был и Василий Михайлович Истрин (1865–1937) — историк литературы, занимавшийся изучением памятников славянской письменности, русской литературой XIX века (А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, А.И. Тургенев), профессор Новороссийского и Петербургского университетов, академик, председатель отделения русского языка и словесности РАН (1920–1930), председатель Историко-филологического общества при Новороссийском университете и его византийского отделения. В своем письме к Ф.Е. Коршу от 25 февраля 1897 года он просил совета, как лучше с точки зрения организационных моментов ввести в число преподаваемых дисциплин в Новороссийском университете курс «Византологии»: «Если бы Вы снабдили меня, многоуважаемый Федор Евгеньевич, какими-либо на этот счет советами, то Вы чрезвычайно облегчили бы дело, а также придали бы большую убедительность моему предложению. Ведь Вы являлись для меня в данном случае вдохновителем» [4, с. 123]. Спустя несколько недель, 14 марта 1897 года, он опять писал Ф.Е. Коршу: «Многоуважаемый Федор Евгеньевич! Спешу сообщить Вам результаты сегодняшнего факультетского заседания. Я приготовил обширный доклад, в два листа, в котором призывал гром небесный на тех, кто не признает Византии, грозил жупелом и муками ада супротивникам. Благодаря тому или чему-либо иному, но доклад приняли без всяких возражений, даже те, которые раньше были против, и те не возражали ничего. <...> Причина такого благосклонного отношения лежит, кажется, в том, что в своем докладе я привел выписку из доклада, сделанного еще Вами купно с другими историко-филологическому обществу об устройстве византийского отделения...» [4, с. 123]. В том же году у В.М. Истрина вышла монография «Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе: исследование и тексты», которая была подарена им Ф.Е. Коршу со следующей надписью: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора», как, вероятно, знак благодарности за поддержку в столь важном для ее автора вопросе.

Завершая небольшой обзор, хотелось бы отметить, что в настоящий момент подготовлено описание собрания Ф.Е. Корша в библиотеке Пушкинского Дома, которое представлено в качестве приложения к настоящей публикации — это одна из первых ступеней к изучению и осмыслению коллекции известного ученого-слависта.

**Описание книг из библиотеки Ф.Е. Корша в фонде
Отдела БАН при ИРЛИ РАН**

1. Брандт Р.Ф. Басни переводные, подражательные и оригинальные / [Соч.] Ореста Головина [псевд.]. [Вып. 1–2]. [Вып. 2] : Басни (свои, перепевы и переводы) : 2-ой ряд. Москва : Унив. тип., 1910. [2], X, 160, [2] с.
В издательской обложке.
На титульном листе дарственная надпись: «Федору Евгеньевичу Коршу от автора». Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША». 1938и/2659 2)
2. Будде Е.Ф. К истории великорусских говоров : опыт ист.-сравн. исслед. нар. говора в Касим. уезде Рязан. губ. Казань : типо-лит. Имп. унта, 1896. [2], 5-378, II, 7 с., 1 л. карт.
Приплетено: Будде Е.Ф. Положения к диссертации Е.Ф. Будде: «К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии». Казань 1896 года. Москва : Университет. тип., 1897. 3 с.
В издательской обложке.
Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.»
В современном картонном переплете.
ФС2100
3. Васильев Н.В. Произведения народной словесности и их собрание в России. Москва : тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. 16 с.
В издательской обложке.
На издательской обложке дарственная надпись: «Многоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора 15.1.1915 г.»
Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.»
В современном картонном переплете.
ФС2064
4. Вергун Д.Н. Стихотворения / Дмитрий Вергун. 2-е просм. и знач. доп. изд. Львов : Галицко русская матица, 1907. 176 с., 1 л. портр. (На обл.: Червоннорусские отзвуки).
В издательской обложке.
Пометы Ф.Е. Корша на с. 106, 146.
Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША». 1939к/718
5. Вехов С. Об источниках Г. Светония Транквилла в биографиях XII цезарей : историко-литературное исследование. Ч. 1 (Общая). Варшава : Тип. К. Ковалевского, 1888. [4], X, 119 с.
В издательской обложке.
На титульном листе дарственная надпись: «Ф.Е. Коршу в знак глубокого уважения и искренней преданности автор».
Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».
В современном картонном переплете.
1936к/13011)

6. Демосфен. Олинфские речи : (I–III) / [соч.] Демосфена ; с прил. введ. и примеч. А. Шварца. Москва : Унив. тип. (Катков и К^о), 1873. XII, 106 с. (Избранные речи аттических ораторов / с введ. и примеч. А. Шварца ; II).

В издательской обложке.

На обложке дарственная надпись: «Федору Евгеньевичу Коршу от издателя».

Пометы Ф.Е. Корша на с. V–VIII, X, XI, 2–14, 16–22, 25–28, 33, 34, 36–43, 45–70, 74–76, 78–102.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».

19366/2216

7. Дурново Н.Н. Очерк истории русского языка : Вып. 2. Историческая морфология. 1, История форм склонения и спряжения / Николай Дурново, приват-доцент Харьковского университета. Харьков : типография и литография М. Зильберберг и сыновья, 1913. [4], 112, VIII с.

В издательской обложке.

На издательской обложке дарственная надпись: «Ф.Е. Коршу».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ».

В современном картонном переплете.

ФС2265

8. Дурново Н.Н. Хрестоматия по великорусской диалектологии : Пособие при преподавании рус. яз. в высш. учеб. заведениях : С прил. образца лит. произношения и карты / Н. Дурново и Д. Ушаков, прив.-доц. Имп. Моск. ун-та. Москва : тип. Имп. Моск. ун-та, 1910. VIII, 216 с., 1 л. карт.

В издательской обложке.

На титульном листе дарственная надпись [Д. Ушакова] : «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от составителя».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФС2134

9. Ернштедт В. Забытые греческие пословицы. Отт. из: Журн. министерства нар. просв. 1893. Апр.-Май. С. 23–48.

На с. 23 дарственная надпись: «Многоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФК2184

10. Житие святого Мефодия и похвальное слово св. Кириллу и Мефодию по списку XII в. / издал П.А. Лавров. Москва : Унив. тип., 1898. [2], III, [21] с. (обл. 1899).

В издательской обложке.

На обложке дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «Академия наук С.С.С.Р. Библиотека. Чит. зал». Ярлык «БАН Читальный Зал».

В современном картонном переплете.

99/18/178

11. Зачиняев А.И. Об эпических приемах былины «Взята Казань» / А. Зачиняев. Санкт-Петербург : тип. М.П.С. (т-ва И.Н. Кушнерев и К^о), 1907. 36 с. Из журн.: «Живая старина». Вып. 3 и 4, 1906 г.

В издательской обложке.

На издательской обложке дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФК2381

12. Зеленин Д.К. Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии : (Этногр. и ист.-лит. очерк) / Д. Зеленин. Вятка : Губ. тип., 1904. [2], 54 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФС2044

13. Зеленин Д.К. Народные присловья о вятчанах. Вятка : Губ. тип., 1904. 17 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФС2075

14. Зеленин Д.К. Свадебные приговоры Вятской губернии / Записал и снабдил примеч. Д.К. Зеленин. Вятка : Губерн. тип., 1904. 39 с.

В издательской обложке.

На издательской обложке дарственная надпись: «Академику Феодору Евгеньевичу Коршу — от автора».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФК2048

15. Зеленин Д. Троецпылятица. (Этнографическое исследование). Вятка : Губерн. тип., 1906. 54 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФС2076

16. Зеленин Д.К. Черты быта Усень-Ивановских староверов. Казань : Типо-литогр. Имп. ун-та, 1905. [2], 58 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.
ФС2046

17. Истомин Ф.М. Песни русского народа : Собраны в губерниях Вологод., Вят. и Костром. в 1893 году / Записали слова Ф.М. Истомин, напевы С.М. Ляпунов. Санкт-Петербург : Рус. геогр. о-во, 1899. XIX, 279 с., 1 л. карт. : нот.

На авантитуле дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от брата собирателя».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.
ФС2019

18. Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах : исследование и тексты. Москва : Унив. тип., 1897. [2], II, 250, 202, [2] с.

В издательской обложке.

На обложке дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».

В современном картонном переплете.
99/17/205

19. Кагаров Е. Роза в поэзии античной Греции. Харьков : тип. «Печ. дело», 1913. [4], 8 с. Отт. из «Вестн. Харьк. ист.-филол. о-ва». № 4.

В издательской обложке.

На титульном листе дарственная надпись: «Федору Евгеньевичу Коршу в знак глубокого уважения автор»

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».

1936в/863

20. Коссович И.А. Горацианские лирические размеры, их применение к русской метрике, с приложениями и пояснениями. Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1874. [2], 118 с.

В издательской обложке.

На обложке дарственная надпись: «Вл. Чемпионы от Автора».

На обложке (задняя сторона) — пометы неизвестного лица.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».

1936б/2243

21. Лавров П. Св. Кирилл и Мефодий первоучители славянские. Отт. из: Книга для чтения по истории Средних веков. Сост. кружком преподавателей / под ред. проф. П.Г. Виноградова. Москва : Тип. А.И. Мамонтова, 1897. Вып. 2. С. 133–220.

На с. 133 дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от П. Лаврова».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».

Бр551/635

22. Ляпунов Б.М. Д-р Ватрослав Облак : критико-биограф. очерк Б.М. Ляпунова. Харьков : тип. Губерн. правл., 1896. [2], 19 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «Академия наук С.С.С.Р. Библиотека. Чит. зал». Ярлык «БАН Читальный Зал».

В современном картонном переплете.
1953в/808

23. Ляпунов Б.М. Краткий очерк ученой деятельности академика Игнатия Викентьевича Ягича / Б.М. Ляпунов. Одесса : Экономическ. тип., 1901. [2], 42 с., 1 л. портр. (из: Летопись Историко-филол. о-ва при Имп. Новорос. ун-те. 9. Византийско-славян. отд. 6. Одесса, 1901. С. 399–440).

В издательской обложке.

На обложке дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «Академия наук С.С.С.Р. Библиотека. Чит. зал». Ярлык «БАН Читальный Зал».

В современном картонном переплете.

1953л/1263

24. Мостарское (Манойлово) Боснийское евангелие : (отрывки) / приготовил к изданию М.Н. Сперанский. Варшава : тип. Варшавск. учеб. окр., 1906. [2], 95 с. : ил.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».

В современном картонном переплете.

99/16/285

25. Пушкин А.С. В память столетней годовщины рождения А.С. Пушкина (1799–1899 г.) : Биогр. очерк и избранные произведения поэта : Для учеников и учениц старшего возраста средних учеб. заведений. Варшава : тип. Варшав. учеб. окр., 1899. [2], II, XXXVI, 202 с., 1 л. портр.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».

В современном картонном переплете.

38/4/95

26. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 7. Тифлис : Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1889. [2], [VI], [2], 218, 232, [2], III с., 3 л. табл.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

ОФ2282 7)

27. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 9. Тифлис : Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1890. [6], XIV, [4], 216, 10, [2], [IV], XVI, 224, [VI] с., 1 л. ил.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ»

ОФ2282 9)

28. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 10. Тифлис : Тип. Канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, 1890. [2], IV, LXXX, [4], 116, [2], 334, [2], 80 с., 1 л. ил., 12 л. табл.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

ОФ2282 10)

29. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 11. Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1891. [2], VI, [2], 376, [2], 320 с., 1 л. ил., 5 л. табл.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

ОФ2282 11)

30. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 12. Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе, 1891. [2], II, II, 108, [4], VIII, 299 с., 1 л. ил.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

ОФ2282 12)

31. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 18. Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе : Тип. Козловского, 1894. [4], [2], [1–2], [5–132], [2], 410 с., 11 л. табл.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

ОФ2282 18)

32. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 24. Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе : Тип. К. Козловского, 1898. [6], VIII, [2], 126, [2], XLIV, 280, [2], 216 с.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

ОФ2282 24)

33. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 32. Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе : Тип. К. Козловского, 1903. [6], XII, [2], [IV], 232, 28, [2], VIII, 168, [2], 158, [2], 24 с.

Пометы Ф.Е. Корша на с. 78.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

ОФ2282 32)

34. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа : Изд. Управления Кавказск. учеб. округа. Вып. 34. Тифлис : Тип. Канцелярии Главногоначальствующего гражданского частью на Кавказе : Тип. К. Козловского, 1904. [4], VIII, [4], 200, 218, [2], 46, [2], 124, [2], 18 с.

В твердом издательском переплете.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».
ОФ2282 34)

35. Смоленский этнографический сборник / сост. В.Н. Добровольский. Ч. 2. Санкт-Петербург : тип. С.Н. Худякова, 1893. [4], IV, 443 с. (Записки Имп. Рус. Геогр. О-ва по отделению этнографии, Т. 23, вып. 1).

В издательской обложке.

На титульном листе дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора»

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ОФ2195

36. Соболевский А.И. Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров. И. Недешева. Варшава. 1884: [рец.]. Отт. из: Журн. министерства нар. просв. 1885. Ч. 239, июнь. С. 299–305.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФК2127

37. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка / [соч.] А.И. Соболевского, акад. Имп. Акад. наук и проф. Имп. С.-Петерб. ун-та. 4-е изд. Москва : Унив. тип., 1907. [4], 309 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФС2213

38. Соболевский А. Новые данные о муромском говоре. Отт. из: Русский филологический вестник. 1907. Т. 8, вып. 3. С. 211–214.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФК2183

39. Соболевский А.И. Опыт русской диалектологии / [соч.] проф. А.И. Соболевского. Вып. 1: Наречие великорусское и белорусское. Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1897. [2], 108, [3] с.

В издательской обложке.

На обложке дарственная надпись: «Многоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу от автора».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ОФ2190

40. Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка / [соч.] А. Соболевского. Ч. 1. Киев : Университетск. тип., 1884. [2], II, IV, 156, [1] с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.
ФС2179

41. Соболевский А.И. А. Шахматов. О языке новгородских грамот XIII и XIV века. С.-Пб. 1886: [рец.]. Отт. из: Журнал министерства нар. просвещения. 1887. Нояб. С. 103–111.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.
ФК2132

42. Черняев П.Н. А.С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древне-классических поэтов: (26 мая 1799 — 26 мая 1899). Казань: бр. Башмаковы, 1899. 85 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «ГОС. МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА Кабинет инвентарн. № 5464».

В современном картонном переплете.
38/1/162

43. Шахматов А.А. Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров / А. Шахматов. Варшава: Тип. Варш. учеб. округа, 1903. 77 с. (Без тит. л., описано по обл. Отт. из «Рус. филол. вестника», 1896, т. 36; 1897, т. 38).

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.
ФС2272

44. Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Варшава: тип. Варшавск. учеб. окр., 1893. [2], 318, II с. (Отт. из «Рус. филол. вестника». 1893, т. 29, № 1 и 2, т. 30, № 3 и 4, 1894, т. 31, № 1).

В издательской обложке.

На титульном листе дарственная надпись: «Федору Евгеньевичу Коршу от ученика».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.
ФС2270

45. Шахматов А.А. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры / А.А. Шахматов. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1912. [2], 11 с.

В издательской обложке.

На титульном листе дарственная надпись: «Дорогому Федору Евгеньевичу Коршу».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША».
99/25/124

46. Шахматов А.А. Несколько заметок об языке псковских памятников XIV–XV в.: (по поводу книги «Николай Каринский. Язык Пскова и его области в XV веке». С.-Пб. 1909. VII+207. 8°) // Журнал М-ва нар. просвещения. 1909. № 7. С. 105–177.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФС2359

47. Шейн П.В. К диалектологии великорусских наречий : Извлеч. из Сб. сказок и преданий Самар. края, сост. и запис. Д.Н. Садовниковым. Варшава : тип. Варш. учеб. окр., 1899. [2], 41 с.

В издательской обложке.

Дарственная надпись: «Многоуважаемому Федору Евгеньевичу Коршу на добрую память от автора. 10 го янв. 1900 г. С.Петербург».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ОФ2353

48. Щепкин В.Н. Учебник болгарского языка / проф. В.Н. Щепкин. Москва : т-во тип. А.И. Мамонтова, 1909. IV, 106 с.

В издательской обложке.

На титульном листе дарственная надпись: «Федору Евгеньевичу Коршу от ученика».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ», штамп «БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ПО ИЗУЧ. НАРОДОВ.».

В современном картонном переплете.

ФС2112

49. Янчук Н.А. Князь В.Ф. Одоевский и его значение в истории русской церковной и народной музыки : [чит. в объединенном составе Муз.-этногр. комис. и Этногр. отд. О-[ва] люб. ест., антр. и этногр. 12 апр. 1904 г.]. Москва : тип. К.Л. Меньшова, 1906. 19 с. : корр. Отт. из «Тр. Комис.». Т. 1.

В издательской обложке.

На титульном листе дарственная надпись: «Глубокоуважаемому Ф.Е. Коршу от Н. Янчука 6 апр. 1906 г.».

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «И.А.Э. А.Н. С.С.С.Р. БИБЛИОТЕКА Фольклорно-Справочный КАБИНЕТ».

В современном картонном переплете.

ОФ2288

50. Die Mimiamben des Herondas / Deutsch mit einleitung und anmerkungen von Otto Crusüts. Göttingen : Dieterichsche verlagsbuchhandlung, 1893. XLIV, [87] с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «КНИЖНЫЕ ФОНДЫ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР».

19396/1038

51. Бодяньский О.М. Наськы украиньскы казкы, запорозьця Иська Матырынкы. Москва : Университетск. тип., 1835. XX, 47 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША»

В современном картонном переплете.

ОФ 3403

52. Болгарския народныя песни: собранныя Любенем Каравеловым / изданныя под наблюдением П.А. Лаврова. Москва : Изд. Имп. о-ва истории и древностей Российских при Московском ун-те, 1905. [4], 166 с.

В издательской обложке.

Штамп «ИЗ КНИГ АКАДЕМИКА Ф.Е. КОРША», штамп «С 1/1-61 г. цена — р 80 к».

В современном картонном переплете.

ОФ8469

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Богданов А.И.* Федор Евгеньевич Корш. Ашхабад : Ылым, 1982. 126 с.
2. *Кульматова Т.В.* Автографы на изданиях из академического собрания БАН (академик Ф.Е. Корш: даритель и адресат) // Петерб. библиот. шк. 2017. № 3. С. 33–36.
3. Архив БАН. Ф. 1. Оп. 10. Д. 86.
4. *Баскаков Н.А., Баскаков Ник.А.* Академик Ф.Е. Корш в письмах современников. К истории русской филологической науки. Москва : Наука, 1989. 280 с.

BELYAEV N. Books from the collection of F.E. Korsh in the library of the Pushkin House and the experience of creating a description of the collection of the scientist in the Academy of Sciences Library in the 1920^s

Belyaev Nikolay — Candidate of Pedagogical Sciences, is the senior research assistant at the Academy of Sciences Library, the Head of the Lermontov Study in the Academy of Sciences Department of Russian Literature at The Institute of the Russian Academy of Sciences (the Pushkin House)

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: Belyaev_77@mail.ru

ABSTRACT

The researching of the book collection of the famous philologist academician Fyodor Evgenievich Korsh (1843–1915) is one of the important tasks of Russian book studies. This article examines the publications stored in the fund of the RASL Department of the IRLI RAS, and gives it the full description. The special attention is paid the analysis of the recently discovered «F.E. Korsh Library Inventory», located in the archive of RASL.

Key words: Fyodor Evgenievich Korsh, the Academy of Sciences Library, the Institute of the Russian Academy of Sciences (the Pushkin House), personal libraries, book collections.

УДК 930.85
ББК 83(5Вье)

Е.Ю. Кнорозова

ВЬЕТНАМСКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ В РОССИИ

Кнорозова Екатерина Юрьевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела литератур стран Азии и Африки БАН; доцент РГПУ им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: knorozova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В середине 50-х годов XX в. появляются переводы произведений современной вьетнамской литературы, фольклора, затем вьетнамской классики. Предметом исследования российских ученых стали разные жанры вьетнамской традиционной поэзии: от ранних буддийских стихов до повествовательных и лирических поэм. Вьетнамскую классическую поэзию исследовали Н.И. Никулин, Т.Н. Филимонова, М. Ткачев, И.П. Зимонина, К.Ю. Леонов, Е.Ю. Кнорозова. С рядом произведений можно ознакомиться в русском переводе.

Ключевые слова: классическая поэзия, Вьетнам, литература, сюжет, поэт.

По словам известного российского вьетноведа Н.И. Никулина, в середине 50-х годов XX в. знакомство в нашей стране с вьетнамской литературой фактически начиналось нуля, сначала появляются переводы произведений современной литературы и фольклора и только затем — вьетнамской классики [1, с. 435].

Рассмотрим изучение вьетнамской традиционной поэзии в России. Помимо разделов в монографиях [2, 3], Н.И. Никулин посвятил этой тематике ряд статей, например, «Эволюция вьетнамской классической поэзии и заимствование сюжета» [4]; «Буддийские идеи во вьетнамской поэзии XVIII — первой половине XIX в.» [5]. Он уделил внимание классической поэзии, повествовательным поэмам, таким прославленным поэтам, как император Ле Тхань-тонг (годы правления: 1460–1497), Нгуен Зу (1765–1820), Хо Суан Хыонг (конец XVIII — начало XIX в.).

Вьетнамскую традиционную поэзию исследует ведущий российский вьетноведа Т.Н. Филимонова. Она автор разделов «Вьетнамская литература XII–XVI вв.» во втором томе «Полной академической истории Вьетнама» [6, с. 423–456], «Письменная поэзия» в главе «Вьетнамская литература XVII — начала XX в.» в третьем томе «Полной академической истории Вьетнама» [7, с. 465–487], где много внимания уделяется классической поэзии.

В 1980 г. Т.Н. Филимонова защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Взаимосвязи стихотворного размера и стихотворной речи во вьетнамской народной и литературной поэзии» [8].

Проблемы вьетнамского стихосложения рассматриваются в следующих работах: Никулин Н.И. «О стихе вьетнамских поэм» [9] (текст статьи включен в монографию Н.И. Никулина «Вьетнамская литература. От средних веков к новому времени. X–XIX вв.» [3, с. 192–203]); Фи-

лимонова Т.Н. «О соотношении между слоговым составом вьетнамской лексики и метрической схемой стиха (люкбата)» [10]; Филимонова Т.Н. «Об одной особенности вьетнамской стихотворной речи (на материале люкбатной поэзии)» [11]; Филимонова Т.Н. «Стих в фольклорной и авторской поэзии Вьетнама» [12]; Ян К. «О характере метрической системы вьетнамского стихосложения» [13]; Хыу Дат. «Язык вьетнамской поэзии» (на вьетнамском языке) [14].

Н.И. Никулин отмечает, что «за два с лишним века в России зарождалась и получила развитие сложная, многообразная, научно фундированная традиция перевода на русский язык произведений классической восточной прозы и поэзии. Без этой сферы отечественной культуры невозможно ныне представить себе русскую литературу» [1, с. 11].

Переводы тринадцати поэтов эпохи расцвета вьетнамской лирики вошли в подборку «Вьетнамская поэзия X–XIV веков» [15], сделанную Л.З. Эйдлиным. В 1977 г. опубликована «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии» [16]. М.Н. Ткачев — автор обширной вступительной статьи «Поэзия Дай-вьета» в этом сборнике [17].

В книгу «Поэты Китая и Вьетнама», изданную в 1986 г., вошли следующие переводы вьетнамской классической поэзии: Ван Хань. «Наставление ученику»; Ли Тхыонг Киет. «Горы и реки Южной Страны»; Зыонг Кхонг Ло. «О сокровенном», «Досуг рыбака»; Дай Са. «Каменный конь»; Минь Чи «Ищем отзвука»; Чан Куанг Кхай. «С государем возвращаемся в столицу»; Чан Нян-тонг. «На озере Донгтхиен», «Луна»; Нгуен Чунг Нган. «С посольством в Китай переправляюсь через реку Ло», «Вершина возвращающихся гусей», «Ночью причалил в Цзиньлине», «Думаю о Цзя И», «К случаю», «Храм в пустынном месте весенним днем», «Домой»; Чан Нгуен Дан. «Не засну»; Чан Фу. «Смотрю вверх на пагоду Лиеуниен в Донгшоне»; Ле Кань Туан. «Сочинил на станции Монгли», «В первый день Нового года», «В день Нового года на речной станции»; Нгуен Фи Кхань. «Почтенному Фаму из Донгтхиену», «Пишу на храме Тиензу — храме Прогулок Бессмертных»; Та Тхиен Хуан. «К случаю» [18]. В сборник входит статья Данг Тхай Мая «О поэтах и переводчике» [19].

В 1989 г. опубликован сборник «Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама» [20].

Умение слагать стихи издавна во Вьетнаме, так же, как и в прочих странах дальневосточного культурного ареала, относилось к числу достоинств, было тесно связано с карьерой ученого. Это находило отражение и в прозаической литературе, авторы цитировали стихи, посвящали рассказы поэтам. В ряде средневековых вьетнамских собраний прозы можно выделить такие рассказы. Из произведений, переведенных на русский язык, отметим, например, «Рассказ о беседе стихотворцев в уезде Золотых цветов» из «Пространных записей рассказов об удивительном» (Чуен ки ман лук) Нгуен Зы (XVI в.) [21].

Однако рассказы о стихах и поэтах имеют в этих сочинениях фрагментарный характер, их нельзя объединить в пределах одного сборника в значительные тематические группы. Особое место в истории вьетнамской литературы занимают «Сны Южного старца» (Нам онг монг лук), написанные Хо Нгуен Чынгом (1374–1446) в XV в. Возможно, часть рассказов из этого собрания сходны с китайскими шихуа — «рассуждения-

ми о поэзии», представляющими собой заметки о поэтике, о различных стихах и их авторах¹. В Китае появление жанра шихуа связывают с именем Оуян Сю (1007–1072).

В «Снах Южного старца» рассказы о стихах (их шестнадцать; общее число рассказов в сборнике — тридцать один) тематически подобраны вместе и помещены в конце сборника. В заглавиях двенадцати рассказов присутствует иероглиф «тхи» (кит. ши) — стихи. «Сны Южного старца» являются ценным материалом для исследователей истории и литературы Вьетнама, здесь упоминаются и цитируются отрывки из произведений вьетнамских поэтов, в наши дни оказавшихся утерянными. Так, например, произошло со стихотворным сборником императора Чан Нянь-тонга (годы правления: 1279–1293) «Море разума Будды, преисполненное великим благоуханием» (Дай хьонг хай ан тап). Сочинение не существовало уже к началу XV в., о нем известно только из «Снов Южного старца». В 2009 г. «Сны Южного старца» были переведены на русский язык [22].

В 1996 г. в Москве вышла «Антология традиционной вьетнамской мысли» [23], составители В.В. Зайцев и А.В. Никитин. В нее вошли переводы из ранних памятников вьетнамской словесности, в том числе из «Собрания лучших цветов из сада тхиен» (Тхиен уиен тап ань, XIII в.), в которое включено много стихов, написанных буддийскими монахами.

Знаменитый вьетнамский медик Ле Хьу Чак (1720–1791) — автор обширного медицинского трактата «Суждения об истоках врачевания Хайтхьонга» (Хай тхьонг и тонг там линь). В последний том входят дневниковые записи Ле Хьу Чака «Записки о путешествии в столицу» (Тхьонг кинь ки ши). Ле Хьу Чак был не только талантливым врачом, но и известным поэтом, многие его стихи включены в «Записки о путешествии в столицу». Поэтическое наследие Ле Хьу Чака исследует Н.И. Никулин в статье «Поэт и поэзия в осмыслении вьетнамской литературы и критики XVIII — начала XIX вв.» [24]. В приложении к Выпускной квалификационной работе студентки Восточного факультета СПбГУ К.В. Цхе «Записки о путешествии в столицу» Ле Хьу Чака» (2016) приведен перевод на русский язык значительной части дневниковых записей Ле Хьу Чака, с ним можно ознакомиться в интернете [25].

В книгу «Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии» [26] вошли переводы из литературно-эстетических памятников Вьетнама, отражена литературная мысль страны. Вступительная статья к разделу Вьетнам, переводы и комментарии подготовлены Н.И. Никулиным [27]. Представлены отрывки из следующих произведений: Ле Тхань-тонг. Предисловие к «Девяти напевам собрания алмазов» (XV в.); Хоанг Дык Лонг. Предисловие к «Своду превосходных стихотворных извлечений» (XV в.); Нгуен Зы. «Беседа в Кимхоа о поэзии» (XVI в.); Нгуен Бинь Кхием. Предисловие к «Сборнику стихов из “Приюта Белого Облака”» (XVI в.); Фунг Кхак Кхоан. Предисловие к «Сборнику стихов, выражающих устремленность» (XVI–XVII вв.); Нгуен Кы Чинь. Предисловие к стихотворению «Отвечаю губернатору края Хатиен князю Тонг Ды-

¹ Отметим, что в Японии существовал жанр «ута-моногатари». Произведения этого типа состояли из законченных периодов, каждый из которых делился на две части — прозаическую и стихотворную. Сначала рассказывалось при каких обстоятельствах была сложена та или иная танка, а затем приводилось само стихотворение.

ку» (XVIII в.); Нго Тхе Лан. «Предисловие к “Сборнику стихов о ветре и бамбуке”» (XVIII в.); Ле Хыу Киеу. Предисловие к сборнику «Не вполне удачное» (XVIII в.); Нгуен Куинь. Предисловие к сборнику стихов «Западное озеро дарит вдохновение» (XVIII в.); Нгуен Ан. Предисловие к «Сборнику стихов Донг За» (XVIII–XIX вв.); Нгуен Зу. Предисловие к стихотворению «Лютнистка из Города дракона» (XVIII–XIX вв.).

Значительный интерес представляет статья К.Ю. Леонова «“Красные скалы” Су Дунно и “Осеннее плавание” Чан Нгуен Дана. Опыт сопоставления» [28]. Творчество Чан Нгуен Дана (1320–1390) рассматривает также Е.Ю. Кнорозова в статье «Вьетнамский поэт Чан Нгуен Дан и китайская культурная традиция» [29]. Е.Ю. Кнорозова — автор статей «Покровитель книгопечатания Лыонг Ньы Хок и ранняя вьетнамская антология “Тщательно отобранные старинные и современные поэты” (XV век)» [30] и «“Сборник стихов вьетского звучания” (Вьет ам тхи тап) Фан Фу Тиена — одна из первых вьетнамских поэтических антологий (XV в.)» [31].

Ряд статей вьетнамских ученых опубликован в России на русском языке, например:

Данг Тхай Май. «Идеи и образы вьетнамской поэзии XI–XIV в.» [32]; Нгуен Данг На. «Стихотворение-цы “Выонг Ланг Куи”»: Текст и его расшифровка» [33]; Нгуен Тай Кан. «Лексика и поэтика вьетнамской поэзии на китайском языке в XIV веке (На примере сборника стихов Нгуен Чунг Нгана “Терраса прямодушия”)» [34]. Нгуен Данг На в статье «Новые материалы по вьетнамской литературе эпохи Чан» рассматривает ранее неизвестные материалы по вьетнамской литературе, обнаруженные в китайских собраниях, в том числе поэтические произведения династии Чан [35].

Говоря о поэзии раннего периода (эпохи Ли-Чан, XI–XIV вв.), написанной на ханване, Н.И. Никулин отмечает, что наряду с переводами профессиональных поэтов, работавших по подстрочникам (Арк. Штейнберга, А. Ревича), следует особо отметить успешные опыты известного китаиста и поэта-переводчика Л.З. Эйдлина [36, с. 435].

Работ, посвященных крупнейшему вьетнамскому поэту, видному государственному деятелю Нгуен Чаю (1380–1442) на русском языке не очень много. В 1989 г. О.В. Рыбина защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Нгуен Чай как идеолог вьетнамского феодального централизованного государства» [37]. В 1979 г. в «Восточном альманахе» была опубликована подборка стихотворений Нгуен Чая «Из книги “Собрание стихов на родном языке”» [38]; вступительная статья написана М.Н. Ткачевым [39]. Единственная монография на русском языке, посвященная Нгуен Чаю, издана в Ханое 1980 г. [40], она небольшого объема. В ряде Выпускных квалификационных работ студентов Восточного факультета СПбГУ рассматриваются неизученные российскими учеными проблемы. Это, например, исследование Н. Бадмаевой, посвященное жизни и творчеству Нгуен Чая. Н. Бадмаева изучает стихи Нгуен Чая на ханване.

Литературное наследие императора Ле Тхань-тонга рассматривают Н.И. Никулин в статье «Вьетнамский поэт-император Ле Тхань Тонг и “Три учения”» [41] и Е.Ю. Кнорозова в статьях «Китайские традицион-

ные энциклопедии и вьетнамский свод “Записи о Небесном Юге, сделанные в часы досуга” [42], «Сочинение на родном языке о десяти видах бесприютных душ-хон” и вьетнамский энциклопедический труд “Записи о Небесном Юге, сделанные в часы досуга” [43].

В 1998 г. Чан Нгуен Вьет защитил диссертацию на тему «Философские взгляды Нгуен Бинь Кхиема (1491–1585)» [44]. Нгуен Бинь Кхием — один из самых известных вьетнамских поэтов XVI в.

Как отмечает Т.Н. Филимонова, «XVII, XVIII и 1-ая половина XIX в. — это период бурного развития и широкого распространения во Вьетнаме поэм, как крупных поэтических форм повествовательного или лирического содержания» [7, с. 465].

Н.И. Никулин — автор статей «Вьетнамская повествовательная поэма XVIII — середины XIX вв. и современный роман» [45] и «Эволюция вьетнамской поэмы и заимствование сюжета» [46].

Поэма неизвестного автора «Стихи об ароматной туфле» полностью переведена на русский язык [16, с. 541–546]. М. Ткачев отмечает, что «составители некоторых антологий относят поэму к эпохе династии Чан (1225–1400); однако, она, вероятно, написана позднее, возможно, в XV–XVI вв. Это первое из дошедших до нас произведений любовной лирики; оно проникнуто в общем-то несвойственным средневековой этике стремлением к свободе человеческих чувств. Оригинал написан на ханване» [16, с. 885]. «Стихи об ароматной туфле» включены в прозаические собрания, например, в анонимное сочинение начала XIX в. «Записки отшельника» (Шон кы тап тхуат), рассказ № 12 [47, с. 354–362].

Роман в стихах «Вновь обретенные гребень и зеркало» Фам Тхая (1777–1813) представлен в кратком переводе, приводятся переводы отрывков из поэмы [16, с. 558–563].

Вершина вьетнамской традиционной литературы — это повествовательная поэма «Киеу», написанная великим вьетнамским поэтом Нгуен Зу. В 1961 г. Н.И. Никулин защитил диссертацию на тему «Творчество Нгуен Зу» [48]. Н.И. Никулин — автор статьи «О стилистических особенностях поэмы Нгуен Зу “Къеу”» [49] и монографии «Великий вьетнамский поэт Нгуен Зу» [50].

В 1989 г. на русском языке, но написанная вьетнамским автором — Чан Ньо Тхином, вышла монография «Творчество великого вьетнамского поэта Нгуен Зу (1765–1820) и конфуцианская концепция личности» [51], представляющая значительный интерес. Частичный перевод поэмы «Киеу» представлен в книге Нгуен Зу «Все живое» [52]. В 1965 г. Л.З. Эйдин опубликовал рецензию на этот перевод [53]. Отрывки из поэмы «Киеу» были опубликованы Н. Соколовской в 1988 г. [54] Предваряет перевод статья Д.В. Деопика и Ву Минь Занга «О романе в стихах Нгуен Зу “Стенания истерзанной души”» [55].

Полностью знаменитая поэма Нгуен Зу была переведена на русский язык в двух вариантах [56, 57]. В обоих изданиях перевод с вьетнамского на русский осуществлен Ву Тхе Кхоем, одним из ведущих специалистов по русскому языку и литературе во Вьетнаме. Нгуен Хью Хоанг — автор предисловия к одному из изданий [58].

Анализируя поэтический перевод В. Попова и перевод свободным стихом Ву Тхе Кхоя, И. Андреева отмечает, «...что ритм оригинала —

эпической поэмы, (по словам Н. Никулина: размеренный, повествовательный, с точно подобранными литературными словами, действительно “научный”, как это отмечали все русские исследователи этого замечательного памятника) во многом не совпадает с ритмом перевода современного российского поэта (с его разностильной лексикой), создает некую ироническую игривость (в отличие от сатирической направленности у автора оригинала), чему способствует точная рифма (в этом переводчик демонстрирует свое мастерство). <...> ...Ву Тхе Кхой изложил его² поэму свободным безрифменным стихом — верлибром. <...> ...свободный стих хорошо передает неторопливое, обстоятельное повествование событийного плана, так как напоминает обычную разговорную речь с особыми выразительными паузами. Он располагает к неторопливому и вдумчивому чтению. А своеобразное чередование при этом длинных и коротких строк позволяет таким образом выразить и эмоциональное переживание, создает определенную психологическую напряженность действия, чувств и переживаний героев. <...> Язык и лексика перевода Ву Тхе Кхой отличается своей точностью в передаче национальных и исторических реалий, сохраняя в то же время, свою яркую поэтическую выразительность. Этот литературный язык нашего времени вполне уместен и адекватен “научному” стилю, как его называют специалисты, самого оригинала. Поэма легко читается и будет с интересом воспринята простым читателем, который получает интересную книгу из исторического прошлого так притягательного сегодня для нас Вьетнама, с его необычными нравами и удивительными природными красотами, о котором он пока еще мало знает и которые так художественно достоверно воссоздаются в переводе Ву Тхе Кхой» [59].

И.В. Бритов, останавливаясь на актуальной для российского вьетнамоведения проблеме перевода названий художественных произведений, отмечает положительный, но редкий пример «общего согласия» российских вьетнамистов в отношении неоднозначного перевода названия произведения. Это случай с поэмой Нгуен Зу «*Đoạn trường Tân Thanh*» («Киеу»). «...Название поэмы в буквальном переводе — “Новые душевраздирающие стенания”. До настоящего времени российские исследователи использовали название “Стенания истерзанной души”, вошедшее в научный оборот (учебники, монографии, словари) и ставшее привычным для средств массовой информации. Именно по этой причине решено оставить прежнее название» [60].

На русский язык переведены отрывки из лирической поэмы (нгэм) Нгуен Зя Тхией (1741–1798) «Плач государевой наложницы» [16, с. 554–556].

В 1962 г. поэт Павел Антокольский в содружестве с вьетнамоведом И.П. Зимониной опубликовал перевод лирической поэмы «Жалобы солдатки» поэтессы Доан Тхи Дьем (1705–1748) [61, с. 7–24]. Перевод сопровождается статьей И. Зимониной, посвященной поэтессе XVIII в. Доан Тхи Дьем «Доан Тхи Дьем и ее поэма “Жалобы солдатки”» [62, с. 21–24]. Как отмечает И. Зимонина, в 1741–1742 г. вьетнамский поэт

² Нгуен Зу.

Данг Чан Кон (ум. в 1745 г.) написал на китайском языке поэму, которая называлась «Жалобы солдатки». Это печальная песня — исповедь молодой женщины, которую война разлучила с мужем. Данг Чан Кон обратился к произведениям тех китайских поэтов, в творчестве которых получила развитие антивоенная тема, тема тягот воинской службы, страданий жен и матерей воинов. Таким блестящим образцом оказались стихи Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюй-и, Ван Чан-лина. Использованы в поэме также темы и сюжеты многих песен Шицзина и Юэфу. Поэма ходила в списках, заучивалась наизусть. Доан Тхи Диём переложила ее на ном, создав поэму, затмившую произведение Данг Чан Кона, и она зажила новой жизнью и заняла видное место в истории вьетнамской литературы [62, с. 22].

По словам Нгуен Данг На, поэма Данг Чан Кона — это расцвет жанра тап ку, который предполагает составление нового поэтического произведения путем творческого использования цитат из классической поэзии. По словам Нгуен Данг На, жанр тап ку изменялся в процессе развития: от включения в подборку оригинальных строк китайских поэтов (Чан Минь-тонг в XIV в.) к параллельному использованию как оригинальных китайских стихотворных форм, так и переработок поэтических образов китайской литературы (Данг Чан Кон в первой половине XVIII в.), к вьетнамизации китайских стихотворных материалов через использование вьетнамского разговорного языка (Нгуен Зу в начале XIX в.) или к одновременному составлению подборки поэтических строк и китайских, и вьетнамских авторов (Хо Ши Мин «Тюремный дневник» (Нгун чунг нят ки) в XX в.) [35, с. 258–259].

Поэт П. Антокольский отмечал, что перевод «представлял немалые трудности. Основным материалом мне служил русский дословный подстрочник, сделанный аспирантом института Мировой литературы И.П. Зимониной, и вспомогательным — прозаическое переложение поэмы на французский язык, выполненное моим вьетнамским другом, профессором Ханойского государственного университета тов. Хоан Суан Ни и опубликованное в Париже в 1943 г. <...> Многие собственные (исторические и мифологические) имена и географические названия также опущены мною, иначе они потребовали бы пространных комментариев позади текста. В некоторых случаях такой комментарий введен внутрь стихотворного текста, но в крайне ограниченном объеме — опять же в интересах естественной интонации героини и эмоциональной убедительности целого. Таким образом, это перевод не академический. Моя главная и единственная задача заключалась в том, чтобы замечательная вьетнамская поэма стала явлением русской поэзии, чтобы до читателя дошла ее внутренняя сущность, ее реальная правда» [63, с. 19–20].

В 2008 г. вышла «Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика» [64]. По словам Н.И. Никулина, «эта книга, по-видимому, первая в отечественной науке целиком посвящена широкому комплексу проблем перевода восточной классической прозы и поэзии на русский язык. Исследования, публикуемые в ней, основываются как на результатах творчества отечественных переводчиков, так и на восточных оригиналах — исходном материале их работы» [1, с. 5]. В сбор-

ник входит статья Н.И. Никулина «Русский перевод стихов вьетнамской поэтессы XVIII — начала XIX в. Хо Суан Хьонг» [36]. Автор отмечает, что «особенность стиля Хо Суан Хьонг, представляющая сложность для переводчика, состоит в наличии в ее стихах двух смыслов (прямого и скрытого), кроме того, в них встречаются просторечные выражения и даже ругательства, часто замаскированные. Говоря о каком-нибудь предмете или пейзаже, она всегда умеет вызвать в сознании читателя еще и иной, эротический образ. В статье исследуются пути преодоления этих трудностей перевода в процессе совместной работы вьетнамиста Н.И. Никулина и поэта-переводчика Г.М. Ярославцева, китаиста по образованию» [1, с. 10].

Переводы стихов Хо Суан Хьонг были опубликованы в 1968 г. [65]. В личном архиве Н.И. Никулина «...сохранились письма, свидетельствующие о том, как тепло и заинтересованно приветствовали коллеги-востоковеды появление этой книги. Она оказалась совершенно необычным явлением, подлинным прорывом в восприятии вьетнамской классики в России... Но дороже всего были отзывы ближайших и выскательных коллег, которые при случае могли по-свойски высказаться прямо и вполне нелицеприятно. Вьетнамовед и лингвист И.С. Быстров (1925–2004) писал мне 10 июля 1968 г.: “...книга мне очень понравилась. Далеко не о всех вьетнамских (равно как и китайских, корейских, индийских и пр.) переводах можно сказать, что они читаются с удовольствием, и гораздо чаще оказывается, что красноречивые заверения комментаторов и редакторов о необычайных достоинствах, глубине мысли и проникновенности предлагаемых произведений вступают в различные противоречия с содержанием, либо наглухо завернутым в непробиваемую броню традиционной национальной формы, либо просто примитивным. Здесь же закрываешь книгу с явным удовлетворением, а не с досадой простака, которого одурачили ловкие балаганные зазывалы”» [36, с. 438].

Игорь Сергеевич Быстров, филолог-вьетнамист, преподавал на Восточном факультете ЛГУ-СПбГУ. Сферой его интересов была лингвистика, он также занимался художественным переводом.

Переводы некоторых стихотворений Нгуен Кон Чы (1778–1858), Као Ба Куата (1809–1855), Нгуен Динь Тиеу (1822–1888), Нгуен Кхюена (1835–1909), Ту Сьонга (1870–1907) были опубликованы в 1973 г. в «Восточном альманахе» [66], вступительная статья написана Н.И. Никулиным [67].

Отдельные аспекты вьетнамской традиционной поэзии исследуются в работах российских авторов, например, в статье Е.Ю. Кнорозовой «К вопросу символики образа луны во вьетнамской традиционной поэзии» [68].

Вьетнамской традиционной поэзии уделено внимание в учебном пособии «Путешествие в мир вьетнамской поэзии и прозы», авторы — Е.В. Сучкова, А.Я. Соколовский [69].

Таким образом, предметом исследования российских ученых стали разные жанры вьетнамской традиционной поэзии: от ранних буддийских стихов до повествовательных и лирических поэм. С рядом произведений можно ознакомиться в русском переводе.

Список источников

1. Никулин Н.И. Введение // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ. Критика. Москва : Вост. лит., 2008. С. 3–11.
2. Никулин Н.И. Вьетнамская литература. Краткий очерк. Москва : Наука, 1971. 344 с.
3. Никулин Н.И. Вьетнамская литература. От средних веков к новому времени. X–XIX вв. Москва : Наука, 1977. 343 с.
4. Никулин Н.И. Эволюция вьетнамской классической поэзии и заимствование сюжета // Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. Москва : Наука, 1977. С. 7–37.
5. Никулин Н.И. Буддийские идеи во вьетнамской поэзии XVIII — первой половине XIX вв. // Буддизм и литература. Москва : ИМЛИ РАН, 2003. С. 293–336.
6. Филимонова Т.Н. Вьетнамская литература XII–XVI вв. // Полная академическая история Вьетнама. Москва : Президиум Российской академии Наук, 2014. Т. 2, ч. III. С. 423–456.
7. Филимонова Т.Н. Письменная поэзия // Полная академическая история Вьетнама. Москва : Президиум Российской академии Наук, 2014. Т. 3, ч. III. С. 465–487.
8. Филимонова Т.Н. Взаимосвязи стихотворного размера и стихотворной речи во вьетнамской народной и литературной поэзии : автореф. дис. к.ф.н. Москва : Изд-во МГУ, 1980. 21 с.
9. Никулин Н.И. О стихе вьетнамских поэм // Проблемы восточного стихосложения. Москва : Наука, 1973. С. 174–182.
10. Филимонова Т.Н. О соотношении между слоговым составом вьетнамской лексики и метрической схемой стиха (люкбата) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1978. № 4. С. 36–42.
11. Филимонова Т.Н. Об одной особенности вьетнамской стихотворной речи (на материале люкбатной поэзии) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 1980. № 3. С. 35–41.
12. Филимонова Т.Н. Стих в фольклорной и авторской поэзии Вьетнама // Традиционное и новое в литературах ЮВА. Москва : Наука, 1982. С. 138–147.
13. Ян К. О характере метрической системы вьетнамского стихосложения // Современная литература зарубежного Востока. Ташкент : Фан, 1976. С. 98–110.
14. Хыу Дат. Язык вьетнамской поэзии. Москва : Ин-т языкознания, 1993. 243 с. На вьетнамском языке.
15. Вьетнамская поэзия X–XIV веков / пер. с вьетн. (ханвана) Л.З. Эйдлина // Иностранная литература. 1976. № 9. С. 192–203.
16. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. Москва : Худ. лит., 1977. 926 с. Подстрочные переводы М. Ткачева, И. Зисман, А. Карапетянца, Тань Ао-шун.
17. Ткачев М.Н. Поэзия Дай-вьета // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. Москва : Худ. лит., 1977. С. 485–500.
18. Поэты Китая и Вьетнама / пер., предисл, послесл. Л. Эйдлина. Москва : Наука, 1986. 174 с.
19. Данг Тхай Май. О поэтах и переводчике // Поэты Китая и Вьетнама / пер., предисл, послесл. Л. Эйдлина. Москва : Наука, 1986. С. 135–137.
20. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. Москва : Правда, 1989. 479 с.
21. Нгуен Зы. Пространные записи рассказов об удивительном. Москва : Худ. лит., 1974. 238 с.
22. Кнорозова Е.Ю. Странствия в бесконечном. Вьетнамская традиционная проза малых форм. Санкт-Петербург : БАН : Альфарет, 2009. С. 138–162.
23. Антология традиционной вьетнамской мысли / сост. В.В. Зайцев, А.В. Никитин. Москва : ИФ РАН, 1996. 241 с.
24. Никулин Н.И. Поэт и поэзия в осмыслении вьетнамской литературы и критики XVIII — начала XIX в. // Поэтика средневековых литератур Востока. Москва : Наследие, 1994. С. 269–300.
25. Цхе К. «Записки о путешествии в столицу» Ле Хыу Чака. URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/587d36495f1be77c40d58b98.pdf> (дата обращения: 14.01.23).

26. Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 342 с.
27. Никулин Н.И. Вьетнам // Восточная поэтика: Тексты. Исследования. Комментарии. Москва : Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. С. 290–340.
28. Леонов К.Ю. «Красные скалы» Су Дунно и «Осеннее плавание» Чан Нгуен Дана. Опыт сопоставления // Традиционный Вьетнам. Москва : Памятники исторической мысли, 2008. Вып. 3. С. 187–197.
29. Кнорозова Е.Ю. Вьетнамский поэт Чан Нгуен Дан и китайская культурная традиция // Об-во и гос-во в Китае. Т. XLVIII, ч. 2. Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2018. С. 759–772.
30. Кнорозова Е.Ю. Покровитель книгопечатания Лыонг Ньы Хок и ранняя вьетнамская антология «Тщательно отобранные старинные и современные поэты» (XV век) // Наука и библиотека. Сборник научных трудов. Вып. 1. Санкт-Петербург, 2020. С. 15–20.
31. Кнорозова Е.Ю. «Сборник стихов вьетского звучания» (Вьет ам тхи тап) Фан Фу Тиена — одна из первых вьетнамских поэтических антологий (XV в.) // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 1 (53). С. 62–65.
32. Данг Тхай Май. Идеи и образы вьетнамской поэзии XI–XIV вв. // Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. Москва : Наука, 1982. С. 83–95.
33. Нгуен Данг На. Стихотворение-цы «Вьонг Ланг Куи»: Текст и его расшифровка // Традиционный Вьетнам. Москва : Вьетнамоведческий центр при МГУ, 1996. Вып. 2. С. 230–242.
34. Нгуен Тай Кан. Лексика и поэтика вьетнамской поэзии на китайском языке в XIV веке (На примере сборника стихов Нгуен Чунг Нгана «Терраса прямодушия») // Межлитературные контакты Востока и Запада. Литературы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и духовная жизнь России : сб. статей. Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. С. 86–89.
35. Нгуен Данг На. Новые материалы по вьетнамской литературе эпохи Чан // Традиционный Вьетнам. Вып. 1. Москва : Вьетнамоведческий центр при МГУ, 1993. С. 257–267.
36. Никулин Н.И. Русский перевод стихов вьетнамской поэтессы XVIII — начала XIX в. Хо Суан Хьонг // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. Москва : Вост. лит., 2008. С. 433–446.
37. Рыбина О.В. Нгуен Чай как идеолог вьетнамского феодального централизованного государства : автореф. дис. к.и.н. Ленинград, 1989. 16 с.
38. Нгуен Чай. Из книги «Собрание стихов на родном языке // Восточный альманах. Москва : Худ лит., 1979. Вып. 7. С. 592–600.
39. Ткачев М.Н. Нгуен Чай // Восточный альманах. Москва : Худ лит., 1979. Вып. 7. С. 589–591.
40. Нгуен Чай (1380–1442). К шестисотлетию со дня рождения / Нгуен Кхань Тоан [и др.]. Ханой, 1980. 81 с.
41. Никулин Н.И. Вьетнамский поэт-император Ле Тхань Тонг и «Три учения» // Человек — искусство — общество. Закон целого. К юбилею проф. Ю.Б. Бобырева : сб. ст. Москва : Наука, 2006. С. 203–210.
42. Кнорозова Е.Ю. Китайские традиционные энциклопедии и вьетнамский свод «Записи о Небесном Юге, сделанные в часы досуга» // Россия — Китай: история и культура : сборник статей и докладов участников X международного научно-практической конференции. Казань : Изд-во Академии наук, 2017. С. 258–265.
43. Кнорозова Е.Ю. «Сочинение на родном языке о десяти видах бесприютных душ-хон» и вьетнамский энциклопедический труд «Записи о Небесном Юге, сделанные в часы досуга» // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2020. № 3. С. 70–79.
44. Чан Нгуен Вьет. Философские взгляды Нгуен Бинь Кхиема (1491–1585) : автореф. дис. к. филос. н. Москва : ИФ РАН, 1998. 19 с.
45. Никулин Н.И. Вьетнамская повествовательная поэма XVIII — середины XIX в. и современный роман // Генезис романа в литературе Азии и Африки. Москва : Наука, 1980. С. 214–231.

46. Никулин Н.И. Эволюция вьетнамской поэмы и заимствование сюжета // Тезисы доклада 6 научн. конф. (ЛО ИВАН СССР). Москва, 1974. С. 53.
47. Sơn cư tập thuật [Записки отшельника] // Tổng tập tiểu thuyết chữ Hán Việt Nam. H, NXB thể giáo, 1997. Tr. 354–362.
48. Никулин Н.И. Творчество Нгуен Зу : автореф. дис. к.ф.н. Москва, 1961. 20 с.
49. Никулин Н.И. О стилистических особенностях поэмы Нгуен Зу «Къеу» // Краткие сообщения Института Народов Азии. Москва, 1962. С. 91–102.
50. Никулин Н.И. Великий вьетнамский поэт Нгуен Зу. Москва : Худ. лит., 1965. 119 с.
51. Чан Ньо Тхин. Творчество великого вьетнамского поэта Нгуен Зу (1765–1820) и конфуцианская концепция личности. Москва : Наука, 1989. 109 с.
52. Нгуен Зу. Все живое / пер. А. Штернберга ; предисл. Н. Никулина. Москва : Худ. лит., 1965. 136 с.
53. Эйдлин Л.З. Все живое // Иностранная литература. 1965. № 11. С. 263–264. Рец. на пер. : Нгуен Зу. Все живое. Москва : Худ. лит., 1965. 136 с.
54. Нгуен Зу. Стенания истерзанной души (Ким, Ван, Киеу): Роман в стихах / пер. Н. Соколовской // Восточный альманах. Москва : Худ. лит., 1988. Вып. 16. С. 576–585.
55. Деоник Д.В., Ву Минь Занг. О романе в стихах Нгуен Зу «Стенания истерзанной души» // Восточный альманах. Москва : Худ. лит., 1988. Вып. 16. С. 572–575
56. Нгуен Зу. Киеу. Стенания истерзанной души / пер. с вьет.: Ву Тхе Кхой ; поэтич. пер.: В. Попов. Ханой : Общественные науки, 2015. 341 с.
57. Нгуен Зу. Повесть о Киеу / перевод свободным стихом: Ву Тхе Кхой. Ханой : Тхе зой, 2016.
58. Нгуен Хью Хоанг. Великий вьетнамский поэт Нгуен Зу и его поэма «Киеу» // Нгуен Зу. Киеу. Стенания истерзанной души. Ханой : Общественные науки, 2015. С. 11–34.
59. Андреева И. Повесть о «Киеу» в русских переводах и изданиях // НП «Русская культура» : [сайт]. URL: <http://russculture.ru/2019/02/14/ida-andreeva-povest-o-kieu/> (дата обращения 03.01.2023).
60. Бритов И.В. XX век, кардинально изменивший лицо вьетнамской литературы // Вьетнамские исследования. Серия 2. Москва, 2018. № 2. С. 88–94.
61. Доан Тхи Дьем. Жалобы солдатки // Восточный альманах. Москва : Худ лит., 1962. Вып. 5. С. 7–24.
62. Зимонина И. Доан Тхи Дьем и ее поэма «Жалобы солдатки» // Доан Тхи Дьем. Жалобы солдатки // Восточный альманах. Москва : Худ лит, 1962. Вып. 5. С. 21–24.
63. Антокольский П. От переводчика // Доан Тхи Дьем. Жалобы солдатки // Восточный альманах. Москва : Худ. лит., 1962. Вып. 5. С. 18–20.
64. Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. Москва : Вост. лит., 2008. 447 с.
65. Хо Суан Хыонг. Стихи / пер. с вьет. Г. Ярославцева ; сост., вст. ст., комм. Н.И. Никулина. Москва : Наука, 1968. 125 с.
66. Вьетнамская поэзия XIX в. / вст. ст. Н.И. Никулина ; пер. с вьет. Г. Ярославцева // Восточный альманах. Москва : Худ лит., 1973. Вып. 1. С. 213–236.
67. Никулин Н.И. Вьетнамская поэзия XIX века // Восточный альманах. Москва : Худ. лит, 1973. Вып. 1. С. 209–212.
68. Кнорозова Е.Ю. К вопросу символики образа луны во вьетнамской традиционной поэзии // Об-во и гос-во в Китае. Москва : Ин-т востоковедения РАН, 2020. Вып. 35, т. I, ч. 1. С. 352–367.
69. Сучкова Е.В., Соколовский А.Я. Путешествие в мир вьетнамской поэзии и прозы: Учебно-методический комплекс по вьетнамскому языку. Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та., 2006. 153 с.

KNOROZOVA E. Vietnamese Classical Poetry in Russia

Knorozova Ekaterina — Candidate of Philological Sciences, Research Department of Oriental Languages Publications of the Russian Academy of Sciences Library; Associate Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia Saint-Petersburg, Russia, e-mail: knorozova@yandex.ru

ABSTRACT

In the mid-50s of the 20th century, translations of works of modern Vietnamese literature, folklore, and then Vietnamese classics appeared. The subject of Russian scientists' research is different genres of Vietnamese traditional poetry: from early Buddhist poems to narrative and lyrical poems. The Vietnamese classical poetry was studied by N.I. Nikulin, T.N. Filimonova, M. Tkachev, I.P. Zimonina, K.Yu. Leonov, E.Yu. Knorozova. A number of works can be found in Russian translation.

Key words: classical poetry, Vietnam, literature, plot, poet.

УДК 94(47)
ББК 63.3(1)

П.И. Федотова

**«СЕМО КЪ ВЪСТОКУ ДО ПРЕДЕЛА СИМОВА...»:
к проблеме местожительства летописных варягов**

Федотова Полина Игоревна — кандидат философских наук, независимый исследователь Санкт-Петербурга, Россия, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются существующие в науке взгляды на проблему местообитания летописных варягов. Традиционные представления о варягах как выходцах из Швеции или Вагрии на Южной Балтике не согласуются с сообщениями письменных источников и топонимическим материалом. Все имеющиеся по данному вопросу русские источники согласно помещают родину варягов в юго-восточной Прибалтике, по соседству с поляками и пруссами. Особое внимание в статье уделено фрагменту о местообитании варягов из введения к Начальной летописи. Анализ текста показывает, что автор этого фрагмента находился не в Киеве, а во Владимиро-Суздальской земле, что заставляет видеть в нем добавление поздних владимирских редакторов киевской летописи. В статье также рассматриваются современные попытки решить проблему восточной локализации варягов: в качестве носителей культуры длинных курганов или индоевропейских автохтонов.

Ключевые слова: Варяжский вопрос, Начальная летопись, Южная Балтика, Вагрия, Пруссия, Владимиро-Суздальская земля.

Одной из граней так называемого «варяжского вопроса» является проблема местообитания летописных варягов, этой до сих пор неразгаданной этнической группы. Согласно широко известному летописному рассказу, местные племена Приильменя сначала изгнали варягов «за море», а затем призвали их «из-за моря». Где находилось то «заморье», откуда прибыли варяжские князья? Основными претендентами на «родину варягов» выступают побережья Балтийского моря: у норманистов — северный, шведский берег, у антинорманистов — южный, славянский. Такая дихотомия южных и северных берегов отражает две основные точки зрения на этническую принадлежность варягов: славяне или скандинавы.

За триста лет полемики российская историография оказалась бессильной разрешить эту проблему: позиции участников спора не претерпели существенных изменений. Тупиковость научной ситуации во многом обусловлена тем, что в стремлении доказать свою правоту обе стороны нередко прибегают к весьма ненаучным приемам: подтасовке исторического материала, искажению чужих взглядов и даже текстов самих источников. Естественно, прибегая к натяжкам и фальсификациям, научную проблему решить нельзя.

Особенно значительным искажениям со стороны как норманистов, так и антинорманистов подвергается позиция по варяжскому вопросу М.В. Ломоносова. Современные антинорманисты выставляют Ломоносова в качестве своего предтечи, который первым в отечественной науке обосновал взгляд на варягов как выходцев из славянских областей Юж-

ной Балтики. Норманисты обвиняют русского академика в произвольности построений, не подкрепленных ничем, кроме авторитета официальной историографии. Отрицание Ломоносовым шведского происхождения варягов они приписывают патриотическим увлечениям русского ученого, который больше заботился о престиже страны, нежели о научной истине. В действительности обе точки зрения на взгляды М.В. Ломоносова по варяжскому вопросу далеки от реальности.

Невозможно отрицать тот факт, что профессор химии Михайло Ломоносов не был профессиональным историком. Не были таковыми и его оппоненты: богослов и филолог-востоковед З. Байер, не имевший высшего образования Г. Миллер и протестантский богослов А. Шлецер. На работах по древнерусской истории всех тогдашних петербургских академиков лежит печать дилетантизма. Как все компиляторы, они целиком зависели от чужих мнений и не выходили за круг идей, высказанных предшественниками. Но если академики-немцы ориентировались главным образом на шведскую историографию с ее идеей варягов-шведов, то приоритетом для Ломоносова служили сочинения польских и немецких историков. Однако предшествующая европейская традиция не была единодушна в оценке происхождения варягов, что наложило отпечаток и на взгляды Ломоносова. Выработать непротиворечивую и последовательную позицию по варяжскому вопросу он так и не сумел.

По его мнению, «неправедно рассуждает, кто варяжское имя приписывает одному народу. Многие сильные доказательства уверяют, что они от разных племен и языков состояли и только одним соединились — обыкновенным тогда по морям разбоям» [19, с. 203]. Правда, самих «сильных доказательств» в пользу мнения о варягах как разноплеменных морских разбойниках он не приводит. Когда же ученый переходит к вопросу о призванных на Русь варягах-россах, его мнение радикально и необъяснимо меняется. Из разношерстных морских пиратов варяги-россы превращаются в особый народ, одноплеменный с пруссами и говорящий на языке, родственном прусскому, литовскому, жмудскому и курляндскому. Согласно Ломоносову, варяго-россы и пруссы «оказываются единым народом», так как «с древними пруссами произошли от одного поколения». При этом и пруссы, и варяго-россы, «оба славенского племени и язык их славенский же», только несколько видоизменившийся из-за смешения с другими. Со ссылкой на прусского историка XVII — начала XVIII в. Матвея Претория и немецкого хрониста XII в. Гельмольда Ломоносов утверждает, что литовский язык, как и прусский, является отраслью славянского языка, так же, как и «летский» (латышский), который произошел от славянского [19, с. 205–208]. Вот, собственно, и все, что Ломоносов смог сказать по поводу происхождения и места жительства варягов.

Как видим, позиция путаная. С одной стороны, варяги — не народ, а разноплеменное скопище морских пиратов. Точнее, это общий термин для обозначения любых пиратов на Балтике. С другой — отдельная этническая группа из Пруссии, родственная пруссам и говорившая на том же языке. По современной номенклатуре, Ломоносов причислял варягов к балтам и считал их выходцами из юго-восточной Прибалтики. Но поскольку самих балтов (прусов, литовцев и латышей) он относил

к славянам, то и варяги у него оказывались прибалтийскими славянами. Вряд ли можно признать эти рассуждения безупречными, поскольку они построены на серии ошибочных отождествлений: варягов с русью, фантомных «варяго-россов» с пруссами, а пруссов — со славянами. Однако чего у Ломоносова нет — это выведения варягов из Вагрии и отождествления их с варинами или славянами-ободритами с юго-западных берегов Балтики. Таким образом, Ломоносов-историк не был сторонником идеи С. Герберштейна о варягах как славяно-вандалских выходцах из Вагрии, нигде на него не ссылался и вообще не упоминал его работы. Поэтому в нем невозможно усмотреть родоначальника современного российского антинорманизма, начало которому положила гипотеза Герберштейна, а не взгляды на варяжский вопрос Ломоносова. «Балтскую версию» Ломоносова подхватил Н.И. Костомаров, чье мнение о варягах как западных литовцах (жемайтах из Литвы) современные антинорманисты отвергают как бесосновательное.

Выясняя, откуда Ломоносов мог почерпнуть идею прусского происхождения варягов, современный норманист Д.Н. Верхотуров почему-то полагает, что ее источником послужила книга о России шведского дипломата Петра Петрея, которая начиналась с обсуждения разных версий происхождения варягов: «Скорее всего, именно оттуда Ломоносов и взял эту точку зрения» [3, с. 80]. Видимо, исследователь поверхностно ознакомился с сочинением Ломоносова о древней Российской истории. В данном случае тот прямо указывал свои источники, ссылаясь на польского историка Мартина Кромера и сочувственно цитируя мнение немецкого историка из Пруссии М. Претория о варягах: «Конечно, они не из Дании или из Швеции были приняты... но призваны из соседей: думаю, из Пруссии и с ними сообщенных народов» [19, с. 205, 216]. Не соответствует истине и предположение Верхотурова, что еще одним источником прусской версии Ломоносова послужила легенда о происхождении московских царей от Пруса — мифического брата римского императора Августа. В отношении «августинской легенды» Ломоносов занимал скептическую позицию: «вероятности отрещись не могу; достоверности — не вижу» [19, с. 216]. При этом Верхотуров убежден, что русская историографическая традиция не содержит указаний на местожительство варягов в Литве и Пруссии: «из летописи ее нельзя вывести, поскольку она не дает повода так считать». Однако это убеждение абсолютно ложно. Именно русские письменные памятники (включая Начальную летопись) дают повод считать местом обитания варягов Юго-Восточную Прибалтику.

Прежде всего, это известный рассказ «Повести временных лет» о пути «из варяг в греки», где прямо сказано, что «в болгары» и «хвалисы» (на Каспий) можно попасть по Волге, а вот путь «варяги» идет по Двине, вытекающей из того же леса, что Волга и Днепр: «Из того же леса потече Волга на вѣстокъ и вѣтечетъ семьюдесять жерель в море Хвалисьское. Темже и из Руси можеть ити в Болгары и въ Хвалисы наста вѣстокъ дойти в жребии Симовъ, а по Двине в Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима до племени Хамова» [18, стб. 7; 12, стб. 6]. Западная Двина, как известно, впадает в Рижский залив Балтийского моря и протекает по территории Беларуси и Восточной Прибалтики. Следовательно, путь в варяги

по Двине — это путь прежде всего в Восточную Прибалтику. Следует особо отметить, что летописец, говоря о пути в «варяги» по Двине, ни словом не упомянул ни Скандинавию, ни «Доню» (Данию), ни Свейское королевство как маршрут следования в «варяги».

В том же недатированном введении к Начальной летописи содержится широко известный летописный пассаж о местообитании варягов, который уже совершенно недвусмысленно помещает варягов по соседству с поляками и пруссами: «Ляхове же и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю седять варязи семо ко въстоку до предела Симова. По тому же морю седять кь западу до земле Агнянски и до Волошьски» [18, стб. 4; 12, стб. 4].

В Ермолаевском списке Ипатьевской летописи (нач. XVI в.) «поморие Варязское» указано по соседству с нынешним польским Гданьском. Упомянув под 1304 г. о жене польского князя Премышлява (Пшемисла II) Лукерье, летописец уточняет, что она «бо бе рода князей сербских, с Кашуб, от помория варязского от Старога града за Кгданском» [12, Приложения, с. 81]. Еще более определенно размещает «варяжские грады» в районе современного польского Поморья один из русских хронографов конца XVII в. (1679 г.). При изложении августианской легенды в нем говорится: «Бысть же у него некий ближний сродник именем Прус, ему же даст кесарь Август грады Лецкие по Висле, Марбурк и Турун и Хвойница, и Варяжские грады Поморские, и прославный Гданеск, и ины многие грады по реке Немон впадшую в море» [8, с. 116]. Обращает внимание, что в числе городов, доставшихся варягу Рюрику от его мифического предка, указаны не только «варяжские», но и «многие грады» по реке Неман, протекающей по территории Литвы. Это вполне определенно очерчивает регион варяжской дислокации: польское Поморье (бывшая Восточная Пруссия) и приморская часть Литвы в нижнем течении Немана.

Есть еще одно летописное свидетельство о проживании варягов именно в Литве или в непосредственной близости от нее. В Никоновской летописи (сер. XVI в.) в рассказе о Куликовской битве (1380 г.) говорится о том, что в войске литовского князя, идущего на помощь Мамаю, была литва, жмудь и варяги: литовский князь «совокупилъ Литвы много, и Варягъ, и Жемоги, и прочаа и поиде на помощь кь Мамаю царю» [20, с. 55]. Эта фраза о варягах в составе войска Ягайло читается не только в летописной, но и в Основной («киприановской») редакции Сказания о Мамаевом побоище, созданной в начале XV в.

Таким образом, на протяжении 500-летней (с XIII по XVII в. включительно) летописно-хронографической традиции везде, где русские источники вообще затрагивают вопрос о местообитании варягов, они однозначно (и без какого-либо разногласия) указывают на Восточную, или еще определеннее — на Юго-Восточную Прибалтику как место жительства варягов. Поэтому заявления историков, будто бы русская историографическая традиция никогда не помещала родину варягов в Литве или Пруссии, не соответствуют действительности.

При этом главным источником сведений о местообитании варягов для историков до сих пор служит уже цитированный отрывок из этногеографического введения к Начальной летописи. Парадоксально, но

каждая из противоборствующих сторон видит в нем подтверждение своей точки зрения. Так, известный антинорманист XIX в. Юрий Венелин (Георгий Гуца) приводил его в качестве неоспоримого доказательства славянского происхождения варягов. Ссылаясь на текст Лаврентьевской летописи, он передавал этот отрывок следующим образом: «Ляхове же, и пруси, чюдь приседят к морю Варяжскому. По сему же морю седят варязи семо ко вѣстоку до предела Симова. По тому же морю, к западу, седят варязи до земле Агнянски и до Волошьски». Венелин полагал, что это указание русских летописей «так ясно, что даже смешно и совестно пояснять его». И все же Венелин пояснял: согласно Нестору, «ляхи и пруссы отделяли русский народ от варягов», так как варяги жили к западу от Польши, на славянском Поморье. «Нестор, дошедши до Вислы, так и машет рукой на Померанию, говоря: по тому же морю к западу». Отсюда Венелин заключал, что Нестор и его современники называли «варягами померанских славян» [2, с. 27]. В действительности вопрос не столь ясен, как казалось Венелину, и данный летописный пассаж нуждается в самом серьезном пояснении.

Во-первых, русские летописцы называли померанских славян отнюдь не варягами, а поморянами и лутичами, которые «от лях». Эта информация содержится в том же этногеографическом введении к Начальной летописи, которое цитирует Венелин. В нем «поморяне» и «лутичи» (лютичи) определенно квалифицированы как славяне-ляхи, а не варяги: «Словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне» («Словене же другие пришли и осели на Висле и прозвались ляхи, а от тех ляхов прозвались поляне, а другие ляхи — лютичи, иные — мазовшане, иные — поморяне») [18, стб. 6].

Во-вторых, Венелин искажил текст цитируемой им летописи. В подлинном тексте Лаврентьевской летописи народ, проживающий к западу от ляхов и пруссов, остается неназванным: «Ляхове же и пруси, чюдь преседять к морю Варяжскому. По сему же морю седять варязи семо ко вѣстоку до предела Симова. По тому же морю седять къ западу до земле Агнянски и до Волошьски» [18, стб. 4]. Аналогичное чтение: «по тому же морю седять къ западу до земли Агаряньски и до Волошьские», — содержится и в тексте Ипатьевской летописи [12, стб. 4]. Таким образом, повторное употребление слова «варязи», «седающих» к западу от ляхов, является произвольным добавлением самого Венелина. В самом тексте летописи отсутствует прямое указание на то племя, которое обитало к западу от ляхов. Нельзя исключить, что там стоял другой этноним (например, те же «лутичи» или «поморяне»), который при редактировании текста в XIV в. был опущен, поскольку эта территория была к тому времени занята другим народом — немцами. Простая осмотрительность или консерватизм традиции не позволили редактору ввести новый термин («немцы»), отвечающий реалиям его времени, и он счел за лучшее просто опустить данные своего источника. Но даже если согласиться с Венелиным и отнести фразу «по тому же морю седять къ западу» к варягам (сочтя отсутствие этого слова за пропуск переписчика), выводы из летописного текста вытекают другие. В таком случае ляхи и прусы отделяли не «русский народ» (о котором

в данном отрывке ничего не говорится) от варягов, а варягов, живших к западу от ляхов, от варягов, живших «по сему же морю» к востоку от них — «до предела Симова». Однако фразу о варягах к востоку от ляхов, пруссов и чуди Венелин «не заметил». А в ней — ключ к пониманию текста.

Если следовать прямому смыслу данной фразы, то варяги жили к востоку от ляхов, пруссов и чуди «по этому же морю, сюда («семо») до предела Симова». Что это за «предел Симов»? Средневековая этногеография под уделом одного из сыновей Ноя Сима понимала Восток вообще, прежде всего мусульманский. Для Руси «предел Симов» начинался на Средней Волге — на границе с мусульманской Волжской Булгарией. Получается, что варяги жили от восточного побережья Балтики (каковым является Финский залив) до границы с Волжской Булгарией!

Кроме того, возникает закономерный вопрос: где находился автор текста, написавший фразу «сюда к востоку до предела Симова»? Им не мог быть киевский летописец, поскольку Киевская земля находилась к югу, а не к востоку от Балтийского моря, и не граничила с «пределом Симовым». От ближайшего очага мусульманского мира на Средней Волге Киевскую землю отделяли Чернигово-Северское, Рязанское и Муромское княжества. С «пределом Симовым» граничила на Волге Владимиро-Суздальская земля. Следовательно, фразу о варягах, живших «сюда к востоку до предела Симова» мог написать только летописец Владимирской, а не Киевской земли. Это обстоятельство сразу меняет всю картину. Известно, что киевская летопись в XIII–XIV вв. неоднократно редактировалась в летописных центрах Северо-Восточной Руси: Ростове, Владимире и Твери. Правда, летописеведы полагают, что киевская летопись просто дописывалась, а ее начальный текст переписывался без изменений. Однако невозможность для киевского летописца разместить Киев к востоку от Варяжского моря и на границе с Волжской Булгарией свидетельствует о том, что фразы о варягах и их расселении вносил не киевский, а ростовский или владимирский летописец. Значит, в Начальной киевской летописи XII в. их не было, это добавления поздних редакторов XIII в. из Северо-Восточной Руси. Так оговорка редактора, невольно выдавшего фразой «сюда к востоку до предела Симова» свое местонахождение, позволяет установить действительное время и место варяжских фрагментов в Начальной летописи. Они были сделаны в XIII в. летописцами Северо-Восточной Руси.

Однако Венелин — не единственный, кто для доказательства своей предвзятой идеи о славянстве варягов прибегал к подтасовке текста подлинника, игнорируя указание на жительство варягов в Северо-Восточной Руси, зато размещая их там, где их присутствие как минимум сомнительно. Аналогичным образом поступали и представители противоположного лагеря. Академическое издание Повести временных лет в переводе Д.С. Лихачева и Б.А. Романова под редакцией В.А. Адриановой-Перетц, а также многочисленные массовые издания летописи в том же переводе дают во всех отношениях превратный перевод этого фрагмента: «Ляхи же и пруссы, чудь сидят близь моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку — до пределов Сима, сидят по тому же

моря и к западу — до земли английской и волошской» [25, с. 206]¹. Перевод этого места, помимо замены «сюда» на «отсюда», включает и другое самовольное добавление переводчиков — союз «и» перед словом «к западу», которого нет в подлиннике. Вставкой этого союза они подчеркивают отнесение этих слов к варягам, в то время как в первоисточнике западные соседи ляхов остаются неназванными. Сомнительным выглядит и перевод Агнянской (в Ипатьевской летописи — Агарянской) земли как «английской». Распространяя пределы варяжской земли до Англии, переводчики сразу превращают варягов в скандинавов, так как только скандинавские земли простирались от Балтики до морских границ с Англией (правда, и Балтику они тем самым простирают вплоть до английских берегов). Но больше всего обращает внимание заведомо неправильный перевод наречия «семо», которое в древнерусском языке означало не «отсюда», а «сюда» [28, с. 56; 29, стб. 145]. Многочисленные случаи его употребления в летописях ясно подтверждают такое словопотребление.

В Новгородской первой летописи старшего извода: «И Якуна яша на Плисе и приведе и семо с братом его Прокопьею...» [21, с. 26]. («И схватили Якуна на Плиссе и привели его *сюда* [в Новгород] с братом его Прокопием».) В Ипатьевской: «Бежащю же Святославу из Новгорода, идущю в Русь к брату и посла Всеволод противу ему и рече: “Брате! Поиде семо!”» [12, стб. 308–309]. («Когда же Святослав бежал из Новгорода и шел в Русь к брату, Всеволод послал навстречу ему и сказал: “Брат! Приходи *сюда!*”».) — Речь идет о Киеве, где княжил брат Святослава Всеволод Ольгович.) В Лаврентьевской: «И слышавше Ростовци негодоваша, рекоша Ярополку: “Ты поеди семо!”» [18, стб. 373]. («И когда услышали, ростовцы негодовали, сказав Ярополку: “Ты поезжай *сюда!*”».) — Услышав о приезде сыновей Юрия Долгорукого, ростовцы, не желавшие видеть у себя Юрьевичей, пригласили на княжеский стол Ярополка Ростиславича.)

Как видим, наречие *семо* везде употребляется в значении «сюда», а не «отсюда». Более того, во всех приведенных случаях замена «сюда» противоположным ему по смыслу «отсюда» привела бы к полному искажению ситуации и смысла текста. Таким искажением и является перевод фразы «семо к востоку до предела Симова» у академика Д.С. Лихачева во всех изданиях ПВЛ на основе академического издания 1950 г. с заменой «сюда» на «отсюда». Чем объяснить столь явную «ошибку» перевода? Тем, что правильный перевод фразы: «по тому же морю живут варяги *сюда* к востоку до предела Симова», — сразу ставит вопрос о местонахождении ее автора. Если понимать текст буквально (к чему призывают все сборники «бережного отношения к источнику»), то автор этих слов находился к востоку от Балтийского моря на границе с «пределом Симовым». Но это явно не Киев и не Киевская земля, которые расположены к югу от Балтики и не граничат с «пределом Симовым». На границе с этим пределом, с мусульманской Волжской Булгарией, а затем Золотой Ордой, находился не Киев, а Владимиро-Суздальское княжество. Его

¹ Такой же перевод сохраняется и в исправленном издании 1996 г.: [26, с. 144]. Из популярных изданий ПВЛ на основе академического см.: [24, с. 125; 23, с. 163].

крайним восточным форпостом был Нижний Новгород, основанный в 1221 г. великим князем владимирским Юрием Всеволодовичем в месте впадения Оки в Волгу. Вниз по течению Волги и начинался «предел Симов». Таким образом, заведомо ложный перевод наречия «семо» был призван скрыть реальное местонахождение автора этого фрагмента, и, тем самым, реальное время и место появления варяжских вставок в составе киевской летописи.

Остается вопрос: соответствует ли исторической реальности указание поздней ростовской или владимирской вставки о местожительстве варягов от Восточной Прибалтики на восток до границ с исламским миром? Да, соответствует. О присутствии варягов в районе польско-прусского поморья свидетельствует топонимика, содержащая этноним варяги: Warengen (Варенген в Самбии, Восточная Пруссия), Waręzyn (Варяжин, под Вильно), Waręgowice (Варяговице, под Гнезно), Waręzyn (Варяжин, повет Бядзин), Waręska Kuźnica (Варяска кузница, повет Бядзин), Warężanka (река Варяжанка, приток Буга), Waręż (Варяж, на Варяжанке) [32, s. 243].

На востоке Финского залива, в невско-ладожском регионе, тоже имеются топонимические следы проживания здесь варягов: известные из новгородских летописей Варяжские улицы в Новгороде и Ладого, Варяжская божница в Новгороде и пять деревень с названием Варягово на территории Приневья. Четыре из них находились непосредственно на берегах Невы в составе Спасо-Городенского погоста Ореховского уезда и одна — Варягово на Кобылицах — к северу от Невы в составе Келтушского погоста того же Ореховского уезда [22, с. 130, 139, 140, 248–249]. Сюда же следует отнести и отмеченные шведами в начале XVII в. к северу от Невы топонимы Waranga i Kobulis (Варягово на Кобылицах), Warengofua (или Warengosua), Varangala By («деревня Варангала») [31, с. 17–19]. Таким образом, присутствие варяжского населения на юго-восточных и восточных берегах Балтики надежно засвидетельствовано топонимическими данными.

Более того, шлейф «варяжской» топонимики, то есть названий, содержащих этноним варяги, тянется дальше на север, в Карелию и район Беломорья. Это известный Варангер-фьорд («Варяжский залив») — пограничный залив между Россией и Норвегией, а также упомянутые в инструкциях 1517 г. русским сборщикам дани в Беломорье топонимы Варяги (Variagi, Wariagi) и Варяжский (Wariagiske) погост [7, с. 129–130, 132–133]²; соседний с фьордом полуостров Варангер («Варяжский»), который по-саамски называется Варьяг Нярк, Varjag Njarga («мыс Варьяг») [4, с. 10]. К варяжским следам также относятся: Варашев камень на самой оконечности Варецкого мыса на восточном берегу Ладожского озера, поселение Варенга и Варенский (Варенгский) погост, существовавшие в период средневековья в русско-норвежском пограничье на севере Карелии [1, с. 4–6], Варяжское озеро в южной части Большого Соловецкого острова (Приморский муниципальный округ Архангельской области), озеро Варягозеро к северо-западу от Соловецких островов (на территории Амбарнского сельского поселения Лоухского района Республики

² Наказные грамоты русским сборщикам дани дошли в датских переводах.

Карелия) и др. Северная локализация варягов подтверждается не только топонимическим гнездом с «варяжскими» названиями в районе Беломорья, но и сообщениями Ипатьевской летописи (под 1148 и 1160 гг.) об обмене подарками между смоленским князем Ростиславом и его союзниками из Киева и Чернигова. Ростислав дарил полученные им «от варяг» произведения арктических широт: шкуры песцов, соболей, белых (полярных) волков, рыбий зуб (моржовую кость)³.

Что касается Ростово-Суздальской земли, то о существовании там крупного варяжского анклава имеются сведения в таком письменном памятнике русского средневековья, как Киево-Печерский патерик. Он открывается рассказом о князе Симоне (Шимоне) Варяжском, бежавшем на Русь во времена киевского князя Ярослава I (в 40-х — начале 50-х гг. XI в.) вместе «со всем домом своим» в три тысячи человек. Согласно Патерику, потомки варяга Шимона обосновались в Ростово-Суздальском княжестве, где занимали должность тысяцких (второе лицо после князя в администрации русских княжеств) и имели собственную усыпальницу в одном из суздальских монастырей [13, с. 412–419, 451–455; 14, с. 7–12]. Впоследствии, уже в московское время, потомки Симона Варяжского известны под именем бояр Вельяминовых, выехавших из Владимира на Москву вместе с князем Даниилом Александровичем — родоначальником династии московских князей [17, с. 284–285]. Таким образом, сведения киевского Патерика о существовании варяжского клана в Ростово-Суздальской земле в XI–XII вв. и известие о выезде бояр Вельяминовых — потомков Симона Варяжского — из Владимира в Москву в конце XIII в. подтверждают летописную запись из этногеографического введения к Начальной летописи о проживании варягов к востоку от Балтийского моря вплоть «до предела Симова».

Итак, если руководствоваться не предвзятыми идеями о славянстве или скандинавстве варягов, а исходить из анализа всего комплекса источников (письменных и топонимических), то вырисовывается картина некоего восточноевропейского этноса, проживавшего анклавами на весьма обширной территории: от юго-восточного побережья Балтики до побережья Белого моря на севере и Волго-Окского междуречья на востоке. Но если варяги — не скандинавы и не славяне, а самостоятельный восточноевропейский этнос, то у него должен быть свой комплекс археологических древностей. Они до сих пор не выделены археологами, поскольку усилия были направлены на поиски скандинавских и славянских следов, что не имеет никакого отношения к варяжской проблеме. Только в последнее время ситуация сдвинулась с мертвой точки, и проблема восточной локализации варягов, ранее старательно обходявшаяся, наконец-то удостоилась внимания исследователей.

Московский историк А.Е. Виноградов, исходя из летописного сообщения о варягах, живущих «к востоку» от ляхов и пруссов «до предела Симова», выдвинул предположение о принадлежности варягам археологической культуры длинных курганов (КДК). Эта культура фиксируется в период V–XI вв. от юго-восточной Прибалтики до Вологодской области. Первоначальное ядро КДК формируется, начиная с середины V века

в Мазурах, Пруссии, Самбии, ряде районов Литвы, то есть именно там, где русские источники позднее помещали «варяжские грады» и «поморие варяжское». В среде российских археологов существуют разноречивые мнения относительно этнической принадлежности этой археологической культуры (как славянской, балтской, финской, мультиэтничной). Виноградов обратил внимание, что «летописная территория варягов, в общем, соответствует ареалу КДК». На этом основании он предположил, что носителями культуры длинных курганов и были летописные варяги. Правда, он наивно полагал, что «составитель этнографического введения отражал ситуацию, когда соседями булгар выступали предшествовавшие суздальцам варяги, еще при Рюрике укрепившиеся, согласно ПВЛ, на востоке Руси вплоть до Мурома». Автор не подозревает, что фрагмент о расселении варягов представляет собой позднюю вставку, в которой речь шла о тех ростово-суздальских варягах, которые, согласно сообщению Патерика, переселились на Русь в середине XI в.

Отождествив варягов с носителями культуры длинных курганов, Виноградов весьма туманно решает вопрос об их этнической принадлежности. Создание КДК он приписывает «мультиэтничной массе переселенцев» из дунайского региона, которая достигла южных берегов и островов Балтики. «Все расселившиеся на огромной территории потомки дунайских мигрантов в русской летописной традиции объединялись в один народ — варяги» [5, с. 8–13]. Данное заключение опровергается тем археологическим фактом, что действительными переселенцами из Подунавья были дунайские славяне, которые на протяжении VIII–X вв. отдельными миграционными волнами проникали на территорию Восточной Европы. Факт массовой славянской миграции из придунайских областей в Восточную Европу вплоть до Заволжья на громадном археологическом материале наглядно продемонстрировал в своей итоговой монографии ведущий российский специалист по славянской археологии В.В. Седов⁴. Однако эти действительные переселенцы из Подунавья никогда не назывались «варягами», а причислялись летописцем к различным славянским племенам.

Проблема поиска археологических древностей варягов усугубляется тем, что подобный ареал распространения — от Юго-Восточной Прибалтики до Волго-Окского междуречья и северного Заволжья — был присущ не только поздней КДК, но и ряду значительно более ранних археологических культур. Самая известная из них — фатьяновская (III–II тыс. до н.э.), принадлежавшая, как показали исследования, первым индоевропейцам на территории Восточной Европы. Археологические открытия последних десятилетий, доказавшие, что начиная с мезолита (VIII тыс. до н.э.) Восточная Европа была заселена не финно-уграми, а палеоевропейцами, а с III тыс. до н.э. — индоевропейскими скотоводами, послужили основанием для гипотезы Л.П. Грот о варягах как ин-

⁴ В главе о восточных славянах В.В. Седов всесторонне обосновал вывод о решающем вкладе дунайских славян в сложение восточнославянского общества и культуры. Начиная с VIII в. н.э. на территории Восточной Европы массово появляются вещи дунайского происхождения: характерные для великоморавских областей дунайские типы украшений, лунничные височные кольца, гончарная керамика дунайского типа, культовые ножи с волнообразными рукоятками. Картография этих находок на восточнославянской территории свидетельствует, что в VIII–X вв. имели место многократные оттоки славянского населения из Дунайского региона. Инфилтрация дунайских славян продолжалась около трех столетий. См.: [27, с. 531–547].

доевропейских (и даже праиндоевропейских) автохтонах Восточной Европы. Эту идею исследовательница развивала в ряде своих электронных и печатных работ [9, 10, 11].

Недостатками гипотезы Л. Грот являются хронологическая неопределенность ее рассуждений о варягах то как «праиндоевропейских» автохтонах, то как «индоевропейском субстрате» Восточной Европы, отсутствие привязки варяжских древностей к определенной археологической культуре и убеждение в славянстве варягов. Исследовательница неоднократно повторяет, что она отождествляет варягов «с южно-балтийскими вариными. Варины — ославяненный индоевропейский субстрат как на Южной Балтии, так и в миграциях по Европе». Но ославяниться этот субстрат мог не ранее VI–VII вв. н.э., когда славяне вышли к южным берегам Балтийского моря. К этому времени индоевропейские народы уже тысячелетия существовали как определенные этнические общности (индо-иранцы, греки, римляне, кельты, германцы, балты, славяне), а не в виде первоначального «индоевропейского субстрата», который, по оценкам специалистов, можно отнести к V–III тыс. до н.э. То есть к середине I тыс. н. э. варины никак не могли быть «ИЕ субстратом» и, если рассматривать их как предшественников славян на Балтике, принадлежали либо к германцам, либо к кельтам, занимавшим до славян южные побережья этого моря. Но главное — тождество варинов и варягов не подтверждено никакими реальными фактами. Основанием для отождествления этих двух групп служит простое созвучие названий. Вслед за А.Г. Кузьминым, Л.П. Грот придает решающее значение тому обстоятельству, что оба этнонима начинаются на *вар-*. Следуя этой логике, в греческих *варварах* тоже следует видеть все тех же варягов.

Несмотря на явные натяжки в концепции Л.П. Грот, сама идея о варягах как восточноевропейских автохтонах (не ИЕ «субстрате», а конкретном ИЕ этносе I тыс. н.э.) требует тщательной проверки. Обилие санскритоязычной топонимики на территории Восточной Европы, особенно на Русском Севере, до сих пор не находит убедительного объяснения. Два санскритоязычных гидронима — Двина западная и Двина северная — отчетливо маркируют ареал обитания одной этнической группы⁵. Да и сам этноним *варяги* убедительнее всего объясняется из санскрита: *varāha* («варьяха») «кабан» [15, стб. 367] или *vāraha* (вараха) «кабаний» [16, с. 577]⁶. Кабан-варьяха был священным животным ариев, олицетворением воинской мощи, отваги и ярости. У другой индоевропейской группы — кельтов — кабан имел статус «царя зверей» и был символом воинской касты. Поэтому наименование воинских отрядов «кабанами», «варьяхами» хорошо укладывается в систему представлений древних индоевропейцев. Малоизвестный факт, но в ряде русских письменных памятников этноним *варяги* присутствует в санскритоязычной форме *варяхи*⁷.

⁵ Название *Двина* происходит от санскритского *dvi* — «два»; в композитах — «двойное, двоякое» [16, с. 294–295]. Таким образом, Двина означает «двойная» или «сдвоенная». Действительно, обе реки имеют одинаковую гидрографическую особенность: их верховья образованы слиянием двух крупных водных потоков.

⁶ При этом слово «варьяха» лингвисты квалифицируют как заимствование в санскрит из какого-то неиндоевропейского языка.

⁷ В Сказании об Андрее в одном из списков Новгородской летописи говорится, что Андрей «слыша, яко близъ есть устье Днепровское и возможно оттуда ийти въ Словяны и Варяги и изъ Варяхъ въ Римъ» [8, с. 53]. Такое же написание присутствует во Владимирском летописце: «Бе путь из Варях в Греки» [6, с. 12].

Те решения «варяжского вопроса», которые предлагают сторонники традиционного норманизма и антинорманизма, представляют собой тиражирование представлений, возникших на донаучной стадии историографии. Варяги — не славяне и не скандинавы; главным очагом их обитания являлись не северные или юго-западные берега Балтики, а Юго-Восточная Прибалтика (район современного польского Поморья, Калининградская область РФ и приморская часть Литвы), где средневековые русские источники согласно помещают ареал обитания варягов. Именно территория бывшей Пруссии была тем «заморьем», откуда приходили варяжские наемники на Русь и в Византию. В отношении проблемы местообитания варягов правы оказались М.В. Ломоносов и Н.И. Костомаров, а не С. Герберштейн или П. Петрей. Однако правильно определить этническую принадлежность этих выходцев из Восточной Прибалтики им не удалось. Вопреки убеждению большинства современных историков, варяжский вопрос все еще не решен. Его окончательное решение — дело будущего.

Список источников

1. Варашев камень на Ладожском озере, с изображением находящейся на ней надписи // ЖМНП. Санкт-Петербург, 1839. Ч. 21, отд. VII. С. 4–6.
2. Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах // Скандинавомания и ее небылицы о русской истории. Сб. статей и монографий. Москва : Русская панорама, 2015. С. 25–81.
3. Верхотуров Д.Н. Три века спора о варягах. Летопись и варяги. Москва : Вече, 2020. 320 с.
4. Виноградов А.Е. Варангер-фьорд и Варанголимен: «гавани варягов» или созвучия? // Вестник МГПУ. Сер. Истор. науки. 2022. № 1 (45). С. 5–18.
5. Виноградов А.Е. Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Истор. науки. 2020. № 1. С. 8–20.
6. Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей. Москва : Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. 30. С. 7–146.
7. Возгрин В.Е., Шаскольский И.П., Шрадер Т.А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дане в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. Т. 26. С. 125–135.
8. Гиляров Ф.А. Предания русской Начальной летописи (по 969 год). Приложения. Москва, 1878. 325 с.
9. Грот Л.П. Варины — варяги — вэринги: судьбы в истории и историографии // Труды Первой международной конференции «Начала Русского мира» 28–30 октября 2010 года. Санкт-Петербург : Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С. 67–88.
10. Грот Л.П. Где жили летописные варяги. URL: [http:// pereformat.ru/2012/05/varyagi/](http://pereformat.ru/2012/05/varyagi/) (дата обращения: 08.05.2023).
11. Грот Л.П. Праиндоевропейские корни населения на севере России // Российская история. 2010. № 3. С. 171–190.
12. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Москва : Языки русской культуры, 1998. Т. 2. 648 с.
13. Киево-Печерский патерик / пер. и комм. Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. XII в. Москва, 1980. С. 412–623.
14. Киево-Печерский патерик / пер. Л.А. Ольшевской // Древнерусские патерики. Москва : Наука, 1999. С. 7–185.
15. Коссович К.А. Санскрито-русский словарь. 3-е изд. Москва : Книгоиздательство «АБВ», 2017. 360 с.

16. *Кочергина В.А.* Санскритско-русский словарь. 2-е изд. Москва : Русский язык, 1987. 944 с.
17. *Кучкин В.А.* Вельяминовы на службе у московских князей в XIV — начале XV вв. // Кулешов А.С. Аксаковы. История разбитых судеб. Москва : Территория, 2009. С. 269–306.
18. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Москва : Языки русской культуры, 1997. Т. 1. 496 с.
19. *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала Российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. В 10 т. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1952. Т. 6. С. 163–286.
20. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. Москва : Языки русской культуры, 2000. Т. 11. 264 с.
21. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Москва : Языки русской культуры, 2000. Т. 3. 720 с.
22. Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. (2-я половина). Москва, 1851. 464 с.
23. Повести Древней Руси. Москва : Эксмо, 2009. 733 с.
24. Повести Древней Руси XI–XII вв. / сост. Н.В. Поньрко. Ленинград : Лениздат, 1983. 574 с.
25. Повесть временных лет. Текст и перевод / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1950. Ч. 1. 404 с.
26. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 668 с.
27. *Седов В.В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 624 с.
28. Словарь русского языка XI — XVII вв. Москва : Наука, 2000. Вып. 24 : Се — Скорый. 254 с.
29. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Москва, 1940. Т. 4 : С — Ящурный. 1500 стб.
30. *Федотова П.И.* Варяжский путь апостола Андрея // Свободная мысль. 2020. № 4. С. 39–62.
31. *Krjukov A.* Vaarakkala ja varjagit // Inkeri (Инкери). Санкт-Петербург, 2010. № 2 (073). С. 17–19.
32. *Rudnicki M.* [Рец.] H. Janichen. Die Wikinger im Weichsel- und Odergebiet // Slavia Occidentalis. Poznan, 1938. Tom 17. S. 223–269.

FEDOTOVA P. «Here to the East to the Sim's limit...»: to the problem of the residence of the chronicled Varangians.

Fedotova Polina — Candidate of Philosophy, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: polinafedotova@yandex.ru

ABSTRACT

The article analyzes the views existing in science on the problem of the habitat of the chronicled Varangians. Traditional ideas about the Varangians as natives of Sweden or Vagria in the Southern Baltic do not agree with the reports of written sources and toponymic material. All available Russian sources on this issue according to place the homeland of the Varangians in the southeastern Baltic States, next to the Poles and Prussians. Special attention is paid in the article to the fragment about the habitat of the Varangians from the introduction to the Initial Chronicle. The analysis of the text shows that the author of this fragment was not in Kiev, but in the Vladimir-Suzdal land, which makes us see in it the addition of the late Vladimir editors of the Kiev chronicle. The article also discusses modern attempts to solve the problem of the eastern localization of the Varangians: as carriers of the culture of long barrows or Indo-European autochthons.

Keywords: The Varangian question, the Initial Chronicle, the Southern Baltic, Vagria, Prussia, Vladimir-Suzdal land.

И.А. Иванов

ПРОБЛЕМА ОТБОРА ИНФОРМАЦИИ В КОНСЕРВАЦИИ-РЕСТАВРАЦИИ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Иванов Иван Александрович — ведущий редактор, Редакционно-издательский отдел
Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: ooogarda@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Материал рассматривает разницу между музейной и коммерческой реставрацией в области реставрационного исследования и методик консервации-реставрации богослужебных предметов (книг и икон). Она возникает из-за различий в подходах к отбору материала, когда музеи изучают только сохранившиеся богослужебные предметы, а коммерческая реставрация — еще и руинированные предметы под утилизацию.

Ключевые слова: методики консервации, методики реставрации, сохранение богослужебных предметов, книги, иконы.

Систематическая ошибка выжившего (англ. survivorship bias) — разновидность систематической ошибки отбора, когда по одной рассматриваемой группе («выжившие») есть много данных, а по другой («погибшие») они практически отсутствуют. В результате исследователи пытаются искать общие черты среди «выживших» и упускают из вида, что не менее важная информация скрывается среди «погибших».

Один из наиболее известных примеров такой ошибки связан со Второй мировой войной. Венгерский математик Абрахам Вальд, в то время являвшийся участником американской Statistical Research Group, анализируя расположение разрушений возвращавшихся на базу бомбардировщиков, заключил, что конструкцию стоит укреплять не в местах с наибольшим количеством повреждений, а в тех, где их практически нет. Отсутствие данных позволило сделать вывод: после повреждений определенных частей самолета он уже не способен «выжить» и продолжить полет, вернувшись на базу.

Храм или домашняя молельня — это первое место, куда попадают богослужебные предметы: иконы и книги. Но их путь там не заканчивается. Происходит это чаще всего в одном из храмов, где ветхие предметы сжигают. Изучая сохранность книг и икон в храмах или соборах, мы должны понимать, что видим только те предметы, повреждения которых не были критичными для их владельцев, что позволило предметам «выжить». То же можно сказать и о коллекциях в музеях — в фонды попали только те книги и иконы, которые уже прошли музейный отбор по сохранности.

Существует прямая зависимость между сохранностью книг и икон и их местом в храме или прихрамовых помещениях. Поэтому, занимаясь исследованиями, мы должны понимать, что состояние предметов будет различаться в зависимости от того, где они хранятся. Конечно, понятия

сохранности «отличная», «хорошая», «удовлетворительная» или «плохая» — субъективные. При этом при выборе между приведением богослужебных предметов «в порядок» и их утилизацией перед лицами, принимающими решение о судьбе образа, встает вопрос о художественной и духовной ценности предмета. Рассматриваемый предмет сравнивается не с другими предметами вообще, а с теми, что уже присутствуют в храме. Поэтому, например, небогатый сельский храм будет дорожить любой краснушкой или кустарным деревенским письмом, печатными книгами XIX века, а богатый городской храм может не придавать значения и скорописным иконам знаменитых центров — Холуя, Мстеры, Палеха — или печатным изданиям XVIII века. С богослужебными книгами аналогичная ситуация: они делятся на те, которые еще можно использовать в богослужении, и те, которые уже нельзя. Если книга ветхая, ее заменяют новой. Складывается ситуация, когда еще сохранившиеся книги конца XIX–XXI вв. участвуют в богослужении, а ветхие книги XVII–XVIII вв. хранятся в неподходящих для них местах — под лавками, на антресолях, в подвале или на чердаке — и ждут своей судьбы под утилизацию. Отдельно при храмах стоит проблема книг, созданных в период гонений советской власти. Это уникальные издания, которые написаны от руки или напечатаны на машинке. При обилии современной богослужебной литературы нынешняя Церковь не считает эти памятники времен гонений ценными. И подобные книги отправляются не в церковный музей (которого может и не быть) или древлехранилище, а на сжигание или медленное разрушение в неподходящих условиях.

Таким образом, и место богослужебного предмета в храме будет различным, в зависимости от того, чем дорожит церковное начальство или человек, который определяет судьбу книги или иконы. В бедном храме, где в иконостасе присутствуют только распечатанные на принтере иконы и недорогое напрестольное Евангелие, любая икона ручного письма будет помещена либо в иконостас, либо рядом с престолом, каждая книга будет цениться. А в храме Троице-Сергиевой лавры, где в иконостасе стоят работы Андрея Рублева, рядом на стенах будут находиться только памятники времен Средних веков или начала Нового времени. Поэтому градация разделения книг и икон по помещениям в зависимости от сохранности, размеров или стиля письма существует при любом храме.

Предметы в отличной и хорошей сохранности размещаются в храме (иконостас, стены, напольные киоты, стеллажи) или прихрамовых помещениях (трапезные, дом притча и так далее), в том числе в ризнице или древлехранилище.

Предметы, требующие небольшого ремонта или консервации, размещаются в бытовых помещениях, ризнице, древлехранилище, реже в храме. Сюда же попадают предметы, которые не так хороши, как размещаемые в иконостасе или в алтаре, не подходят для храма.

Предметы, требующие серьезного ремонта, консервации и реставрации, размещаются в ризнице, древлехранилище (если считаются ценными) [11, с. 233–240], а иногда уже в отдельном помещении (в комнате для хранения вещей, на чердаке, под лавкой, рядом с печкой и в прочих местах, не предназначенных для хранения книг и икон).

Предметы со значительными повреждениями хранятся в ризнице или отдельном помещении. И в таких случаях всегда встает вопрос о ремонте, реставрации, реконструкции или утилизации (сжигании) книги или иконы.

Предметы, предназначенные на утилизацию, обычно хранятся уже или в мастерских, или в подсобных помещениях.

Знакомство с определенными на сжигание иконами и книгами в храмах и монастырях показывает следующую картину:

1) В группе риска находятся иконы и книги, выполненные с использованием дешевых технологий (XIX–XXI вв.), а также вышедшие из богослужебного круга иконы и книги XVII–XVIII вв. Книги этого времени изданы с указанием года выхода на церковнославянском (который служащие храма могут не знать), считаются просто дореволюционными и заменяются современной литературой. А покрывной лак с годами на иконах темнеет, становится не видно изображения и ценность иконы для богослужения резко падает — без ясного лика и подписи икона теряет свою религиозную ценность.

2) Иконы и книги с большим объемом утрат. Для книг это будут утраченные листы блока, выпавшие тетради, сильно поврежденные листы с утратами, утрата частей переплетных крышек, корешка и разрушенная конструкция переплета и сшивки блока. Для икон — утрата грунта («руины»), красочного слоя, личного письма. Решение об утилизации или небрежном хранении таких предметов («им уже ничего не поможет») не имеет под собой оснований, так как предметы с большим количеством утрат не теряют художественных и духовных свойств. Их оценка должна проводиться в соответствии не с утилитарным использованием, а культурной и исторической ценностью.

Хрестоматийный пример — Спас Вседержитель из Звенигородского чина, находящийся сегодня в Государственной Третьяковской галерее. Он представляет из себя отреставрированную руину [4, с. 98]. Найденный экспедицией образ не хранился как святыня в храме, а находился в одном из подсобных помещений¹, не предназначенных для хранения икон [5, с. 64; 4, с. 98]. Это же касается и книг: часть национальный святынь сохранилась только потому, что их выкупили в XIX веке напрямую перед утилизацией [10, с. 15].

Пример из собственной практики. Обследуя один из храмов Псковской области, я попросил показать книги, уже не используемые в богослужении. Открыв небольшой шкафчик, стоящий на полу, я нашел полный комплект из 12 томов Минеи времен совместного правления Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича (1689 год). Блоки были перешиты в XIX веке, поэтому все листы книг сохранились. Переплеты с тиснением золотом и мрамориванием кожи — в неудовлетворительном состоянии. Что делать с такими книгами в храме никто не понимает. Они не используются в богослужении, а консервация-реставрация каждого тома обойдется в 200 000 — 300 000 рублей за книгу. При бюджете храма на год в 0 рублей (содержится стараниями общины).

Поэтому одна из мер сохранения предметов — определять их ценность не для храма, не по состоянию сохранности или времени созда-

¹ По одной из версий — хранился в сарае.

ния, а по возможности консервации, реставрации, воссоздания или реконструкции книги или образа. И каждый случай надо рассматривать индивидуально.

Несомненной помощью в сохранности предметов в храмах будут рекомендации художника-реставратора о сохранении, консервации, реставрации имеющихся предметов в храме, в том числе руинизированных. При осмотре предметов всегда необходимо спрашивать, есть ли еще другие предметы богослужения, даже уже не использующиеся. Подчас реставратор — единственный специалист, который может оценить состояние и ценность предметов в храме. Поэтому чем полнее будет экспертиза или атрибуция увиденного, тем лучше.

Проблема формирования методик консервации и реставрации — для каких предметов они созданы?

Теперь, зная о систематической ошибке в отборе информации, мы можем попробовать найти систематические ошибки при формировании методик. Поскольку сохранность предметов зависит от места их хранения, логично предположить, что и методики будут зависеть от условий хранения. В самом простом виде методики можно разделить по составу сохранности предметов при хранении.

1) Музейная и библиотечная реставрация. Исторически в музеи и библиотеки попадали лучшие из тех предметов, что были на момент их отбора на месте — в храмах или монастырях. Применив принцип систематической ошибки выжившего, мы поймем, что они формировались всегда из предметов наилучшей сохранности. К тому же музейные и библиотечные условия хранения и реставрации крайне специфичны [6]. Требования для списания предметов там очень жесткие, поэтому музеи хранят почти все, что попало им в фонды, даже археологические остатки. И для этого у них есть необходимые помещения (пусть и меньше, чем хотелось бы) с нужными климатическими условиями. Грубо говоря, часть фондов при нехватке места в основной экспозиции музей и библиотека никогда не разместят в неотопливаемой сторожке. Таким образом, хранение даже остатков может происходить достаточно долго. Все перечисленное создает и специфические условия для формирования методик копирования, консервации, реставрации, воссоздания и реконструкции. Иначе говоря — сейчас музейно-библиотечная реставрация есть отдельный стиль научной реставрации [3, с. 225–236]. На сегодня музейно-библиотечные условия хранения и методики консервации-реставрации — во многом идеальные, не всегда достижимые в церковной жизни предметов. Как минимум в Церкви нет достаточного количества специалистов, умеющих работать по музейным методикам в области масляной [1] и темперной живописи [2], консервации-реставрации книг.

Таким образом, при диагностике сохранности предметов музейные методики оценки и консервации-реставрации не всегда подходят: в музеях вопрос об утилизации предметов стоит не так остро, как в Церкви. Поэтому эксперту или консерватору-реставратору необходимо помнить — оценивая состояние предмета в храме он определяет и перспективы его будущего существования. Либо книга или икона после диагностики начнет свой путь к консервации, либо останется в разрушающих для нее условиях и будет списана или вообще утилизирована. Справедливо и об-

ратное — уже списанные в храм для утилизации предметы могут быть оценены экспертом или консерватором-реставратором как возможные для спасения с последующими необходимыми рекомендациями.

Об этом важно помнить — в отличие от музейной системы судьбу богослужебного предмета в дальнейшем определяет эксперт или консерватор-реставратор, выдавая то или иное заключение о его сохранности.

2) Немузейная реставрация. Сегодня ее часто называют коммерческой. Причина неопределенности наименования — новизна явления. Почти 70 лет консервация и реставрация предметов была монополизирована государством. С крахом СССР эта монополия была утрачена и помимо государственной реставрации появилась еще и коммерческая. А так как государственная реставрация движимых предметов разрабатывалась под потребности музеев и фондов научных учреждений, то со временем понятия «музейная реставрация», «государственная реставрация» и «научная реставрация» стали синонимами. Что совсем не так [7, с. 79–80]. Отличие музейной реставрации от коммерческой состоит в том, что чаще всего музейная реставрация предметов делается под определенные условия хранения, прописанные в соответствующей инструкции [6]². В то время как коммерческая реставрация, базируясь на тех же научных принципах, что и музейная, исходит из того, что предмет может находиться в отличной от музейной среде.

Таким образом, эксперту или консерватору-реставратору необходимо помнить, что при оценке сохранности предметов в храмах он трудится в сфере немузейной консервации-реставрации, то есть спектр применяемых им методик должен быть шире музейных, так как отличаются условия хранения и экспозиции предметов, а также температурно-влажностный режим помещения.

3) Необходимо помнить, что церковный взгляд представляет икону или книгу в первую очередь не как историческую ценность, а как святыню из-за написанного образа или текста. Музейная же реставрация методически исходит из понятий подлинности и исторической достоверности памятника и разделяет предметы соответствующим образом (источники, пособия, исследования). Церковный взгляд на предмет отличается от музейного. Церковь воспринимает в образе или тексте его цельность и следование устоявшимся канонам, понятия подлинности и историчности отходят на второй план. Поэтому и церковное отношение к реставрации отличается от музейного. Из-за этого возникают спорные моменты в оценке дальнейшей судьбы богослужебных предметов, отчего зависят и рекомендуемые методики консервации-реставрации.

Отличия музейных и коммерческих методик консервации-реставрации чаще всего лежат в области утрат на образе или в книге:

1) Что делать с небольшими утратами на образе или странице, части переплета, не влияющими на общую композицию или детали? Например, для икон это частичные утраты красочного слоя или левкаса на местах одежд, фоне, полях или луже. А для книг — частичные утраты листа

² До 2020 года это была «Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР от 17 июля 1985 года», а затем «Единые правила и условия учета музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, и порядка формирования, учета, сохранения и использования Музейного фонда Российской Федерации от 23 июля 2020 года».

(с текстом или без), покрывного материала на переплете. Музейные методики на местах утрат рекомендуют методы заливки одним цветом [9, с. 112–113], пунктирование [2, с. 112], точечное заполнение [1, с. 155–159]. Однако современная практика сотрудничества Церкви и реставрационных мастерских (которая исторически применялась в XIX и XX вв.) дополняется методом тонировок «под автора» для икон [8, с. 209–213] или точно в цвет (для материалов блока и переплета) в границах утрат без нанесения нового красочного слоя на оригинальные части. Тонировки в цвет и тон позволяют сохранить экспозиционный вид богослужебных предметов, что очень важно для Церкви.

2) Для Церкви, как уже говорилось выше, более важна цельность образа, чем его историчность. Поэтому одним из методов по консервации книг и икон может быть замена их копиями или новыми предметами, чтобы последние оставались в действующем храме, а оригиналы были изъяты из богослужебного годового круга и помещены на временное или постоянное хранение в другие климатические условия — в помещении с музейными параметрами хранения.

3) Чаще всего под списание и уничтожения попадают уже руинизированные книги и иконы. Руинизированное состояние для книг — неполнота листов блока, утраты листов и тетрадей, отсутствие частичное или полное оригинального переплета. Руинизированное состояние для икон — остатки письма на иконной доске, когда у образа утрачено личное письмо или большой объем письма, наблюдается частичная сохранность иконной доски. Музейные методики относительно остатков рекомендуют заниматься их консервацией с дальнейшим хранением в фондах. Церковный опыт прошлых веков говорит о том, что практика сохранения остатков, восполнение утрат материалов книг и икон, реконструкция и воссоздание утрат — вполне возможная практика. Безусловно, при оформлении всей необходимой исследовательской и реставрационной документации и показаниях к таким работам. Главное при этой форме реконструкции-воссоздания новых тонировок по утратам — чтобы остатки были законсервированы и новая работа проводилась за границей их сохранности.

Список источников

1. Алешин А.Б. Реставрация станковой масляной живописи: учебное пособие. Москва : Художественная школа, 2013. 224 с.
2. Бобров Ю.Г., Бобров Ф.Ю. Консервация и реставрация станковой темперной живописи. Москва : Художественно-педагогическое издательство, 2008. 128 с. : ил.
3. Бобров Ю.Г. Философия современной консервации-реставрации. Иллюзии и реальность. Москва : Художественная школа, 2017. 288 с. : ил.
4. Бобров Ю.Г. История реставрации древнерусской живописи. Ленинград : Художник РСФСР, 1987. 164 с. : ил.
5. Вздорнов Г.И. Реставрация и наука. Очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. Москва : Индрик, 2006. 412 с. : ил.
6. Единые правила и условия учета музейных предметов и музейных коллекций, включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации, и порядка формирования, учета, сохранения и использования Музейного фонда Российской Федерации от 23 июля 2020 года. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74768877/> (дата обращения: 31.05.2023).

7. Иванов И.А. Научная реставрация: государственная и коммерческая. Сходства и различия // Наука и библиотека: сборник научных трудов. Санкт-Петербург: БАН, 2021. Вып. 3. С. 79–90.

8. Реставрация произведений станковой темперной живописи: учеб. пособие для высших учеб. заведений / Г.С. Клокова, О.В. Демина, И.В. Федорова [и др.]. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: ПСТГУ, 2018. 240 с. : ил.

9. Реставрация станковой темперной живописи: учебник / под ред. В.В. Филатова. Москва: Изобразительное искусство, 1986. 222 с., 2 л. ил.

10. Формозов А.А. Русское общество и охрана памятников культуры. 2-е изд., доп. Москва: Советская Россия, 1990. 112 с.

11. Церковный древлехранитель. Методическое пособие по сохранению памятников церковной старины и искусства. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2017. 216 с.

IVANOV I. The problem of information selection in the conservation and restoration of liturgical objects

Ivanov Ivan — Managing Editor, Editorial and Publishing Department

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: oogarda@yandex.ru

ABSTRACT

The material examines the difference between museum and commercial restoration in the field of pre-restoration research and methods of conservation-restoration of liturgical objects (books and icons). This is due to different methods of information selection, when museums study only preserved liturgical items, and commercial restoration also studies ruined items for disposal.

Key words: conservation techniques, restoration techniques, preservation of liturgical objects, books, icons.

УДК 001.2
ББК 78.37:28.4

С.В. Перекрест

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ МИКРООРГАНИЗМОВ И СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРЫ ПО МИКРОБИОЛОГИИ

Перекрест София Владимировна — кандидат биологических наук, заведующий Отделом научной систематизации литературы

Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: perekrest.sv@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы систематизации современных публикаций по различным направлениям микробиологических исследований. Наряду с кратким изложением истории становления микробиологии как науки, в ней приводится история составления классификационных таблиц по микробиологическим дисциплинам, а также специфика отражения литературы по микробиологии на примере разделов Центрального систематического каталога Библиотеки Российской академии наук (БАН).

Ключевые слова: Библиотечно-библиографическая классификация (ББК), история микробиологии, систематизация научной литературы, Центральный систематический каталог (ЦСК), Библиотека Российской академии наук (БАН).

Вопрос классификации живых организмов представляет собой одну из значимых проблем как для самой биологической науки, так и для систематизации медико-биологической литературы. Со времен Карла Линнея, создавшего первую классификацию живых существ, эта система постоянно обновлялась в соответствии с развитием методов исследования. Менялись ее принципы: от морфологических до молекулярно-генетических, что приводило к пересмотру целых таксонов, в том числе самого высокого порядка. Одним из значительнейших событий, в том числе для представления о системе живых существ, было изобретение микроскопа, что дало возможность для развития целой биологической науки, микробиологии.

Микробиология, в самом широком смысле, — это наука, изучающая микроскопические формы жизни, их биологические характеристики и взаимосвязи с другими организмами, включая возможность их практического использования. Первооткрывателем микромира считается Антони ван Левенгук, нидерландский конструктор микроскопов и естествоиспытатель. Благодаря собственным усовершенствованиям линз микроскопа он смог в 1674 г. впервые описать микроскопических существ в капле воды. В своих письмах к Лондонскому Королевскому обществу А. ван Левенгук называет их «animalculi», или «очень маленькие животные», «зверушки» [1, с. 24].

Дальнейшее изучение микромира сводилось по сути лишь к описанию новых видов. К концу XIX в. царство Protista, введенное Э. Геккелем в 1866 г. [2], было разделено на группы: к высшим были отнесены простейшие, микроскопические грибки и одноклеточные водоросли,

к низшим — бактерии. И лишь к середине XX в. получило признание введенное Шаттоном разделение всех живых организмов по строению ядра на про- и эукариотов, таким образом окончательно отделив бактерий [1, с. 170].

Неудивительно, что, к примеру, в системе, созданной в 1843 г. К.М. Бэром и использовавшейся для классификации книг во II Иностранном отделении БАН, мы не находим разделов, сколько-нибудь ассоциируемых с микробиологией. На тот момент все микроскопические организмы считались животными и их относили в раздел «Черви» [3, с. 17].

К началу XX в. эта классификационная система не могла более удовлетворять потребности систематического каталога БАН, пополнявшегося новой литературой, и возник вопрос о ее пересмотре, в том числе и разделов, посвященных биологическим и медицинским наукам. В предложенном в 1929 г. проекте переработки системы К.М. Бэра можно видеть несколько разделов для систематизации литературы микробиологического содержания: «Планктон», «Фитопланктон» и «Зоопланктон», «Грибы» и «Водоросли», а также «Простейшие». Здесь же мы видим отсылку к «бактериологии» в разделе «XVII Медицина» [4, с. 22], поскольку на данном этапе наука о бактериях интенсивно развивалась как сугубо прикладная отрасль медицины.

Хотя в широком смысле к микробиологии относятся все одноклеточные организмы, микробиология фактически приравнивается к бактериологии, поскольку, как правило, микроскопические грибки и водоросли рассматриваются в рамках ботаники, простейшие составляют тип царства животных и относятся к зоологии, а с интенсивным изучением вирусов в прошлом веке вирусология стала рассматриваться как отдельная дисциплина. Таким образом, самостоятельный раздел «9. Микробиология» в значении «бактериология» впервые появляется в проекте схемы классификации наук для систематического каталога БАН, представленном на Первом Всесоюзном совещании по систематическому каталогу в 1934 г. Здесь он входит в науки «о мире органическом», в отдел «И. Биология» [5, л. 129]. В более поздней версии классификационной таблицы, разработанной Государственной библиотекой им. В.И. Ленина в 1951 г., микробиология наравне с вирусологией представлена следующими разделами: «Д23 Микробиология, включающий 5 рубрик по морфологии, биофизики, биохимии, экологии и распространению микроорганизмов, а также «Д24 Вирусология» [6, с. 22]. Кроме того, появляются прикладные разделы в «Медицине» и «Ветеринарии»: «Д45 Патология. <...> Д455 Медицинская микробиология» [6, с. 26] и «И95 Ветеринарная патология. И955 Ветеринарная микробиология» [6, с. 35].

В 1961 г. был опубликован окончательный вариант классификационных таблиц ББК по биологии для научных библиотек. Их структура практически полностью повторяла общую схему построения проекта 1951 г. В них присутствуют аналогичные разделы «Е4 Микробиология» и «Е3 Вирусология», в которых отмечены те же рубрики, что и для других разделов биологических наук [7], с той лишь разницей, что такие дисциплины, как «морфология» и «физиология», в отличие от многоклеточных организмов, можно отнести к бактериям с некоторыми оговорками. Так, «морфологию бактерий» следует отделять от «цитологии», а «фи-

зиология» фактически переходит в «биохимию». Также весьма условным понятием является и «Цитология вирусов».

Если разделы каталога, посвященные систематике животных и растений, по своей структуре повторяют общую схему таксонов от более крупных к более мелким подразделам [7], и, несмотря на изменения, сохраняют общее построение, то систематика бактерий представляет значительные затруднения, так как «сведения об этих организмах накапливались быстрее, чем о других, и когда наступала пора обобщения, полученные знания оказывались совершенно устаревшими, если не ложными» [8, с. 46]. С другой стороны, своеобразие бактерий заставляло искать новые подходы к их систематике. Если вначале изучением бактерий занимались в основном ботаники, классифицировавшие их по морфологическим признакам, то в дальнейшем стали возникать новые системы классификации, основанные на различных принципах: физиологический, морфо-физиологический, химический, с развитием генетики и молекулярной биологии — молекулярно-филогенетический, и наиболее важный для медицинской отрасли микробиологии — патогенный [8, с. 47]. Следует отметить, что для систематики бактерий наиболее важной единицей считается род, при том, что построение надродовой иерархии затруднено [8, с. 47]. В связи с этим раздел систематического каталога БАН по систематике бактерий организован принципиально иначе, чем аналогичные разделы ботаники и зоологии, указанные в опубликованной в 1961 г. ББК. В 1988 г. были опубликованы исправленные таблицы ББК по биологии, дополненные подробными схемами систематики живых организмов. Раздел систематики бактерий был построен по схеме классификации, предложенной американским бактериологом Д.Х. Берджи, который за основополагающий принцип принял сочетание структурных и функциональных особенностей. Хотя исправленное издание не было полностью принято в ЦСК БАН, раздел «Е42 Частная микробиология» был полностью воспроизведен в разделе «Е49 Систематика микроорганизмов», с незначительно измененными индексами [9, с 154–160].

В этот раздел в то же время остались включены рубрики, собирающие общую литературу по микроскопическим грибам (Е494 Грибы). К примеру, «дрожжи» или «плесневые грибы» — сборные группы, объединяющие представителей различных семейств, которые в отдельности представлены в разделе «ботаники».

Е494.4 Дрожжевые

Е494.6 Лучистые

Е494.7 Плесневые

Как было сказано выше, одним из принципов классификации бактерий является патогенный принцип, более значимый для медицинских разделов («Р264.9 Отдельные патогенные микроорганизмы»), где группы бактерий объединены по вызываемым ими заболеваниями [10, с. 109–112]. Для удобства сюда также относятся разделы других патогенных микроорганизмов: грибков и простейших («Р264.94 Патогенные грибки», «Р264.97 Патогенные простейшие»).

Что касается вирусов, то здесь в разделе «Е39 Классификация вирусов» собираются только общие работы. Сама систематика вирусов,

ввиду особенности их жизненного цикла, отнесена к разделам экологии («Е381.39 Взаимодействие отдельных групп вирусов с организмом хозяина»), где литература группируется согласно их «среде обитания», то есть по типу хозяина: от бактерий до человека [7]. Из-за отсутствия свободноживущих форм вирусов публикации по вирусологии зачастую требуют дублирования в разделы медицины и сельского хозяйства. При этом достаточно сложно отделить прикладные аспекты от исключительно фундаментальных.

Большая часть литературы о вирусах имеет прикладное значение и относится к разделу «Медицинская вирусология», опубликованном в методических рекомендациях 1998 г. [11, с. 13–17]. Отдельные патогенные вирусы и их группы представлены в виде семейств, собранных по рубрикам в зависимости от их генетических систем, что соотносится в упрощенном варианте с классификацией вирусов по Балтимору [12, с. 35–36]. Все семейства вирусов распределены по двум группам: ДНК- и РНК-содержащие вирусы. Также выделены рубрики для клинически значимых групп вирусов — представителей различных семейств, но объединенных общими клиническими признаками. Например, в группе РНК-вирусов есть раздел «Р263.928 Арбовирусы», куда собирается вся литература по вирусам, переносчиками которых являются членистоногие (клещи, комары и т.д.). Аналогично приводятся такие клинически значимые разделы, как «Р263.94 Онкогенные вирусы», «Р263.95 Вирусы эпидемического гепатита» и т.д. Основной акцент в данных работах делается не столько на биологические характеристики вируса, сколько на его патогенные свойства — вирусы рассматриваются в связи с инфекционным процессом и вызываемыми ими заболеваниями. На основе указанных различий осуществляется размежевание рубрик медицинской вирусологии с биологическими подразделами.

Следует отметить, что когда были опубликованы Средние таблицы ББК по медицине и биологии в 2007 и 2018 гг. соответственно, они в сокращенном виде повторяли схему построения разделов классификации вирусов и бактерий полных таблиц [13, с. 162–166; 14, с. 373–375, 379–381].

Таким образом, систематика микроорганизмов имеет свои особенности по сравнению с систематикой многоклеточных организмов, и данные разделы каталога могут различаться по структуре согласно отраслевым требованиям. Кроме того, эти разделы и устаревают наиболее быстро, поскольку систематика сама по себе является быстро развивающейся дисциплиной, что требует постоянного пересмотра разделов и рубрик каталога и определенных допущений при систематизации соответствующей литературы.

Список источников

1. Шлегель Г.Г. История микробиологии : Пер. с нем. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 304 с.
2. Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Berlin, 1866. 2 vols.
3. Бэр К.Э. Система классификации книг II отделения Библиотеки Российской Академии Наук, составленная в 1841 г.: пер. с лат. изд. 1903 г. / АН СССР. Б-ка. Ленинград, 1926. 63 с.

4. Проект пересмотра системы классификации книг Академика К.М. Бэра. [Ленинград, 1929]. 57 л. (Машинопись).
5. Проект схемы классификации наук для систематического каталога Библиотеки Академии Наук // СПБФ АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1934). Д. 10. Л. 127–135.
6. Библиотечная классификация (сокращенный вариант): проект для обсуждения / под ред. О.П. Тесленко. Москва, 1951. 9, 160 с.
7. Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН. Москва, 1961. Вып. 6 : Е Биологические науки. 139 с.
8. *Заварзин Г.А.* Фенотипическая систематика бактерий: Пространство логических возможностей / отв. ред. А.А. Имшенецкий; предисл. П.А. Кожевина. Изд. 2-е, доп. Москва : ЛЕНАНД, 2018. 152 с.
9. Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН. Москва, 1988. Вып. 6 : Е Биологические науки. Доп. и испр. изд. 346 с.
10. Библиотечно-библиографическая классификация: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН. Москва, 1962. Вып. 13 : Р Здравоохранение. Медицинские науки. 381 с.
11. Дополнения и исправления к Библиотечно-библиографической классификации: табл. для науч. б-к / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН. Москва, 1998. Вып. 13 : Р Здравоохранение. Медицинские науки. Инстр.-метод. Рекомендации № 5. 45 с.
12. Вирусология. Методические материалы : Учеб.-метод. пособие для студ. биол. фак. / авт.-сост.: Е.В. Глинская, Е.С. Тучина, С.В. Петров. Саратов, 2013. 84 с.
13. Библиотечно-библиографическая классификация: средние таблицы / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН. Москва : ЛИБЕРЕЯ-БИБИНФОРМ, 2007. Вып. 3 : 4/5 П/Р Сельское и лесное хозяйство. Сельскохозяйственные и лесохозяйственные науки. Здравоохранение. Медицинские науки. 400 с.
14. Библиотечно-библиографическая классификация: средние таблицы / ГБЛ им. В.И. Ленина, ГПБ им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, БАН. Москва : Пашков дом, 2018. Вып. 7 : 2 Б/Е Естественные науки. 830 с.

PEREKREST S. Issues of microorganisms' classification and systematization of microbiological literature

Perekrest Sofia — PhD in Biology, the head of the Department of literature scientific systematization

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: perekrest.sv@gmail.com

ABSTRACT

The article discusses the issues of systematization of modern publications in various areas of microbiological research. Along with a brief summary of the history of microbiology formation as a science, it provides the history of compiling classification tables for microbiological disciplines, as well as the specifics of reflecting microbiology literature using the sections of the Central Systematic Catalog of the Russian Academy of Sciences Library (RASL) as an example.

Keywords: the Library bibliographic classification (LBC), history of microbiology, systematization of scientific literature, the Central Systematic Catalog (CSC), the Russian Academy of Sciences Library (RASL).

Н.С. Андреева

**В.А. ПЛАВИЛЬЩИКОВ И КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ АКАДЕМИИ НАУК:
к вопросу о сотрудничестве (1816–1817 гг.)**

Андреева Наталия Сергеевна — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: iskjul@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Впервые публикуются архивные документы, относящиеся к истории книжной торговли Академии наук в 1816–1817 гг. Это предложение известного издателя и книгопродавца В.А. Плавильщикова 15.12.1816 г. министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну об организации торговли академическими изданиями с его участием, а также ответ 26.01.1817 г. Комитета правления Академии наук на предложение Плавильщикова. Публикацию сопровождают вступительная статья и научный комментарий.

Ключевые слова: Академия наук, книжная торговля, Голицын Александр Николаевич, Плавильщиков Василий Алексеевич, Мейер Вильгельм, Фишер Иван, Академическая книжная лавка.

Представляемые вниманию читателя документы — предложение известного издателя и книгопродавца В.А. Плавильщикова Императорской Академии наук 15.12.1816 г. об организации академической книжной торговли с его участием и заключение 26.01.1817 г. ее Комитета правления на это предложение — были обнаружены мною в ходе научно-исследовательской работы в Российском государственном историческом архиве и публикуются впервые. Эти документы представляют существенный интерес для изучения истории учреждений Академии наук и ее книготорговой деятельности в целом в первой четверти XIX в.

В.А. Плавильщиков 15.12.1816 г. обратился к министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну с предложением, касавшимся организации книжной торговли изданиями Академии наук. В частности, Плавильщиков указывал на убыточность этой торговли, поскольку академические издания, по его словам, плохо продавались, и доходы от их продажи не покрывали сопутствующих расходов.

Для исправления ситуации он предлагал свои услуги по торговле книгами — собственные магазины в Москве и Санкт-Петербурге, в том числе самый, пожалуй, известный из них в Гостином дворе. Взамен Плавильщиков просил, чтобы ему предоставили монопольное право на продажу всех академических изданий, включая календари, карты, портреты и т.д., а также звание комиссионера Академии наук.

Помимо этого он хотел, чтобы объявления об академических изданиях, предназначенных для продажи через его магазины «для живейшаго расхода оных» [3, л. 2], публиковались в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за счет Академии наук, а не за его счет. В качестве компенсации своих расходов, связанных с торговлей академическими издания-

ми, в частности за публикацию объявлений о них в газете «Московские ведомости», за доставку их в Москву, содержание книжных лавок и т.д., Плавильщиков просил 30 % вырученной от продажи этих изданий суммы. По его мнению, для Академии наук подобная сумма была несущественной.

А.Н. Голицын 23.12.1816 г. передал это обращение Плавильщикова на заключение Комитета правления Академии наук. Последний со своей стороны предложений Плавильщикова не поддержал. В рапорте Голицыну 26.01.1817 г. за подписью библиотекаря (т.е. директора Академической библиотеки) академика Ф.И. Шуберта Комитет весьма резко отозвался о высказываниях Плавильщикова относительно книжной торговли, которую вела Академия наук своими изданиями, отметив, что такие «непозволительны частному человеку», никак не связанному с Академией и незнакомому с соответствующей отчетностью ее книжной лавки [3, л. 4].

В целом Комитет посчитал предложения Плавильщикова неприемлемыми, поскольку комиссар Академической книжной лавки В. Мейер (Майер) подчинялся Академии наук и полностью контролировался ею, а с передачей книжной торговли постороннему лицу Академия утрачивала свой контроль за этой торговлей.

Предложения Плавильщикова, по мнению Комитета, были невыгодны для Академии наук и в финансовом отношении. Это, среди прочего, касалось передачи ему продажи календарей, которая ежегодно приносила Академии наук существенную прибыль. Наряду с этим Комитет признал убыточными предоставление Плавильщикову 30 % вырученной от продажи академических изданий суммы в качестве компенсации связанных с нею расходов, а также публикацию объявлений о продаже книг в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за счет Академии наук.

Как отмечал Ф.И. Шуберт в упоминавшемся выше рапорте, Комитет был доволен весьма активной торговлей В. Мейера академическими изданиями, и в особенности тем, что, благодаря его связям со «знатнейшими книгопродавцами в Лейпциге, Париже и других иностранных городах» [3, л. 5], значительно увеличилась их продажа за границей. Кроме того, Мейер выписывал у этих книготорговцев для Академической библиотеки, а также для академиков иностранные издания на немецком, французском и латинском языках «весьма малою ценою». Таким образом, по свидетельству Шуберта, Академии наук не надо было переплачивать за них «вдвое дороже» петербургским книгопродавцам [3, л. 5 об.].

Сам же Мейер, получая иностранную литературу без цензуры, имел возможность следить за политическими и общественными настроениями и событиями в Европе. Генерал от инфантерии Г.И. Филипсон, по своей службе на Кавказе хорошо знавший его сына — врача Николая Васильевича Майера, вероятно со слов последнего, характеризовал В. Мейера как сторонника крайних либеральных убеждений, масона и «деятельного члена» тайных политических обществ [2, с. 178]. Однако сам Н.В. Майер не оставил воспоминаний об отце, поэтому невозможно с полным основанием утверждать насколько свидетельство Филипсона о нем соответствовало действительности, тем более что генерал писал свои мемуары много лет спустя после знакомства с Майером.

Несмотря на столь высокую оценку трудов Мейера со стороны Комитета правления Академии наук, его книготорговая деятельность закончилась для него самого весьма печально, если не сказать трагически. В конце 1820-х гг. он оказался должен Академии наук значительную сумму денег и в результате в начале мая 1827 г. свел счета с жизнью. Его семья была выселена из квартиры при книжной лавке, принадлежавшей Академии наук, и оказалась в сложном положении [1, с. 475–476]. В этой связи, как представляется, вполне правомерен вопрос: так ли был не прав Плавильщиков, считавший книжную торговлю Академии наук убыточной?

В целом публикуемые документы весьма информативны и позволяют уточнить и дополнить существенными подробностями имеющиеся представления о торговле изданиями Академии наук в первой четверти XIX в., о работе Академической книжной лавки и деятельности ее комиссара, а также об иностранном книгообмене в указанный период.

Документы публикуются целиком, без каких-либо изъятий, в орфографии подлинника. Сокращения в тексте раскрываются в квадратных скобках.

№ 1

Предложение В.А. Плавильщикова министру духовных дел и народного просвещения А.Н. Голицыну о книжной торговле Академии наук 15.12.1816 г.

Сиятельному Князь, Милостивый Государь

По занятию моему книжною торговлею и печатанием книг более двадцати лет, мне известно, что Императорская Академия Наук имеет многия книги напечатанные на своем иждивении, которые продаются при самой Академии, и что распродажа оных столь малозначаща, что прибыльная от сей выручки сумма недостаточна к вознаграждению необходимых расходов, как то: содержания квартир, для лавки и Коммисара, отопки и освещения оных и принадлежащей к тому услуги, не говоря уже о потере процентов от нескорого оборота употребленного на напечатание книг капитала, и в иных статьях и самага капитала. Все сие из опытов и самой Академии известно. А как непосредственно сему причиною есть малая продажа книг, которая происходит в отдаленности от Гостинного двора, не регулярное открытие книжной лавки, которая не во всякие часы дня и вечера бывает отперта, и наконец то, что в Москве, где есть центр книжной торговле и на ярманках, совсем нет ни одной из Академических книг в свободной продаже, то есть по ценам не зависящим от произвола книгопродавцов; то я осмеливаюсь донести о сем Вашему Сиятельству представить на благоусмотрение, не благоугодно ли будет принять во уважение нижеследующия меры, кои могут отклонить вышеизображенныя неудобства.

Я имею здесь в С. Петербурге открытой теплой книжной магазин и в Гостинном дворе книжную лавку, а равно и в Москве книжную торговлю. — Ежели благоугодно будет Императорской Академии Наук все находящаяся в ней изданныя ею книги, в том числе разные календары, планы, портреты, словом: все то, что Академиею было издано и

впредь будет издаваемо без исключения препоручить мне для продажи как здесь, так и в Москве, от чего может воспоследовать ощутительная польза Академии Наук; то для сего:

1) Дозволить мне имяноваться как здесь, так и в Москве Коммиссионером Императорской Академии Наук, ибо я уже имею честь носить звание Коммиссионера Императорского Вольного Экономического Общества¹.

2) Предписать кому следует отпускать мне книги без переплета по требованиям моим без остановочно под мои росписки для продажи здесь в моих лавках и в Москве.

3) В Академических ведомостях как Российских, так и Немецких производить по крайней мере обо всех книгах ежели не чаще, то единожды в месяц для живейшаго расхода оных публикацию, без всякой за то со стороны моей платы.

4) Я обязываюсь всякой месяц вносить вырученные деньги в Императорскую Академию Наук, и генеральный отчет, как полученным книгам, так проданным и оставшимся представлять ежегодно.

5) Поелику на содержание лавок и при них людей, за провоз книг в Москву, припечатание в Московских ведомостях о сих книгах публикации и на разные другие по сему предмету расходы, буду я уже употреблять собственные деньги, то во взаиметы* сих издержек определить мне из суммы вырученной за книги по 30 процентов со ста, что в сравнении с вышеизображенными расходами, кои ныне несет Академия, при малой продаже книг весьма будет маловажна, и тогда, как сия уступка распространяется и ныне на некоторых покупателей.

Имею честь быть с глубочайшим высоко почитанием и преданностью Милостивый Государь Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга Василий Плавильщиков² Коммисонер Императорского Экономического Общества.

15. Декабря 1816 года.

Пометы: л. 1 на гербовой бумаге в правом верхнем углу чернилами: «Декабря 17 д[ня] 1816».

Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 12. Д. 152. Л. 1-2 об. Подпись — автограф.

№ 2

Рапорт Комитета правления Академии наук о предложениях В.А. Плавильщикова 26.01.1817 г.

Его Сиятельству, Господину Тайному Советнику, Государственного Совета Члену, Управляющему Министерством Народного Просвещения, Сенатору и кавалеру Князю Александру Николаевичу Голицыну³

Из Комитета Правления Императорской Академии Наук

Рапорт.

В следствие предложения Вашего Сиятельства под № 4160, коим Комитету предписывается на прошение книгопродавца Плавильщикова дать свое мнение, Комитет честь имеет** Вашему Сиятельству следующее. Прошение его заключает в себе примечания и изречения, которые отнюдь

* Так в тексте.

** После «имеет» вставка поверх строки чернилами: «донести».

непозволительно частному человеку, не имеющему ни малейшаго сношения с Академиею; оныя его замечания касаются таких дел, которых никто не может знать, когда не просматривал счетных Академической книжной лавки книг; притом же он в оном выражает Комитету нарекания, каковых оный не заслуживает, и которые Комитет может токмо принимать от той особы, кому над оным управление вверено. А за сим Комитет и полагает, что он повеление Вашего Сиятельства конечно в точности выполнит, если ему не входить в таковое разсмотрение, а оставить свое заключение токмо непосредственно на требованиях Плавильщикова.

1-е Академия издавна еще по регламенту⁴ блаженной памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны⁵ 1747 года, имела собственную книжную лавку, и книжной продажи Комисара, которой состоя в казенной службе получает от Академии жалованье, имеет свое жительство при книжной лавке Академической, и потому польза Академии от сего есть та, что книгопродавец совершенно зависит от Академии и ей подчинен, все свои дела по должности его отправляет под надзором Комитета и оным считаем быть может ежедневно, что при вольном книгопродавце производимо быть не может, поелику Члены Комитета ежедневно книжную лавку посещают, и чрез то уверились, что она во весь день для публики открыта, исключая вечера, из опасения могущаго быть пожара; почему в оное время Комитетом продажа запрещена.

2-е Теперешний книгопродавец Мейер⁶ в течение 6-ти лет исправляет должность свою с отличною верностию, прилежанием и ревностию, и Комитет не имеет ни малейшей причины быть им недовольным; на против того Комитет им совершенно доволен. При том со стороны Комитета была бы оказана величайшая несправедливость, чтоб его лишить места, и с тем пропитания, отдав оное другому постороннему человеку; он во всякое время весь день находится в лавке, и в полной мере удовлетворяет требованиям публики. Чрез Корреспонденцию его со знатнейшими книгопродавцами в Лейпциге, Париже и других иностранных городах, Академия имеет теперь весьма значительную продажу своим книгам, каковаго она никогда не имела, а что б Академию в тех книгах, которыя он посылает в Лейпциг и другие места обеспечить, то он в замен оных на счет иностранных книгопродавцов выписывает оттуда книги Немецкия, Француския и Латинския, чрез что здешняя публика пользуется тою выгодою, что может иметь иностранныя сочинения за весьма сходную цену, сверх сего и для Академии есть выгода, что в ея Библиотеку, а равно и для Академиков не посредственно чрез своего книгопродавца выписываются из Лейпцига и Парижа весьма малою ценою иностранныя им нужныя издания не имея нужды здешним книгопродавцам платить за те же книги вдвое дороже.

3-е Сверх сего продает Академия из своего магазина книги в большом количестве здешним книгопродавцам с малою уступкою процентов; еще пред сим не за долго Академия продала даже большое число книг на значительную сумму, и на наличныя деньги, а притом с весьма малою уступкою, и почти без оной как то например в Вильну.

4-е Входить с Плавильщиковым в сношения или обязательства не было б для Академии ни малейшей выгоды, потому что как ему, так и всякому здешнему книгопродавцу вольно брать из Академическаго Магазина по каталогу книги, сколько ему надобно, со сходною уступкою; но он

тем еще недовольствуется и требует исключительное право на Монополию; чрез что Академия понесла бы великой ущерб. В самом деле требования его столь не ограничены и чрезмерны, что понять не лезя, как он отважился таковыя предлагать, которыя состоят в нижеследующем.

А. Требует он звания Комисара Императорской Академии наук коего ему дать не можно, потому что Академия уже такого имеет.

В. Позволение печатать при Российских и Немецких ведомостях его объявления о книгах безденежно для Плавильщикова была б большая выгода для него, а для Академии составило убыток на несколько 1000 рублей.

С. Плавильщиков в прошении своем в пятой статье изъясняет, что уступка 30 процентов есть весьма маловажна в сравнении с теми расходами какия теперь Академия несет. Сравнение сие легко изложить. Академия ежегодно продает одних календарей на 40,000 рублей, то Плавильщиков от сей одной продажи получил бы в год по 12000 рублей, полагая по 30 процентов со 100; естли ж присовокупить к тому еще продажу протчих книг хотя на 4000 руб. только, то сие принесет ему в год 1200, а если считать еще требуемую им без платы публикацию о книгах то составит сие от 2-х до 3000 руб. и потому Плавильщиков чрез заключение такового с ним контракта получил бы от Академии доходу ежегодно по 16,000 руб. наличными деньгами без всякаго риска с его стороны; к тому надобно считать еще несколько 1000 рублей которыя он приобрести может ежели будет Академическия книги продавать гораздо вышшими ценами против Академии, что можно полагать потому, что, в каталоге цены оным весьма низки. На против того Академической Комисар с продажи календарей получает только по 5-ть процентов, что составит в год 2000 рублей; с прочих же книг Академия ему ныне заплатила около 200 рублей; естли присовокупить к тому 500 рублей годового жалованья Мейера да положить квартиру им занимаемую в 300 рублей, то все расходы Академии на книжную лавку ея составят токмо 3000 рублей.

Чрез таковое обязательство с Плавильщиковым Академия теряла б ежегодно 13000 рублей; при сем произошло бы то затруднение и неудобство, что Академия должна б была войти с ним в пространныя (переписки) и счеты, имея дело с человеком ей совсем неизвестным, дабы не понести ущерба, не так как теперь со своим Коммисаром, котораго честность чрез многия годы испытана.

Федор Шуберт*⁷

№ 91 Генваря „26,, дня 1817 года. Секретарь Фишер⁸

Столоначальник Яковлев⁹

Пометы: л. 4 сверху чернилами: «Генваря 27 д[ня] 1817.», в левом верхнем углу чернилами: «№ 347», слева на полях документа неразборчивая помета карандашом, л. 6 слева на полях у числа «12000» чернилами: «NB.».

Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 12. Д. 152. Л. 4–7. Подписи — автографы.

Комментарии

¹ Императорское Вольное экономическое общество, первое российское научное общество. Создано 31.10.1765 г. по указу Екатерины II, среди учредителей были Р.И. Воронцов, Г.Г. Орлов, И.Г. Чернышев, А.А. Нартов, Г.Н. Теплов. Занималось

изучением экономики России, возможностей подъема благосостояния крестьян, распространением полезных для сельского хозяйства сведений и т.д. Устраивало конкурсы и выставки сельскохозяйственной продукции, сортовых семян, сельскохозяйственных машин, молочного хозяйства, пчеловодства и др. В 1915 г. его деятельность была запрещена, возобновилась после Февральской революции 1917 г. В 1919 г. прекратило свое существование.

² Плавильщиков Василий Алексеевич (1768–1823), российский издатель и книгопродавец. В 1794 г. в Санкт-Петербурге организовал крупное издательское и книготорговое предприятие. Владелец книжной лавки и книжного магазина в Гостином дворе, имел одну из крупнейших частных библиотек в России.

³ Голицын Александр Николаевич (1773–1844), князь, государственный деятель. С 1803 г. обер-прокурор Синода, министр духовных дел и народного просвещения (1817–1824).

⁴ Имеется в виду «Регламент императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге», утвержденный 24.07.1747 г. Елизаветой Петровной, первый официальный устав Академии наук. Составлен Г.Н. Тепловым и И.Д. Шумахером.

⁵ Елизавета Петровна (1709–1762), младшая дочь Петра I и Екатерины I. Российская императрица с 1741 г., взошла на престол в результате дворцового переворота.

⁶ Мейер (Майер) Вильгельм (?–1827), уроженец Вестфалии. В России с 1793 г., комиссар книжной лавки Академии наук (1811–1827).

⁷ Шуберт Федор Иванович (Фридрих Теодор) фон (1758–1825), математик, астроном, геодезист, с 1789 г. ординарный академик Петербургской академии наук, библиотекарь-академик (1800–1818).

⁸ Фишер Иван (Иоганн) (?–1818), обучался в гимназии Академии наук (1776), коллежский переводчик (1785), состоял в штате Тверского генерал-губернатора Н.П. Архарова в должностях стряпчего в магистрате (1791), секретаря (1792). Оружейный комиссар (1802), городничий в городе Ставрополе Симбирской губернии (1803), с 1804 г. секретарь Комитета правления Академии наук.

⁹ Яковлев, титулярный советник, столоначальник.

Список источников

1. *Бронштейн Н.И.* Доктор Майер // Литературное наследство. Т. 45–46. Кн. II. Москва, 1948. С. 473–496.

2. Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона // Русский архив. 1883. Кн. 3. С. 73–200.

3. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 12. Д. 152.

ANDREEVA N. V.A. Plavilstsikov and Academy of sciences' bookselling: to the question of collaboration (1816–1817)

Andreeva Nataliya — Doctor of Historical Sciences, senior researcher of the Research Department of bibliography and library science

Russian Academy of sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: iskjul@gmail.com

ABSTRACT

The archival documents, concerned to the history of Academy of sciences' bookselling in 1816–1817 are published for the first time. There are the proposition of famous publisher and bookseller V.A. Plavilstsikov 15.12.1816 to the Minister for Ecclesiastical Affairs and Public Education A.N. Golyzin about organization of academic editions' selling with his participation and also the answer 26.01.1817 of Academy of sciences Ruling Committee to the Plavilstsikov's proposition. The publication is accompanied by introductory article and scientific commentary.

Key words: Academy of sciences, bookselling, Golyzin Alexander Nikolaevich, Plavilstsikov Vasilii Alekseevich, Meyer Wilhelm, Fischer Ivan, Academic bookshop.

УДК 01(092)(470+571)
ББК 83.3г(2) Могилянский А.П.

М.П. Лепехин

**ИЗ ИСТОРИИ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ:
Т.Г. Шевченко, Федор Сологуб и А.П. Могилянский
в их взаимоотношениях***

Лепехин Михаил Пантелеевич — старший научный сотрудник, научно-исследовательский отдел библиографии и библиотековедения

Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mpl2612@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассказывается о читателе БАН с 70-летним читательским стажем, известном историке литературы А.П. Могилянском (1909–2001), и содержатся неизвестные сведения о восприятии Федором Сологубом Тараса Шевченко.

Ключевые слова: Библиотека Академии наук, Александр Петрович Могилянский, Пушкинский Дом, «Академическое дело», Блокада Ленинграда, Федор Сологуб, Тарас Шевченко.

Представляется излишним доказывать значение конкретного события для постижения общей картины мироздания — тем более, совокупности ряда событий, весьма занимательных во взаимных сплетениях людей и идей.

В анналах истории библиотечного дела и литературоведения XX века, создаваемых в «культурной столице», яркая личность Александра Петровича Могилянского (1909–2001) почти не привлекла внимания. Бытовавшие о нем на протяжении десятилетий в профессиональной среде мифы и анекдоты уже ушли в небытие вместе с его современниками и последующим поколением. Крайне замкнутый, он почти никого не допускал в свою интеллектуальную и частную жизнь, резко отделяя ее от исполнения служебных обязанностей. К сожалению, ряд обстоятельств биографии А.П. уже невозможны восстановить. Тем не менее, сделанное им заслуживает уважительного отношения как сотрудников ИРЛИ и РНБ, так и почитателей литературного дара Крылова и Писемского. Для историографов БАН личность А.П. примечательна установленным им рекордом читательского долголетия: посетителем Библиотеки Могилянский был ровно семь десятилетий (лето 1927 — лето 1997).

Данный текст не следует считать *научным исследованием*. В жанровом отношении его следует воспринимать *ретрансляцией сказительства* — и не более того. Полагая, что всякая подробность как жизни одного классика, так и восприятия им классика предшествующего, все же имеет некую историко-литературную значимость — автор взял на себя ответственность за передачу рассказанного А.П. Могилянским в середине 1990-х гг., причем именно так, как это запечатлелось в моей памяти.

* Дополненный вариант доклада на Международной научной конференции к 160-летию со дня рождения Федора Сологуба. (СПб.: ИРЛИ РАН, 02.03.2023).

Из совокупности эпического повествования А.П. — ограничусь одним эпизодом, относящимся к его знакомству с Федором Сологубом.

Ввиду того, что Ф.К. Тетерников несравнимо более известен, чем его двукратный собеседник — предварю рассказ об их встречах необходимыми сведениями о А.П. Могилянском — тем более, что краткие сведения о нем в биографических справочниках [13, с. 397; 23, с. 485–486] не могут дать представления о своеобразной личности рассказчика. В данном тексте отсутствует намерение воссоздать биографию А.П. с некоей степенью полноты — это всего лишь необходимые для введения к комментируемому *эготексту* сведения, основанные как на документах, так и на личных воспоминаниях о человеке, с которым автор был достаточно хорошо знаком в последние полтора десятилетия его долгой земной жизни. Столь долгой, что Могилянский успел побывать собеседником Федора Сологуба, Б.Л. Модзалевского, А.Ф. Кони, М.А. Волошина, Н.А. Клюева, А.М. Добролюбова, состоять в переписке с К.Э. Циолковским. Подчеркну, что мемуарный жанр не предполагает ни обстоятельности, ни точности: это *воспоминания*, изложенные именно так, как мне запомнилось.

Перейду к Александру Петровичу.

Могилянские — одна из самых известных малороссийских фамилий. Дед А.П., Михаил Яковлевич (1840–1894) — был товарищем председателя уголовной палаты Черниговского окружного суда, отец 6-х детей. Наиболее известны из них трое: 1) Николай (1871–1935) — автор теории этноса, один из создателей Этнографического отдела Русского музея и один из основателей партии кадетов (вышедший в марте 1917 г. из-за несогласия по украинскому вопросу), профессор Сорбонны, умер в Праге; 2) Михаил (1873–1942) — марксист, один из создателей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», великий знаток украинской литературы; 3) Петр (1881–1921), юрист, один из создателей российского профсоюзного движения. Все трое на рубеже веков жили в Санкт-Петербурге и были хорошо знакомы с В.И. Ульяновым.

Младший, Петр Михайлович был женат на Наталье Александровне Шликевич, дочери видного черниговского земского деятеля А.П. Шликевича (1859–1909). От этого союза 1(14) июля 1909 года в городе Козельце родился младенец Александр, герой сего повествования. Детство прошло в родовом имении Берлозы Козелецкого уезда Черниговской губернии, по дороге из Чернигова в Киев. В середине 1910-х гг. семья переехала в Киев, где отец был присяжным поверенным. После захватов власти в Киеве большевиками и немедленного истребления русской интеллигенции — оба раза П.М. остался невредимым: спасало членство в РСДРП, личное знакомство с Лениным, а также авторство книги «Интернационал: Очерки истории рабочего движения второй половины XIX века» (СПб., 1906). От профсоюзной деятельности в 1910-е П.М. уже отошел, а после 1917 г. служил в Международном Красном Кресте. В 1921 г. отец скончался; мать умерла в 1932 г.

Отрочество А.П. провел в семье известного киевского педагога Ивана Павловича Матченко (1850–1919), женатого на племяннице Н.Н. Страхова. (Матченко был владельцем его архива и издателем его трудов). По второму и окончательному занятию большевиками Киева 15.05.1919

Матченко был расстрелян как участник кружка русских националистов; одновременно с ним были казнены еще 67 членов, арестованных по справочной книге. А.П. благоговейно почитал Страхова всю жизнь и в иерархии его ценностей (насколько ее представляю) он занимал третье место: выше были только И.А. Крылов и А.Ф. Писемский, ниже — Г.В. Плеханов, П.Л. Лавров, И.С. Генслер и В.С. Соловьев. (А.С. Пушкин стоял особняком: А.П. не воспринимал себя *пушкинистом*, однако литературу вопроса знал основательно и суждения иногда имел весьма здравые).

Киев начала 1920-х переживал пик увлечения украинской стариной: феномен *украинства* того времени достаточно изучен и нет причин подробно его рассматривать. Исключительное влияние на А.П. оказал дядя Михаил Михайлович, значимость которого в изучении нового периода украинской литературы сопоставима с ролью Б.Л. Модзалевского и С.А. Венгерова, вместе взятых, в познании литературы русской. Именно М.М. Могилянский и В.Н. Перетц создали в те годы основу всего последующего изучения украинской литературы нового и древнего ее периодов. Несмотря на принадлежность к малороссийскому дворянству — сам А.П., равно как отец и его брат Николай воспринимали себя русскими; что же касается брата Михаила, то он воспринимал украинскую литературу в неразрывной связи с русской, однако не разделял крайностей политического украинофильства. Напротив, дочь его Лада воспринималась одной из самых значимых фигур украинского культурного ренессанса 1920-х гг. Указать на то необходимо потому, что большую часть середины 1920-х у А.П. прошла в повседневном общении с М.М. и его семьей. (Лада жила отдельно).

Четырнадцать лет от роду в 1924 г. А.П. экстерном окончил трудовую школу № 50 и два года провел в Киеве. Решив стать историком литературы, он занялся самообразованием: в сферу его научных интересов тогда входили взаимные отношения литератур русской, славянских и западных. На уровне чтения он самоучкой овладел основными языками западными и славянскими, а также классическими. Под руководством дяди он приобрел основательные познания в области истории русской и украинской литературы XIX века, но размеренная провинциальная жизнь не удовлетворяла юношу.

Для продолжения образования весной 1927 г. А.П. прибыл в Ленинград — на ректора университета Н.С. Державина познания 17-летнего киевлянина произвели впечатление и без экзаменов он был зачислен на факультет языка и материальной культуры. От ЛГУ А.П. ожидал большего, посему лекциями себя не отягощал, а свободное время старался проводить в БАН, восполняя пробелы в прочитанном. От излишне политизированной обстановки в ЛГУ впечатления у А.П. остались самые скверные. В 1929 г. экстерном окончив факультет языкознания и материальной культуры (ЯМФАК; быв. историко-филологический) по славянскому циклу, Могилянский получил право работы по специальности «русская литература», защитив квалификационную работу «Классовые корни творчества А.Ф. Писемского».

До того А.П. относительно благополучно успел прожить в Ленинграде. Черниговцы и полтавцы: Могилянские, Святловские, Модзалевские,

Нарбуты, Лукомские, Максимовичи, Гаттенбергеры, Шликевичи пребывали в сложной степени родства, свойства, кумовства и дружества; они всегда были готовы помочь друг другу. В соперничестве двух столиц они с середины XIX века традиционно тяготели к Санкт-Петербургу.

И.П. Матченко и П.М. Могиланский были весьма дружны с братьями Евгением Владимировичем (1854–1914) и Владимиром Владимировичем (1869–1927) Святловскими. Первый визит в Ленинграде Могиланский нанес Владимиру Владимировичу в его квартиру на Конногвардейском бульваре, в которой зародилось российское профсоюзное движение. Святловский был в Ленинграде достаточно известен, пользовался непререкаемым нравственным авторитетом. Познакомившись с Александром (по степени свойства бывшим ему двоюродным внучатым племянником через Шликевичей), он определил его на постой к своему племяннику Евгению (Геслеровский пер., д. 7, кв. 1) и рекомендовал его Б.Л. Модзалевскому. Узнав, что самым любимым поэтом А.П. является Федор Сологуб — В.В. Святловский вскоре устроил знакомство, о чем расскажу в конце повествования.

На Модзалевского визит Могиланского произвел настолько сильное впечатление, что он стал видеть в нем будущего сотрудника. Увы, поскольку свободных ставок в Пушкинском Доме не было, а на статус внештатного 17-летний недоросль А.П. пока не мог претендовать — Борис Львович определил его на склад изданий Академии наук в подчинение И.А. Кубасова. Работал А.П. на основании временных соглашений — взять его в академический штат (студент) также было невозможно. (А после обследования Академии наук в 1928 г. Рабоче-крестьянской инспекцией принять кого-либо без направления районной биржи труда и вовсе стало бы противозаконным деянием). Работа, как и учеба не была в тягость А.П.: все свободное время чтением восполнял пробелы в самообразовании. *Учителями*, кроме книг и М.М. Могиланского — А.П. в беседе со мной не называл никого; в качестве *научных руководителей*, оказавших на него влияние в ЛГУ, в документах указывал В.В. Сиповского, С.П. Обнорского и Л.В. Щербу. (Предполагаю, что огромная библиотека Сиповского в Детском Селе в сочетании с уединенным образом жизни могла послужить одним из образцов жизнотворчества для студента-экстерна...)

К этому времени относится начало увлечение Могиланского столь для той эпохи несвоевременной отраслью языкознания, как этимология. «Новое учение о языке», определявшее лингвистическую политику на протяжении двух десятилетий, было совершенно чуждо А.П., а в Н.Я. Марре, которого не раз созерцал вблизи, был склонен видеть облеченного научной властью если не совершенного безумца, то гения, подпавшего под гнет сверхценной идеи. Классическая индоевропеистика была несравнимо ближе воззрениям А.П. и все свободное время он посвящал изучению языков и просмотру словарей: страсть к их приобретению оставила его за три года до кончины. (П. Серию весьма сожалел, что в 1990-е я не познакомил его с Могиланским).

После окончания ЛГУ 15.06.1929 А.П. с соблюдением формальностей был принят в штат Академии наук СССР. 3.10.1929 он стал на учет биржи подсобного труда Василеостровского района, 1.11.1929 был направ-

лен в АН СССР на временную работу по поданной заявке на вакансию истопника; по внутреннему распоряжению и.о. управделами 24.11.1929 А.П. был переведен на должность технического сотрудника хранилища академических изданий, т.е. на ту должность, которую уже более двух лет занимал *de facto*. Как уже говорилось выше, на И.А. Кубасова одаренный юноша произвел не меньшее впечатление, чем на скончавшегося 03.04.1928 Б.Л. Модзалевского. Кубасов рекомендовал перевести Александра с низшей должности в книгохранилище на место делопроизводителя Управления делами АН СССР. В самый разгар т.н. «Академического дела 1929–1931 гг.» рекомендация оказалась кстати и не уличенный в порочащих связях А.П. приказом управделами АН СССР С.А. Волынского 18.04.1930 был назначен старшим делопроизводителем общего отдела УД АН СССР, 16.06 был переведен на должность и.о. зав. делопроизводством группы личного состава, а 1.01.1931 в ней утвержден. С 20.03.1930 Могилянский был членом профсоюза работников просвещения со стажем научной работы с 1924 г. (т.е. с 15-ти лет, когда *de facto* стал дяде помогать в биобиблиографических разысканиях).

Прекрасный старт карьеры 21-летнего аккуратного и трудолюбивого молодого человека во время т.н. «Академического дела 1929–1931 гг.» был закономерным: А.П. ни с кем не был связан, не задевал ничьих интересов, не стремился всеми средствами к стремительному служебному росту, следовал служебной субординации и имел навыки делопроизводства. Автор данного текста ряд подробностей т.н. «Академического дела 1929–1931 гг.» узнал от Могилянского, бывшего в то время едва ли не в эпицентре сего события — без его пояснений как подлинные причины событий, так и главные действующие лица остались бы неизвестными и пришлось бы рассматривать этот процесс в аспекте традиционной версии «борьбы власти с наукой» [1, с. V–LXXIV; 10, с. 165–192].

Одновременно с вышеуказанной должностью 15.02.1931 Могилянский был назначен ученым секретарем Института новой русской литературы АН СССР, в который в 1930 г. был преобразован Пушкинский Дом. Должность арестованного Б.И. Коплана не стала для Могилянского ступенью в карьере: служебные обязанности выполнял *от сих до сих*, в интриги не вмешивался, идейностью не страдал, в политических отклонениях не был уличен и не был склонен к чрезмерному честолюбию. Административная власть как таковая не интересовала А.П.: несравнимо более привлекала гармония обыденного существования, прежде всего возможность заниматься самообразованием. В штате ИНЛИ Могилянский пробыл до 03.11.1931 и был уволен по личному заявлению: то было следствием ближайшего поворота в его судьбе. (Как «филолог, педагог, библиотекарь», уже владевший немецким, французским и украинским языками — остаться без заработка он не мог).

Уволился мудрый А.П. весьма своевременно: к концу 1931 г. ситуация в ИНЛИ вновь накалилась: номинальный директор А.В. Луначарский не мог контролировать положение, отчего реальная власть в Институте перешла к агрессивным рапповцам. Излишне интеллектуальный молодой беспартийный ученый секретарь стал фигурой уязвимой. Заслугой своего пребывания на этом посту Могилянский считал упорядочение делопроизводства, а также идею издания «Литературного архива» и еже-

квартального журнала. Замысел «Литературного архива» был реализован в 1934–36 гг. Ю.Г. Оксманом (всего вышло 12 именных томов); что же касается ежеквартальника, то «Русская литература» стала выходить лишь в 1957 году. Без какого-либо упоминания имени А.П. как инициатора проекта в 1932 г. был издан том, посвященный Ф.М. Решетникову, подготовленный И.И. Векслером. (Предполагаю, что в последнем А.П. был склонен видеть образец для подражания: затворник в огромной домашней библиотеке; дядя А.Х. Горфункеля). Место ученого секретаря ненадолго занял пресловутый С.А. Родов, живший в Музее-квартире А.С. Пушкина. (Ввиду неспособности к административной работе С.А. был вскоре переведен в зав. Отделом современной литературы; почти сразу выяснилось, что он не справляется даже с научной деятельностью; уже 1.02.1932 Родов был уволен из ИНЛИ и возвращен в первобытное состояние. РАППовец благобно дожил в Москве до 1968 г.) Ученое секретарство ИНЛИ было передано члену ВКП(б) В.В. Бушу — но и тот продержался в должности всего семь месяцев, а через год выяснилось, что летом 1917 г. он был одним из лидеров василеостровских кадетов, призывавшим *спасать культуру России от большевистского варварства*. В сравнении с преемниками Могиланский производил несравнимо лучшее впечатление.

Одновременно с увольнением из ИРЛИ 03.11.1931 А.П. был отставлен от должности зав. делопроизводством группы личного состава УД АН СССР. В последней служебной ипостаси, будучи беспартийным, он не имел допуска к секретному делопроизводству. По словам же самого А.П., обязанности его состояли в составлении справочника «Наука и Научные работники СССР», в частности, в обработке анкет. Хождение в присутствие было ежедневным; кабинет А.П. помещался в переданном АН СССР здании быд. Департамента неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов (наб. Макарова, 6) и он делил кабинет с академиком Е.Ф. Карским — по словам А.П., «человеком пугливым и молчаливым». Область собственных научных интересов А.П. определил как: «история русской литературы XVIII–XIX вв., теория поэзии, философия диалектического материализма») [19, с. 243].

Последнее требует пояснения. Воспитанный на трудах Страхова с его культом *единого знания*, во время обучения в ЛГУ А.П. погрузился в пучину общественно-политических дисциплин и с крайним удивлением осознал, что преподаются они не самым лучшим образом. Так, в курсе диалектического материализма он обнаружил расхождение сакральных текстов Ф. Энгельса с базовыми постулатами сего курса. Плодом трехлетних размышлений явился оформленный в виде машинописи трактат «О необходимости пересмотра основных проблем диалектического материализма», который в 1930 г. А.П. представил на рассмотрение С.М. Кирова. Глава ленинградских коммунистов не был искушен в нюансах марксистской софистики и схоластики, посему от ответа по существу уклонился. Обратился Могиланский к другу своего отца академику Д.Б. Рязанову, которого за эрудицию А.В. Луначарский называл «ученейшим человеком в партии», а В.И. Ленин именовал «прокинутой библиотекой». А.П. не подозревал, что его кумир Г.В. Плеханов еще в 1901 г. отказал Рязанову в *способности к диалектическому мышлению*. Ответа

А.П. не дождался, поскольку Рязанов стремительно катился вниз и ему было не до философического письма мелкого академического чиновника. *Диалектика природы* внезапно проехала по Рязанову: 10.02.1931 он был арестован и лишен звания академика.

Не получив ответа и сознавая важность проблемы, в сентябре 1933 г. А.П. счел разумным послать переработанный вариант трактата И.В. Сталину. «Разумеется, без последствий все это не осталось. Сталин поручил дело заведующему отделом агитации и пропаганды ЦК партии Алексею Ивановичу Стецкому, который вступил со мной в переписку, но одновременно через Александра Григорьевича Долматова потребовал моего самоубийства. Досталось и ленинградским философам. Когда в 1936 году пришли арестовывать самого Стецкого, он застрелился» [15, с. 6]. (NB! Уточнение: он был расстрелян 01.08.1938 на полигоне «Коммунарка», а Рязанов 21.01.1938 в Саратовской тюрьме). Тем не менее, сознавая важность проблемы, Могилянский в 1995 г. опубликовал трактат (в обеих редакциях) — несмотря на то, что диалектический материализм к тому времени уже благобно окошел среди прочих паранаучных дисциплин...

О партийной принадлежности и политических взглядах А.П. едва ли можно сказать что-либо определенное, настолько был закрытым человеком. Не подлежит сомнению одно: к любой власти он был лоялен, лишь бы от нее не было неприятностей. В истории с трактатом можно усмотреть намерение А.П. обратить внимание властей на свои интеллектуальные дарования, и в то же время искреннее желание помочь диалектическим марксистам выпутаться из несознаваемого ими гносеологического и методологического кризиса...

«Беспартийность» применительно к Могилянскому — понятие условное. В 1930–1932 гг. он был зампредела ОДН <сокращение раскрыть не смог — М.Л.> Василеостровского райсовета, ответственным за политзанятия. Доверие власти А.П. сомнения не вызывает: 15.11.1931 он был назначен на должность агента спецучета УД АН СССР, а через две недели переведен в распоряжение отдела кадров Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе.

Служба Могилянского в карательных органах отличалась своеобразием — карьера началась 13.12.1931 в статусе и.о. инспектора по расследованиям 4-го отделения Ленинградской городской милиции. В марте 1932 г. А.П. был откомандирован в распоряжение оперативного отдела ПП ОГПУ в ЛВО с оставлением в прежней должности, откуда 4.09.1932 он был возвращен в его первобытное состояние. 1.10.1932 Могилянский был утвержден в должности инспектора, причем начальник 4-го о/м Лурье объявил ему благодарность «за проявленную энергию на оперативной работе». 29.12.1932 А.П. перевели на ту же следовательскую должность в 23 о/м, но оставили в 4 о/м, поскольку 23 о/м еще было создано лишь в приказе. 3.06.1933 Могилянский был назначен пом. уполномоченного оперативного отдела Ленинградского областного управления Рабоче-крестьянской милиции, а 1.10.1933 был назначен и.о. уполномоченного данного отдела по инспектированию городских отделений ЛОУ РКМ. 9.02.1934 А.П. был назначен на должность уполномоченного отделом угрозыска (быв. оперативный отдел) ЛОУ РКМ. С 2 по 14 июня

1934 г. Могиланский был командирован в Москву «для проведения особых оперативно-следственных действий», в ходе которых 11.06 была объявлена благодарность с награждением 150-ю рублями «за проявленную инициативу и энергию по борьбе с хищениями и злоупотреблениями в системе народного питания и торговой сети». С 28 по 30.07.1934 А.П. был срочно командирован в Москву в Главное управление РКМ.

Наряду со служебным рвением проявил Могиланский и политическую зрелость. С 1932 г. он проводил политзанятия с рядовым составом ЛОУ РКМ, а в 1933–1934 гг. руководил партшколой командного и научно-технического состава ЛОУ РКМ. В январе 1932 г. А.П. был принят кандидатом в члены ВКП(б), а уже в феврале на пленуме коммунистов ЛОУ РКМ делал основной доклад об итогах работ XVII-й партийной конференции. В марте 1932 г. он произнес доклад о Парижской коммуне. За руководство партшколой ЛОУ РКМ в 1934 г. Могиланский был премирован. Тем не менее, из кандидата в действительные члены ВКП(б) А.П. переведен не был: райком не утвердил членство с формулировкой «по регулированию роста партии». После 1934 г. никаких попыток повысить свой политический статус Могиланский более не предпринимал — что, возможно, спасло ему жизнь в годы Большого террора.

В том же году удача вновь улыбнулась А.П.: в его судьбе произошел переворот. 3.09.1934 он был освобожден от должности уполномоченного Леноблугрозыска согласно рапорту «в целях выполнения научных работ» и в тот же день был назначен на должность преподавателя уголовного права и уголовной техники Ленинградской областной школы среднего командного состава РКМ. Вскоре 28.10.1934 Могиланский заключил договор с ИРЛИ АН СССР (в качестве внештатного научного сотрудника) «на производство длительных научных работ научного характера по изучению русской литературы».

Преподавательская деятельность А.П. отличалась методологической и тематической эклектикой. Едва ли среднему командному составу милиции было нужно знание уголовного права в объемах свыше начертанных в их должностных уставах и инструкциях. Могиланский преподавал ряд разных криминалистических дисциплин, причем более всего были востребованы его познания в графологии, а также умение прочесть самый сложный почерк. (В устных воспоминаниях А.П. он говорил о курсах старшего начальствующего состава ПП ОГПУ ЛВО — школа милиции вообще не упоминалась). Знание тонкостей графологии (известный труд И.Ф. Моргенштерна А.П. порицал за *ненаучность*) в итоге привела к тихому скандалу. После публичного ответа на вопрос курсанта о авторстве *диплома рогоносца* эксперт-графолог дерзнул подвергнуть сомнению заключение А.А. Салькова — культовой фигуры еще царской сыскной полиции, однако криминалиста самого широкого профиля. Могиланский был на 40 лет моложе Салькова и для *органов* немислимым прегрешением был факт публичного сомнения в официальной экспертизе. То, что Сальков лишь подогнал заключение под гипотезу П.Е. Щеголева — никого не заинтересовало. (Выводы Салькова опроверг в 1960-х эксперт Я.Г. Любарский).

1930-е годы разделились на *до* и *после* убийства Кирова 1 декабря 1934 — прежде всего в отношении к *бывшим*. Никогда не скрывавший

социального происхождения *из служащих*, Могиланский не подделывался под пролетария и не стремился стать *своим в доску* для власти любого уровня. Добросовестно относившийся к любому порученному делу благовоспитанный интеллектуал производил не лучшее впечатление. (В РКМ и в ИРЛИ Могиланский многих раздражал как излишними знаниями, так и полным отсутствием интереса к повседневной жизни трудового коллектива. Исправно выполняя служебные обязанности *от сих до сих* — он стремился уединиться с книгой; излишнего общения сторонился). Могиланскому дали понять уязвимость его положения и 03.02.1935 он подал рапорт об увольнении.

В феврале 1935 г. А.П. был командирован ИРЛИ в Москву для сверки текстов А.Ф. Писемского — как уже было сказано, в октябре 1934 г. он был приглашен Ю.Г. Оксманом для подготовки тома «Литературного архива». (По словам Могиланского, «Оксман был человеком очень знающим, злым, необычайно ко всем требовательным, но справедливым». Больше всего Ю.Г. не выносил необязательность и поверхностность знаний. Полагаю, что в А.П. он нашел идеального исполнителя). По словам Могиланского, подготовку тома «А.Ф. Писемский» он начал еще в 1931 г., а договор 1934 г. был нужен для завершения и издания тома. Растянувшаяся на несколько лет работа отличалась внешним своеобразием. На службе следователю надлежало быть в форме; то же относилось и к школе среднего командного состава РКМ. Школа помещалась на площади Урицкого (*до и после*: Дворцовой) в здании Министерства иностранных дел. На обратном пути домой на Петроградскую сторону Могиланский в форме заходил в читальный зал Рукописного отдела ИРЛИ, где погружался в бумаги Писемского. Бывший ученый секретарь в милицейском одеянии производил на бывших сослуживцев столь сильное впечатление, что при излишней мифологичности общественно-го сознания ИРЛИ полвека спустя данный сюжет дошел до меня в виде легенд о том, как *чекист* А.П. лично отбирал, пытал и едва ли не казнил невинных жертв из числа сотрудников ИРЛИ.

Главным плюсом службе в РКМ было даже не то, что Могиланский на некоторое время покинул ИРЛИ с постоянными склоками, а то, что в конце 1934 г. он получил свою комнату (2-я линия В.О., д. 11, кв. 14), где прожил до конца 1930-х гг.

Ранее (что необходимо обстоятельно изложить для воссоздания фона его беседы с Сологубом) Могиланский был определен на жительство к дяде (двоюродному; по мнению черниговского дворянства А.П. был *племянником*) Е.Е. Святловскому в его просторную квартиру в Геслеровском переулке в деревянном доме 1870-х гг. между Большой и Малой Разночинными улицами напротив Геслеровских бань. (Окруженный палисадом дом стоял на высоком каменном фундаменте, профессорская квартира занимала половину первого этажа; в ней было 4 комнаты. Боюсь ошибиться: дом то ли разобран на дрова в Блокаду, то ли снесен в реконструкцию квартала конца 1940-х. Ныне там бизнес-центр «Чкаловский»). Топографические подробности весьма важны для реконструкции взаимоотношений упоминаемых лиц. «На Петроградской Стране все друг друга знали» — это автор слышал от Могиланского, от Д.С. Лихачева и еще от некоторых старожилов. Вселение А.П. в 1927 г. позволи-

до избежать уплотнения, но в дальнейшем, по мере взросления сыновей, чужой человек стал создавать неудобство. (Семья Святловского состояла из шести человек + няня + домработница). Образ жизни отца семейства был скромным — один из крупнейших в СССР знатоков статистики и экономгеографии не имел постоянного места службы. (Существовал переводами, а также работой, которую ему доставал ближайший друг В.П. Семенов-Тянь-Шанский). Жена Ирина Михайловна была сестрой поэта А.М. Добролюбова, к тому времени уже ушедшего в народ и жившего на юге Кавказа ручным трудом. Обитал А.П. в наименьшей комнате, которую прибывший к сестре на постой в 1938 г. Добролюбов посчитал излишне роскошной, поселившись в чуланчике при кухне. В распоряжении А.П. была большая библиотека хозяина, к которой в 1928 г. прибавилась и часть собрания скончавшегося В.В. Святловского.

По предложению Оксмана, помнившего А.П. по университету, а в 1933 г. ставшего ученым секретарем ИРЛИ, Могиланский подготовил том писем Писемского. (Напомню, что сам «Литературный архив» был задуман А.П.). В директорство Л.Б. Каменева Оксман был назначен его заместителем и пользовался в ИРЛИ абсолютной властью. Никаких личных конфликтов у А.П. с Оксманом не было, но даже Ю.Г. не смог преодолеть крайне негативно настроенное к А.П. общественное мнение сотрудников и взять его в штат ИРЛИ. Вышедший в конце 1936 г. (после ареста Оксмана) монументальный том сделал имя Могиланского известным. (Но предисловие Оксман доверил написать М.К. Клеману, что явилось одной из главных обид А.П. до конца жизни) [20].

Получив в 1994 г. подготовленный мною в 1986–1987 гг. том «Литературного архива» [12], Могиланский поведал о причинах прекращения именных томов данного издания в конце 1930-х гг. (за исключением 3-го и 4-го томов Горького). По словам А.П., повлияли: 1) арест Оксмана (все воспринимали «Литературный архив» его детищем — он лично определял состав и участников каждого тома; ряд томов остался на стадии подготовки или замысла); 2) Гонорарное бремя для Издательства АН СССР: труды как внеплановые оплачивались по весьма высоким расценкам и в итоге продавались ниже себестоимости (учитывали лишь полиграфическую составляющую); 3) В 1937 г. на литературоведов пролился золотой дождь: в связи с официальным празднованием пушкинской годовщины все те, кто мог несколько слов произнести о Поэте, внезапно оказались востребованными и во время сбора урожая не было время на столь невыгодные занятия. Сразу после ареста Оксмана был осуществлен переход «Литературного архива» от именных томов к номерным (Вып. 1–6; 1938–1961).

По продляемым срочным договорам Могиланский работал в ИРЛИ вне штата по июнь 1941, выполнив для ПСС Пушкина подготовку «Истории Пугачева» (в соавторстве), а также ряд других работ.

Значительный гонорар за Писемского и за пушкинскую страду придал иллюзию некой материальной независимости. В конце 1938 г. А.П. женился на соседке по черниговскому имению Елене Борисовне Гаттенбергер (1916 — после 2016), потомственной дворянке, но не малороссийской, а швейцарской породы. Почти сразу после свадьбы жена и теща ввиду чуждого классового происхождения были высланы в Бугуруслан, откуда

А.П. уже в 1939 г. сумел обеих вернуть, дойдя в своих ходатайствах до наркома Л.П. Берии. В том же 1938 г. А.П. получил мансарду в доме 27 по Колпинской ул. Дом постройки 1903 г. представлял в то время конгломерацию коммунальных квартир — А.П. с женой проживали отдельно от остальных жильцов.

Специалист по *спецучету*, Могилянский прекрасно понимал правила игры 1937 года. Так, в графе «Близкие родственники, живущие в СССР» он указал лишь: «1) тетка Святловская А.М., 58 лет, б/п, служащая, врач, проживает ул. Куйбышева, 6-26; 2) дядя Могилянский М.М., 67 лет, б/п, до 1917 адвокат, проживает г. Дмитров» — но ни семья Святловских, ни многие репрессированные Могилянские упомянуты им не были. В графе «Имеете ли за границей родственников» указаны были: «1) Франция — Могилянский Николай Михайлович, брат отца, умер в 1932 или 1933; профессор этнографии и антропологии; связи никогда не поддерживал; 2) ? — Могилянский Борис Михайлович, брат отца, никогда в жизни не видел; 3) Америка — семья С.П. Тимошенко, приглашен. член-корр. АН СССР, связь не поддерживаю». Военно-учетной специальностью А.П. в 1937 г. значилось: «юрисконсульт и секретарь военной прокуратуры» с уточнением: «не служил». «Привлекался ли к судебной и административной ответственности, взысканиям по службе» — на этот вопрос ответ был прекрасен: «никогда и никем». Графа «награды» вызвала ответ: «денежное вознаграждение и благодарность в приказах по НКВД (1932, 1934)».

Работая в ИРЛИ с 1934 г. по договорам, Могилянский намеревался со временем вернуться в штат, но особых усилий к тому не прилагал — понимая обстановку того времени в Институте и внезапное исчезновение тех персон, которые только что воспринимались вершителями институтских судеб. А.П. воспринимался как протеже Оксмана, а тот, в свою очередь — ставленником Каменева. Из сотрудников Могилянскому были близки лишь работавшие по договорам Г.В. Прохоров и Г.Ф. Тизенгаузен (оба погибли в Блокаду). От повседневной жизни ИРЛИ А.П. держался в достойном отдалении.

В 1940 г. Могилянский поступил в аспирантуру Института языка и мышления АН СССР и был в зачислен в штат Словарного сектора. В здание ИРЛИ он вновь стал ходить, но уже со двора: Словарный сектор помещался под лестницей левого крыла. В обязанности А.П. входило редактирование «Словаря современного русского языка». В первый день призыва в народное ополчение 7 июля 1941 г. А.П. записался добровольцем. До января 1942 г. он находился на оборонных работах, а затем на 7 месяцев попал в больницу. В связи с тем, что он был отчислен из ИЯМ, в августе 1942 г. Могилянский был зачислен в ГПБ. В его задачи входил учет и доставка в ГПБ оставшихся бесхозными библиотек и архивов — его труды на этом поприще детально изучены [3, 22]. В частности, именно им были спасены архивы Е.И. Замятина и Б.И. Коплана.

Не оставлял Могилянский и научных трудов, защитив в 1944 г. в ЛГПИ кандидатскую диссертацию «Драма А.Ф. Писемского “Горькая судьбина”: Проблема изображения крестьянства в русской драматургии эпохи крепостничества». В том же году А.П.: а) стал отцом Аглаи; б) приступил к целенаправленному собиранию собственной библиотеки по извест-

ному лишь ему самому плану; в) дружески сблизился с вернувшимся из эвакуации Д.С. Лихачевым, проживавшим по соседству (три минуты пешей ходьбы дворами с Колпинской ул на Лахтинскую ул).

По словам А.П., знакомство состоялось в 1940 г. по инициативе Д.С. — с Ладой Могилянкой (кузиной А.П.) Лихачев познакомился на Соловках и был рад любым сведениям о поэтессе. С «Черниговской Валькирией» (она же «Украинская Ахматова») А.П. был знаком с детства, но душевно близок не был: сказывалась десятилетняя разница в возрасте и множество поклонников Л.М. Могилянской; к тому же она была деятельной участницей современного литературного процесса, в отличие от А.П., изучавшего словесность времен минувших. Несравнимо более близок А.П. был ее отец и его учитель М.М. Могилянский, занимавший в 1923–1933 г. одно из главных мест в научном мире Украины как председатель Комиссии Всеукраинской Академии наук по составлению Биографического словаря украинских деятелей. Относительно благополучен для М.М. оказался разгромный для ВУАН 1929–й год (аналог «Академического дела» с местным колоритом): он обошел отца стороной, но не пощадил дочь — Ладку приговорили к расстрелу, замененному заключением в СЛОНе. В 1933 г. Л.М. как ударницу Белбалтлага досрочно освободили, но в этом же году был выслан из Киева ее отец. Он поселился сперва у дочери Ирины в Днепропетровске, затем жил в Дмитрове близ Лады, после ее ареста и расстрела 6.06.1937 вернулся в Днепропетровск, откуда в августе 1941 г. был эвакуирован в Сибирь и скончался 22.03.1942 на руках сосланной дочери Елены в селе Большая Мурта Красноярского края.

Могилянский с женой всю Блокаду провели в Ленинграде. В феврале 1942 г. погиб Е.Е. Святловский, ненадолго пережив своего сына Алексея.

Первую блокадную зиму, а также по возвращении Д.С. из эвакуации Могилянский и Лихачев 2–3 раза в неделю друг друга навещали; отношения были очень дружескими — сближала общность интересов и изолированность в академическом социуме. Могилянский содействовал получению в 1945 г. Лихачевым из фундаментальной гимназической библиотеки всего комплекта «Полного собрания русских летописей», что позволило тому завершить дома работу над монографией и докторской диссертацией. (Однако после 1948 г. взаимоотношения омрачились, но это уже особый сюжет). Восприятие А.П. тома «Воспоминаний» Д.С., мною ему поднесенного сразу по выходе, было сдержанным: «Многое не договорил».

Могилянский был награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В РНБ с должным уважением вспоминают его деятельность в годы Блокады.

Служба Могилянского в ГПБ продолжалась до 1951 г. и достаточно изучена. В конце 1940–х карьера с.н.с. (специальность «библиотековедение») резко пошла на понижение из-за дружбы Могилянского с Ю.А. Меженко: тот стал объектом изоощренной травли [26].

По словам А.П., значительно старший его по возрасту и крайне замкнутый Ю.А. допустил в ближний круг общения его в годы Блокады, и после приезда того в 1945 г. в Киев они находились в постоянном

эпистолярном общении. (Лично знакомы были с середины 1930-х гг.). По возвращении из Киева в 1947 г. Меженко обратно в ГПБ принят не был, а на Могилянского начались гонения, которые закончились изгнанием в 1951 г., когда по итогам проверки ГПБ комиссией Министерства культуры РСФСР было произведено увольнение ряда неугодных лиц. В дальнейшем А.П. и Ю.А. постоянно встречались на заседаниях Секции книги и графики Ленинградского Дома ученых, а после переезда в 1960 г. Меженко в Киев — состояли в переписке. (На торжества 1964 г. 150-летия ГПБ не пригласили обоих). Гибель собиравшейся полвека ценнейшей библиотеки Меженко стала для Могилянского сильным потрясением. (В квартире у Ю.А. на Моховой А.П. бывал неоднократно).

После увольнения из ГПБ А.П. с июня 1951 г. по сентябрь 1956 г. Могилянский вновь был вынужден работать по срочным договорам в ИРЛИ, т.к. в штат Н.Ф. Бельчиков взять не смог из-за противодействия сотрудников: А.П. подавлял познаниями и пугал *чекистским* прошлым. Не уклоняясь от любых заданий, Могилянский принимал участие во многих трудах ИРЛИ, по преимуществу в подготовке собраний сочинений классиков. (Убедившись в интеллектуальной девственности ряда коллег, А.П. составил для облегчения их трудов по комментированию свод синхронистических таблиц по истории России XIX века, где литература соотносилась с политикой, искусством и наукой. С моей помощью после кончины А.П. они поступили в РО ИРЛИ).

Все послевоенное время Могилянский работал над подготовкой свода басен Крылова, крупнейшим знатоком творчества которого он был и даже мог читать почерк баснописца: сам Крылов этого навыка был лишен. Во исполнение замысла погибшего 29.12.1941 Б.И. Коплана по пересмотру всей текстологии басен Крылова (прежние схемы М.Е. Лобанова — В.Ф. Кеневича — В.В. Каллаша были Копланом сочтены устаревшими) Могилянский предпринял два издания. В 1954 г. в свет вышел том Крылова во 2-м издании Большой серии «Библиотеки поэта» (была им открыта) [6], в 1956 г. увидели свет «Басни» в «Литературных памятниках» [5].

1956 год стал для А.П. триумфальным по трем причинам.

1) Очень крупные гонорары Могилянский пустил на переоборудование мансарды на Колпинской в благоустроенную трехкомнатную квартиру, где была даже ванна (автономная система парового отопления); позднее даже появился личный телефон — немыслимая по меркам того времени роскошь!

2) 1 октября В.Г. Базанов принял его в штат ИРЛИ на должность старшего научного сотрудника (однако до 26.10.1961 г. он был и.о.). Даже несмотря на солидность опубликованных трудов, в то время само нахождение в статусе с.н.с. всего лишь кандидата наук, к тому же беспартийного, уклонявшегося от общественной работы и явно предпочитавшего чтение вместо сплетен о коллегах — усилило всеобщую неприязнь институтских к Могилянскому.

3) По посланному в ГПБ(!) приглашению крестьян А.П. с женой и дочерью посетил Берлозы, где не был 40 лет — *барчук* был встречен *колгопсниками* с радостью.

Следует заметить, что к началу 1950-х гг. в ИРЛИ не осталось тех лиц, мнение которых было бы для Могилянского безусловно авторитетным — за исключением М.П. Алексева и Н.В. Измайлова. Л.Б. Модзалевский и Н.И. Мордовченко уже перешли в мир иной; В.Г. Базанов подавлял тишайшего А.П. демонстративным самовластием, порою переходившим в самодурство. К ряду лиц из высшего административного слоя Института А.П. испытывал отвращение, однако мнение о третьих лицах старался не озвучивать даже в ретроспективной беседе с автором сих строк. В ИРЛИ А.П. по преимуществу молчал, в присутственные часы всецело посвящая себя чтению и письму, а также необходимой отсидке на заседаниях.

Говоря про мансарду на Колпинской, отмечу, что во второй половине 1950-х там постоянно бывал молодой В.Э. Вацуро. (NB! Сослуживцев А.П. домой не приглашал!) Развод отца лишил В.Э. личного пространства, визиты к А.П., где имели обыкновение сперва кормить и лишь потом беседовать — создавали иллюзию бытового уюта. Огромная библиотека Могилянского была изучена В.Э. досконально; раздел справочной литературы был почти исчерпывающим по полноте. Все свои сочинения В.Э. пунктуально подносил А.П. Дважды на Колпинской в 1950-е гг. Могилянский принимал Ю.М. Лотмана, поднесшего ему том А.Ф. Мерзлякова и книгу о А.С. Кайсарове. В беседах они провели целый вечер, более не встречались. Узнав о кончине Ю.М. — А.П. искренне огорчился: «Это был очень умный и знающий человек, изумлял меня еще в 1940-е». (А.П. заведовал читальным залом ОР ГПБ, где они оба и познакомились: Могилянский помогал Ю.М. в чтении рукописей). Лотман (1922–1993) и Вацуро (1935–2000) были значительно моложе Могилянского, как по возрасту, так по стажу профессиональной зрелости. Из сверстников в ИРЛИ А.П. в 1950-е был близок с В.И. Малышевым (1910–1976), но с середины 1960-х их отношения утратили былую задушевность. Ранее подобное произошло в послевоенной приязни А.П. с А.А. Морозовым (1906–1992): при крайнем индивидуализме обоих даже общие враги уже не сближали.

Более в стенах ИРЛИ Могилянский ни с кем не сходил, не был замечен ни в каких группировках, склоках и интригах. Безукоризненно свои служебные обязанности исполняя *от сих до сих*, не допуская ни малейших нарушений плановой и производственной дисциплины — А.П. оставался чужд общественной работе и неформальному общению: *как бы чего не вышло!*.. (В период службы в ИРЛИ мне не раз приходилось слышать общее мнение о нем как о замкнувшемся в самом себе *человеке в футляре*, напрочь чуждом общеинститутским интересам). Публичных выступлений А.П. избегал.

Несмотря на покровительство В.Г. Базанова и Ф.Я. Приимы, общее предубеждение против Могилянского в ИРЛИ было достаточно сильно. Ему со скандалом не дали защитить докторскую диссертацию «И.А. Крылов: Исследования и разыскания», институтское *коллективное бессознательное* распространяло многие порочащие его слухи. Несмотря на безукоризненную производственную и плановую дисциплину, 1 апреля 1970 г. 60-ти летний А.П. был уволен: отказались работать даже по договорам. (NB! Негласный административный этикет того времени

допускал нахождение беспартийного в должности до 75 лет, кроме относившихся к номенклатуре любого уровня).

Без заработка Могилянский не остался: эдиционные навыки оказались востребованными, но в штат пенсионера более не брали. В 1977 г. Аглая с мужем переехали на ПМЖ в США; вместе с ними отбыла и супруга А.П. (Осенью 2016 г. в Нью-Йорке отметила 100-летний юбилей; иных сведений не имею). Сам А.П. в 1980-х вновь женился. Часть библиотеки в 1977 г. была продана. (Узнал о том лишь в 2022 г. — сам А.П. о том ни разу не говорил). Признав мансарду на Колпинской *непригодной для проживания* (сохранив ее под *библиотеку для научных занятий*), он получил 2-комнатную кв в новом доме на Шлиссельбургском пр с видом на Неву.

Излишне говорить, что обе квартиры были заполнены книгами. При входе в квартиру на Колпинской (6-й этаж; персональный подъезд — лишь одна квартира на черной лестнице при замурованных дверях всех остальных); к двери был прибит жестяной ржавый лист «Охраняется государством». В новой квартире для книг была выделена часть лестничной клетки, где стоял огромный короб с навесным замком — точно-точно как у кумира А.П. — Н.Н. Страхова (в его кв на Крюковом канале).

Книги занимали едва ли не главное место в иерархии ценностей А.П.: он тщательно следил за новинками, приобретая все представлявшееся ему к заточению в домашнюю библиотеку достойным. Издания классиков, труды по литературоведению и языкознанию (прежде всего словари) представлены были с достаточной полнотой. (Рассмотрение библиотеки явно заслуживает отдельной статьи). Со дня открытия в 1947 г. Секции книги и графики Дома ученых — Могилянский стал ревностным посетителем. Изобразительное искусство А.П. знал достаточно хорошо, постоянно посещал выставки в Государственном Эрмитаже и Русском музее. К музыке и к театру был даже не равнодушен, а просто не замечал их существования. Не знаю, побывал ли он хоть раз в кинематографе и в цирке — разве что в молодости по делам угрозыска...

Несмотря на вышеуказанную *светскость*, А.П. подчеркнуто закрыл окружающим доступ в свой внутренний мир. (В значительной степени тому способствовал неудачный опыт сближения с Лихачевым). Жена и дочь были для Могилянского самыми желанными собеседниками.

Одним из немногих исключений из данного правила стал выдающийся историк искусства М.В. Доброклонский (1886–1964) [7, 24]. С родственником (через Шликевичей) познакомился в Блокаду: А.П. по мере сил спасал ГПБ, а и.о. директора Государственного Эрмитажа — доверенное учреждение. Окончивший Училище правоведения и Зубовский институт, товарищ А.Н. Бенуа и С.П. Яремича, работавший в Эрмитаже с 1919 г., Доброклонский исследовал западноевропейский рисунок XIII–XVIII вв. и являлся крупнейшим знатоком в СССР в данной области. (По отношению к истории русского рисунка таким статусом обладал А.А. Сидоров). Последние 15 лет жизни Доброклонского сравнительно юный *провинциал* А.П. внимал рассказам М.В. о Петербурге т.н. «Серебряного века». (NB! В 1940–1950-е это словосочетание вообще не употреблялось — в данном значении современники говорили «та эпоха»).

В квартире Доброклонского (в конце Красной ул.: *до и после*: Галерная) А.П. бывал неоднократно — при крайней замкнутости гостя и хозяина. Расположение к нему М.В., по мнению Могилянского, было вызвано также и тем, что в 1941 г. погибли два сына М.В. — ровесники А.П. Чуждый навыков стяжательства и стремления к внешнему успеху, безукоризненный в манерах деликатный *знаток всего* Могилянский не мог не импонировать Доброклонскому. Здесь следует добавить, что супруги Доброклонские почти весь заработок главы семейства (член-корреспондент АН СССР (с 1943), зав. отделом Эрмитажа, профессор Академии художеств и Ленинградского университета) и гонорары (значительные) тратили на тайную благотворительность.

Аз грешный лично познакомился с Могилянским в 1978 г. на заседании Группы по изучению русской литературы XVIII века. По принятии в штат РО ИРЛИ я открыл для себя личность Б.И. Коплана [9]. В своих разысканиях о нем обратился к А.П. и по его приглашению в 1983 г. нанес визит. Был поражен как книжным собранием по истории русской литературы («лучшее в Ленинграде только у М.П. Алексеева!»), так и памятью Могилянского. Более в 1980-е не встречались: А.П. был увлечен переездом, разбором архива и библиотеки. Из бывших сослуживцев он поддерживал отношения лишь с Г.Ф. Турчаниновым; институтских корректно избегал.

Знакомство возобновилось в июле 1992 г. Иду по Университетской набережной — навстречу в черном плаще А.П. бежит к троллейбусу, на миг остановился: «Как видите, я еще жив! Позвоните!». С удовольствием в тот же вечер позвонил, далее начались (не реже 3-х раз в год) регулярные визиты на Колпинскую ул., затем на Шлиссельбургский пр. Беседы велись, как правило, только мемуарного характера: ни окружающая действительность, ни быт в его тяготах, ни политика Могилянского внешне не интересовали.

Отмечу правдивость А.П. как воспоминателя. (Без эмоций; никогда не фантазировал (*не знаю, не могу сказать, не помню, не обратил внимания*), исключительная точность деталей). Когда поднес 1-й том подготовленного мною «Академического дела» (1993), то удостоился замечания о В.П. Викторове: все рассказанное подтвердилось архивными документами [8, 11]. Трижды выступал с пересказом услышанного от А.П. (В.П. Викторов, С.Ф. Платонов, Л.Н. Перетц) — нареканий сообщенные сведения не вызвали, восприняты были с интересом. Сомнений в точности воспоминаний А.П. у меня никогда не было.

Речь идет о правдивости сообщенного, а не о полноте сюжета в целом: так, визит А.М. Добролюбова в Ленинград в 1938 г. заслуживает особого комментария. Ранее В.Э. Молодяков опубликовал запись рассказа А.П. о встрече с Н.А. Ключевым [17] — достоверность повествования сомнений не вызывает. Не знаю других случаев публикации рассказов Могилянского — объясняю это тем, что ввиду самодостаточности и достаточной замкнутости слушателей у него не было, а если таковые и находились, то были бесписьменными. Даром рассказчика А.П. обладал отменным, однако для того, чтобы его разговорить — требовалось очень четко пояснить, о чем именно желательно услышать. То же в отношении вопросов: они должны были быть конкретны.

До сих пор сожалею, что ограничился кратким ответом Могилянского на вопрос об его знакомстве с А.М. Добролюбовым в августе 1938 г., когда тот прибыл в Ленинград и остановился у сестры. Приглашенный Е.Е. Святловским, А.П. немедленно прибыл в Геслеровский пер. с двумя книгами для надписания — однако А.М. отказался от знакомства и от автограф-сессии. Подержав книги в руках — он вернул их со словами: «Все это давно умерло». Более Могилянского не расспрашивал, сам он не стал рассказывать, что знакомство имело продолжение — узнал о том из статьи А.А. Кобринского [4]. Согласно Г.Е. Святловскому (1922–2004), Добролюбова очень заинтересовал несвоевременный почитатель его творений, интерес к которым автор тщетно пытался пробудить у советских издателей в эпоху Большого Террора.

Среди рассказов Могилянского заслуживает внимание повествование середины 1990-х гг. об его визите к Сологубу в мае-июне(?) 1927 г. Как уже было сказано выше, визит организовал В.В. Святловский; приглашение А.П. было передано через Е.Е. Святловского вместе с наставлением: «Никаких вопросов не задавать: очень этого не любит». Визит состоял из двух частей: днем был приглашен один А.П., вечером состоялся совместный с В.В. ужин.

Могилянский прибыл вовремя, Сологуб лично встретил в прихожей и провел в кабинет. Начало беседы было посвящено личности А.П., а затем говорили исключительно о стихах Сологуба. Классик был поражен знанием и пониманием текстов. Для Могилянского Сологуб, которого он представлял только по сочинениям, представлялся единомышленником, весьма близким по оттенкам мировосприятия. О прозе и драматургии его речь не заходила. Иные поэты вообще не упоминались. Вся беседа имела характер экзамена на знание текстов и их понимание. Следует отметить, что биографии Сологуба юный Могилянский тогда совершенно не знал. В конце растянувшейся ни на один час беседы Ф.К. подарил А.П. машинопись неопубликованных стихов (которую тот в середине 1990-х безуспешно пытался продать в РО ИРЛИ — что послужило поводом данных воспоминаний). Последний вопрос Сологуб задал Могилянскому при переходе из кабинета в столовую перед приходом Святловского: «А Вы сами стихи пишете?» — «Нет» — «Это похвально!».

По прибытии В.В. Святловского состоялся чинный продолжительный ужин. Заранее был накрыт был стол на 4 персоны, ухаживал хозяин; более за столом никого не было. (Предназначения 4-го куверта А.П. в ту пору не знал, про себя предположив, что к ужину приглашен также Е.Е. Святловский). К сожалению, не поинтересовался у Могилянского, что именно в тот вечер ели и пили. Сологуб и В.В. Святловский в 1900–1910-е были очень близки, но в последние годы давно не виделись. (Следует отметить, что В.В. был известен и как поэт, автор двух сборников [25]. Заслуживает сожаления, что столь яркий в литературно-общественном отношении индивидуум, завсегдатай «Привала комедиантов», до сих пор не стал объектом пристального внимания местных краеведов [27]). Собеседники обменивались личными новостями, прежде всего состоянием здоровья, иные темы, политические и литературные, почти не затрагивались, а упоминаемые имена были для А.П. неведомы. Юный гость почтительно внимал старшим.

В середине ужина Сологуб, внезапно обратившись к Могилянскому, высказал свое мнение о Шевченко как о *вершине украинской литературы*. Без желания спора с хозяином дома, но осознавая степень его непонимания реалий жизни Шевченко, без которых невозможно обойтись при вынесении того или иного о нем суждения, Могилянский объяснил Сологубу, что до издания 1883 г. Шевченко был практически неизвестен публике, а в качестве творца *украинского национального сознания* он стал восприниматься лишь в XX веке, когда таковое появилось. А.П. обосновал свои тезисы тем, что: 1) После Гоголя в публике появилась мода на малороссийские сюжеты (Г.Ф. Квитка, Е.П. Гребенка). 2) Для малороссов Шевченко находился в тени П.А. Кулиша, а для столичных любителей поэзии с малороссийскими сюжетами его явно затмил Н.Я. Прокопович, чьи стихи были отмечены Н.В. Гербелем, определявшим поэтическую моду 1850–1860-х. 3) Мотивация творчества Шевченко — всего лишь «желание завистливого человека *выбиться в люди* — практический склад ума заставлял его изображать *кобзаря* в домах богатых помещиков». 4) Итог неутешителен: «Как поэт Шевченко — типичное российское явление востребованного эпохой литератора. Подлинная слава к поэту в России может прийти посмертно, чему примеры Надсон и Некрасов». В ответ на категоричные суждения не достигшего 18-ти лет юноши — последовало молчание обоих сотрапезников. Воспользовавшись паузой, Ф.К. переключился на В.В. и более до завершения ужина вообще внимания на А.П. не обращал.

Прощался Сологуб со Святловским долго и душевно. (Вероятно, оба понимали, что более не суждено встретиться). Что же касается А.П., то Ф.К. простился с ним подчеркнуто сухо, предложив *заходить*, однако не указав желаемое время визита. Почти сразу по выходе Могилянский подвергся словесной выволочке от Святловского: тот упрекал его за то, что в гостях имел редкое нахальство спорить с хозяином («кто он и кто Вы?»), к тому же значительно старшим по возрасту (Ф.К. был старше даже В.В. на 6 лет). А.П. предпринял тщетную попытку оправдаться — в его намерения не входило спорить с почитаемым им великим поэтом, но была лишь сделана попытка кратко объяснить ему сущность того феномена Шевченко, которую Сологуб не понимал, никакой бестактности в том не было, поскольку тема беседы была предложена Сологубом. В ответ В.В. *почти рывкнул*: «Свои знания надо держать при себе!». (Мудрому совету А.П. не внял, что во многом осложнило его пребывание в ИРЛИ). В заключение Святловский наставил провинциала Могилянского в правилах столичного этикета: само приглашение *заходить* («прощание по-петербургски») есть вежливая форма расставания, если не полного отказа от дома. (В отличие от приглашения «заходить запросто» или с указанием времени визита). Ввиду этого новый визит к Сологубу (даже с извинениями, что сразу предложил А.П.) будет выглядеть крайне бестактно. Второе указание на допущенную им неловкость некоторое время спустя А.П. услышал от И.М. Святловской (вероятно, уязвленной неприглашением Е.Е.) — в дальнейшем она относилась к А.П. более прохладно, чем муж.

Все же некоторое время спустя имел место второй визит Могилянского к Сологубу. Солнечным днем, спустившись с Тучкова моста по пути

к себе в Геслеровский пер, А.П. углядел стоявшего около дома на Ждановской наб Сологуба. (Вероятно, вышел погреться). Проходя мимо, А.П. поздоровался — в ответ получил приглашение *заходить*. Преисполнившись дерзости, А.П. попросил назначить время и спустя день или два визит состоялся. На сей раз — полная противоположность: Могилянский был впущен в прихожую, после чего пошли доложить, затем он был приведен к дверям кабинета. Сологуб не вышел из-за стола — усадив гостя напротив, был подчеркнута любезен, но не более. Вежливый светский разговор всецело был посвящен успехам визитера, о поэзии, тем более о Шевченко, речь не заходила. Могилянский вопросов не задавал и отвечал кратко. Через четверть часа поднявшийся Сологуб дал понять об окончании аудиенции, до дверей кабинета не проводил, *заходить* не пригласил и стихов не подарил. Более А.П. и Ф.К. не встречались. В конце того же 1927 года перешли в мир иной два участника застольной беседы: В.В. Святловский скончался 22 ноября, а Ф.К. Тетерников пережил его всего на две недели (5 декабря).

В полной мере А.П. осознал как повод для беседы о Шевченко, так и степень своей бестактности лишь в 1934 г., когда Гослитиздат выпустил в свет изящный том: «Шевченко Т.Г. Кобзарь: избранные стихотворения в переводе Федора Сологуба». Изданная по материалам архива Сологуба М.М. Новицким и Н.К. Пиксановым, в настоящее время книга памятна участием В.М. Конашевича в оформлении — она не дает ничего нового для понимания Шевченко, а в части переводческого мастерства Сологуба — представляет пожилого *поэта* умелым *перелагателем*. (Впрочем, не мне то судить!) Для Могилянского книга объяснила причину, по которой Сологуб, работавший во время встречи с ним над переводами Шевченко — внезапно заговорил о нем в застольной беседе. Вполне вероятно, что панегириком *Кобзарю* Сологуб хотел сделать приятное молодому киевлянину — но *не на того нарвался*. Для Могилянского Шевченко более связывался с традициями русского бытового и литературного сервизизма, чем с украинским фольклором. Отрадно, что едва ли знавший о существовании А.П. украинский публицист О.А. Бузина (1969–2015) пришел к схожим выводам, однако изложил их радикальнее [2]. Несравнимо более Могилянский переживал из-за неосторожного указания 64-летнему Сологубу на обычай *посмертного признания поэта в России*.

При исключительной деликатности А.П. даже допущенная почти 70 лет назад бестактность крайне его тяготила. Вспоминая встречу с Сологубом, Могилянский попытался объяснить мне свою правоту тем, что рассказывал о Шевченко очень кратко и не стал упоминать даже то, что *кобзарь* был почти полностью русскоязычен, писал и говорил по-русски, да и тексты построены на основе русского языка с вкраплением большого количества украинских слов — и рассчитывал он на русских слушателей, а не украинских читателей, которых при жизни у него почти не было. Несомненной заслугой Шевченко было привлечение внимания русского общества к украинской литературе, но его несомненным грехом пред нею то, что своей монументальной фигурой он затмил в сознании масс более значимых собственно украинских писателей. *Вершиной* украинской литературы Могилянский воспринимал Ивана Франко.

Свое объяснение предо мною А.П. завершил ссылкой на авторитетное мнение дяди: М.М. Могиланский не раз обращался к теме взаимоотношений Шевченко с современниками и соплеменниками, однако был более сдержан и академичен в выводах, чем племянник-правдолюб. В дальнейшем Шевченко не входил в сферу исследовательских интересов А.П., но не переставал его занимать. Отмечу, что с крайней неприязнью он относился к М.Я. Полякову, полагая, что именно его статья в БПБСЦИ дала установку последующему официальному советскому *шевченковедению*. К И.Я. Айзенштоку относился уважительно, искренне сожалел, что тот успел опубликовать лишь ничтожно малую часть того, что знал. С величайшим уважением А.П. относился к Ф.Я. Прийме, чью монографию «Шевченко и русская литература XIX века» (1964) считал наиболее обстоятельным и объективным исследованием о *кобзаре*. Не премину отметить, что в ходе экскурса А.П. в *недоразумение 1927 года* имя крупнейшего *шевченковеда* всех времен Ю.А. Меженко упомянуто не было.

Знаток украинской словесности, Могиланский в развитие данной темы имел смелость высказать экзотическое (но вполне еретическое с точки зрения официального литературоведения) мнение о русском в нее вкраплении как о главной основе той малороссийской литературы (от И.П. Котляревского до Н.И. Костомарова), на основе которой по мере роста населения и увеличения в нем процента грамотеев и возникла литература украинская. Переломными, с точки зрения А.П., стали 1870–1880-е годы: если Марко Вовчок все же была создана русской литературой, то Леся Украинка стала творцом литературы украинской, которая в дальнейшем развивалась самостоятельно, но лишь в отдельных наиболее значимых ее представителях. (Советская литература на украинском языке вообще в круг интересов Могиланского не входила).

Сюжет о Шевченко и тема украинской литературы внезапно возникли в продолжение сюжета о Сологубе: ни до, ни после в беседах с А.П. эти имена не упоминались и украинская тема не затрагивалась.

По моему предположению, сыграл роль и фонетический дискомфорт от речи Могиланского. Знавший его с 1930 г. А.А. Морозов обратил внимание на то, что тот никогда не повышал голоса, не спорил, а объяснял собеседнику (или слушателям) очевидные вещи, которые те не смогли понять — причем говорил совершенно бесстрастно, как будто снисходил до уровня развития заведомых невежд. Слушатели, поневоле ощущавшие себя таковыми под интонационным гипнозом А.П., уже а priori не могли испытывать к ментору чувство признательности — и едва ли Сологуб стал исключением.

Заканчивая тему «Сологуб и Могиланский», упомяну о моем отказе от визита в РО ИРЛИ с предложением приобрести копию (неавторизованная машинопись) стихов Сологуба. На то А.П. горестно ответил: «Придется мне идти самому». Сходил; отказ РО ИРЛИ от сей негодии был прогнозируем: те стихи в фонде Сологуба уже были. Мне неизвестна судьба этой машинописи — несравнимо больший интерес представляет участь сделанной А.П. копии шести неопубликованных писем Ленина 1906–07 гг. Н.М. Могиланскому по т.н. «украинскому вопросу». Впрочем, судьба архива и огромной библиотеки А.П. заслуживает особого рассмотрения.

1990-е годы Могиланский провел в благостном покое: ничто не мешало неторопливому труду, к тому же появилась возможность публиковаться за собственный счет. Первая книга была посвящена главному любимцу автора — Писемскому [18]. Созданная в конце 1950-х, переполнена схоластическим литературоведением: в том *взбаламученном море* утонул живой сочинитель, чья жизнь была изучена Могиланским досконально.

К сожалению, наиболее сочные биографические подробности жизни Писемского в ней не упомянуты. Так, трогателен вывод А.П. об обыкновении героя перед выходом из дома непременно прикреплять картонку к ноге с наказом, куда именно следует доставить тело в случае кончины: «Весьма разумная и для нашего времени предусмотрительность». Вопрос о биографии Писемского в ЖЗЛ, написанной С.Н. Плехановым [21], вызвал недоумение. «Что он может знать о Писемском?» — удивился моей наивности А.П. (Сам разговор о книжонке он счел недостойным — доныне укоряю себя за бестактность).

Для завершения истории с созданием книги «Писемский» отмечу, что она представляла собой пятую переработку дипломного сочинения 1929 г. Вторая переработка была сделана в 1934 г. для предисловия к тому писем «Литературного архива», но была забракована Ю.Г. Оксманом в пользу М.К. Клемана. Третья переработка была сделана в 1939 г. для несостоявшейся защиты диссертации в стенах ИРЛИ. Четвертую переработку сделал А.П. в 1959 г. под впечатлением от издания под грифом ИРЛИ монографии Н.И. Пруцкова «Творческий путь Глеба Успенского» (М.; Л.: АН СССР, 1958). Будучи уверен, что дирекция ИРЛИ с радостью напечатает книгу, а издательство вознаградит гонораром, поскольку труд был *внеплановым* — Могиланский представил машинопись «Творческий путь А.Ф. Писемского» ученому секретарю В.П. Вильчинскому, но тот даже не стал смотреть внутрь, резонно возразив: «Если мы начнем внеплановое издавать, то все захотят публиковаться». (В АН СССР право на издание монографии воспринималось как награда). Довод А.П., что его книга в научном отношении лучше опуса Пруцкова — Вильчинского не смог поколебать: «Так все и без книги знают, что Никита дурак». (Пруцков рассматривался как кандидат на пост директора ИРЛИ, имел апологетов и хулителей). А.П. не был в обиде на Вильчинского: «Тихий пьяница, дорожил своим местом, он понимал, что сравнение обеих книг явно было бы не в пользу Пруцкова». В издании 1991 г. текст А.П. если переработал, то незначительно. Увы, книга А.П. осталась незамеченной: в «шальные ельцинские дни» (А.В. Добрынин) интеллектуалам было не до Писемского и Могиланского...

Заслуживает внимания мнение А.П. об основополагающих принципах современного ему литературоведения.

В воззрениях на столпы российской словесности Могиланский здраво исходил из того, что «Лермонтовым, Гончаровым, Тургеневым, Достоевским, Островским, Толстым, Чеховым заниматься просто: все они уже досконально изучены, особой сложности нет, а посему литературоведам они *выгодны*. Напротив, классики второго ряда, как то Писемский, Максимов, Мельников, Лесков, Станюкович, Шеллер, Гаршин, Альбов до сих пор должным образом еще не изучены, а посему доб-

росовестным литературоведам заниматься ими весьма *невыгодно*: значительная часть времени уйдет на подготовительную работу, а не написание книги набело». Крылов и Пушкин представлялись А.П. творцами «новой русской литературы» — предшествующие периоды он называл «древним» (*докантемировский*) и «архаическим» (*докарамзинский*), а период последующий — «новейшим» (рубеж веков, взаимодополняющие тексты Горького и декадентов). Современная советская литература вообще не интересовала А.П. на протяжении его весьма продолжительной жизни. Говоря о двух «классиках второго ряда», как то об Успенском и Короленко, А.П. отметил, что значение первого излишне преувеличено по соображениям конъюнктуры, а вторым объективно заниматься невозможно из-за отношения его к советской власти.

Помимо написанной еще в 1950-е монографии о Писемском, в 1990-е Могилянский издал не менее 7-ми книг (все — за свой счет). Рассмотрение их заслуживает отдельной статьи — упомянем только три выпуска «Вопросов научной достоверности» (СПб.: Судостроение; Элмор, 1991–1995), где были собраны «отвергнутые редакциями и вызвавшие глумление критиков» статьи на разные темы. О своих заслугах автор скромно упомянул: «С отроческих лет занимался наукой как целым. В течение шестидесяти лет решал научные задачи, не поддававшиеся усилиям других ученых».

Обстоятельная статья «Адамово ребро», «написанная в 1969 г. по конфиденциальному заказу “Литературной газеты”», заслуживает внимания в историографии гендерной эмансипации. «Основываясь на данных последних достижений науки» автор попытался опровергнуть «традиционные мужские заблуждения, в частности, сознание собственного превосходства по отношению к женщине». Согласно А.П., женщина является полноценным человеком, вполне интеллектуально развитым, иногда она даже способна к творческой и научной деятельности. В подтверждение данной оригинальной гипотезы, помимо неизбежных Анны Ахматовой и Марины Цветаевой, Могилянский привел Веру Инбер, Мариэтту Шагинян и Аннете Дросте фон Хюльскоф. В заслугу З.Н. Гиппиус он поставил то, что та «злобно писала о самодержавии и либерализме». Рассматривая ученых женщин, вместо традиционных С.В. Ковалевской и М. Склодовской-Кюри, А.П. указал на В.П. Адрианову-Перетц как на пример для подражания ученым мужчинам [14, с. 58–64]. (Вероятно, имелся в виду Д.С. Лихачев, едва ли узнавший об этой укоризне). Сразу по выходе 20.04.1993 А.П. поднес книгу ученому секретарю БАН Н.К. Леликовой — она передала ценный дар в основной фонд БАН. В переломные для России 1990-е годы открытие Могилянского прошло незамеченным, ни интереса, ни полемики оно не вызвало, отчего «неуважительное отношение к женщине до сих пор сохраняется».

С Библиотекой Академии наук связана история создания другого труда А.П. В его книжном собрании имелся 2-й том сочинения амстердамского фармацевта Ламберта Бидлоо «Уничтожение еврейского народа» (Bidloo L. Verwoesting des joodschen volks. Amsterdam, 1726).

Книга, по мнению Могилянского, представляла исключительную редкость, поскольку тираж трехтомника (1725–1727) был уничтожен амстердамскими евреями, а имя автора не упоминается в библиографических

трудах. «Чашу терпения руководящих органов сионизма переполнило уже само название книги». По мнению Бидлоо (в пересказе Могилянского), приход Спасителя стал роковым для отвергнувшего его народа — а приводимая автором система доказательств представляла собой опасность целостности этнического самосознания, что и вызвало ответные меры *сионистов*. (Сведения об их злодеяниях восходят к рецензенту издания Ю.К. Бегунову: предполагаю, что именно его оригинальному творческому методу воссоздания всемирных причинно-следственных связей исторического процесса обязано и указание на уничтожение *сионистами* тиража).

Могилянский узнал, что в главных библиотеках РФ книга отсутствует и в середине 1990-х вознамерился продать ее в БАН, оценив в 2000 \$. От коммерческого посредничества мне удалось уклониться, а посему А.П. нанес личный визит заведомо редкой книги Е.А. Савельевой, которую помнил худеньким подростком. Вопреки ожиданиям, предложение Могилянского не вызвало интереса: Е.А. постаралась доброжелательно и доходчиво объяснить новые реалии существования БАН, в частности то, что деньгам можно найти несравнимо более разумное применение, чем приобретение книг. (В простоте своей А.П. полагал, что главной целью библиотек является комплектование фондов и восполнение лагун). Удивить чем-либо Могилянского было трудно, в полемику он вступать не стал, а посему унес драгоценную книгу обратно; судьба ее мне неизвестна. Сообщение о ней А.П. облек в виде брошюры, где было указано: «Книга издана на средства автора для ученых самой высокой квалификации самым низким тиражом» [16]. Согласно воле автора-издателя я передал первый экз. из 50-ти в БАН.

Последним ярким публичным выступлением Могилянского был доклад «Сообщение о фундаментальном открытии в области космологии» 18.05.1994 в малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра РАН. Все приглашенные докладчиком слушатели (человек пять, многим его моложе, и аз грешный) под надзором главного ученого секретаря СПбНЦ РАН Э.А. Троппа с неусыпным вниманием выслушали полуторачасовой доклад, посвященный понятиям пространства и времени в мировоззрении М. Планка. «В прениях по докладу никаких опровержений заявлено не было» — с удовольствием то подтверждаю. Слушатели настолько прониклись картиной «взаимного дополнения макромира и микромира», что высказанное А.П. сомнение в «необходимости поддержания культа Эйнштейна» возражений не вызвало.

Летом 1997 г. Могилянский последний раз побывал в БАН и взошел в мансарду на Колпинской: в возрасте 88 лет подниматься на 6-й этаж стало затруднительно, а все интересовавшее в фондах БАН он уже успел прочесть за семь десятилетий читательского стажа. Тогда же А.П. перестал покупать книжные новинки. В 2000 г. Могилянский перестал выходить из квартиры в Рыбацком, просиживая у приоткрытого окна и созерцая Неву. Гостеприимен А.П. был по-прежнему и дар рассказчика у него не угас.

Скончался А.П. 11.04.2001, пребывая в исключительной ясности ума и памяти на 92-м году. (Следует отметить, что он не курил, не употреблял алкоголь, никогда не торопился и не волновался). Отпевали его в храме

Иова Многострадального; погребен Могилянский на Волковском кладбище (новая часть) при четверых провожавших (вдова, две ее сестры и аз грешный).

Закончу характеристикой А.П. как *воспоминателя*. Допуская, что мое мнение о нем может быть пристрастным — сошлюсь на суждение человека, более компетентного и знавшего его с 1930 г., т.е. 55 лет. Когда во главе СССР пребывал К.У. Черненко, в 1984 г. в РО ИРЛИ прибыла его дочь Вера Константиновна, доцент МГИК, преподаватель кафедры литературы. (Как вспоминали студенты — влюбленная в русскую литературу XIX века). Темой архивных разысканий была «Драматургия Писемского». Чтобы сотрудники ИРЛИ не докучали августейшей исследовательнице кляузами и просьбами, завотделом К.Н. Григорьян поселил ее с компаньонкой (привезенной ею для списывания рукописей) в своем кабинете. Из беседы с В.К. я выяснил, что познания ее о Писемском основаны на томе из «Библиотеки драматурга» и советском 9-томнике, а иная литература вопроса остается неведомой. Когда же принес том писем Писемского («Литературный архив») и указатель К.Д. Муратовой, то К.Н. с необычайной выразительностью на меня посмотрел. Как только удалился — К.Н. тотчас вышел за мной в коридор и наставительно изрек: «Только не говорите ей что Могилянский жив — она захочет с ним встретиться, а он ей такого про наш Институт расскажет!.. **Ведь он же все помнит!**». На этом закончу.

Список источников

1. Ананьич Б.В., Панях В.М., Цамутали А.Н. Предисловие // Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / РАН, БАН; сост. М.П. Лепехин. Санкт-Петербург: БАН, 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. V–LXXIV.
2. Бузина О. Вурдалак Тарас Шевченко, или Поддельный Кобзарь: Правдивое повествование. Изд. 5-е. Киев: Арий, 2015. 287 с.
3. В память ушедших и во славу живущих / РНБ; сост. Ц.И. Грин, Г.В. Михеева, Л.А. Шилов. Санкт-Петербург: РНБ, 1995. Кн. 1: Государственная публичная библиотека имени М.Е. Салтыкова-Щедрина, 22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г.: Хроника событий. 239 с.; Кн. 2: Письма читателей с фронта. Дневники и воспоминания сотрудников Публичной библиотеки, 1941–1945. 294 с.
4. Кобринский А.А. Разговор через мертвое пространство (Александр Добролюбов в конце 1930–х — начале 1940–х годов) // Вопросы литературы. 2004. № 4. С. 198–253.
5. Крылов И.А. Басни / АН СССР, ОЛЯ; издание подготовил А.П. Могилянский. Москва; Ленинград: АН СССР, 1956. 635 с., 10 л. ил. (Литературные памятники).
6. Крылов И.А. Стихотворения / предисл., подг. текста и примеч. А.П. Могилянского. Ленинград: Советский писатель, 1954. 675 с., 1 л. фронт., 1 л. ил. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд.).
7. Левинсон-Лессинг В.Ф. Михаил Васильевич Доброклонский. (К 40-летию службы в Государственном Эрмитаже). Ленинград: ГЭ, 1959. 24 с., 1 л. фронт.
8. Лепехин М.П. Из истории Библиотеки Академии наук: Владимир Павлович Виктор (1889–1936) // Сборник научных трудов (по материалам научных конференций БАН) / БАН. Санкт-Петербург: БАН, 2010. С. 149–172.
9. Лепехин М.П. Коплан Борис Иванович // Литературный Санкт-Петербург XX века: энциклопедический словарь / гл. ред. и сост. О.В. Богданова. Санкт-Петербург, 2015. Т. 2. С. 293–294.

10. Лепехин М.П. Об административной деятельности С.Ф. Платонова во второй половине 1920–х гг. // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: Исследования и материалы / СПбГУ, РАН, ОИФН, АК; отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. Санкт-Петербург: Любавич, 2011. С. 165–192.
11. Лепехин М.П. Симбиряне Викторovy: П. В.П. Викторov — погубитель Пушкинского Дома // V Сытинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции «История и культура Поволжья в микроисторическом измерении» / Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Родина В.И. Ленина». Ульяновск, 2010. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010. С. 545–561.
12. Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли / РАН, ИРЛИ; ред.-сост. М.П. Лепехин. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 397 с.
13. Матвеева И.Г., Шилов Л.А. Могиланский Александр Петрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры / РНБ. Санкт-Петербург: РНБ, 2003. Т. 3: Государственная публичная библиотека в Ленинграде, 1931–1945. С. 395–397.
14. Могиланский А.П. Вопросы научной достоверности. Санкт-Петербург: Элмор, 1993. Вып. 2. С. 58–64.
15. Могиланский А.П. Вопросы научной достоверности. Санкт-Петербург, 1995. Вып. 3. С. 6.
16. Могиланский А.П. Иисус Христос. Санкт-Петербург: [Элмор], 1997. 38 с. Тираж 50 экз.
17. Могиланский А.П. Ключев на средах Карпинских (черты жизни одного семейства) / публ. и примеч. В.Э. Молодякова // Простор. 1996. № 12. С. 109–110; То же // Николай Ключев глазами современников / сост. А.Н. Михайлов. Санкт-Петербург: Росток, 2005. С. 143–144; То же // Николай Ключев: Воспоминания современников / сост. П.Е. Подберезкина. Москва: Прогресс-Плеяда, 2010. С. 316–319.
18. Могиланский А.П. Писемский: Жизнь и творчество. Ленинград: [Редактор], 1991. 160 с.
19. Наука и Научные работники СССР / АН СССР, Комиссия учета и изучения научных сил СССР; под ред. С.Ф. Ольденбурга. Ленинград: АН СССР, 1934. Ч. V: Научные работники Ленинграда. С. 243.
20. Писемский А.Ф. Письма / АН СССР, ИЛИ; подг. текста и примеч. М.К. Клемана и А.П. Могиланского; предисл. М.К. Клемана. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936. 928 с., 1 л. фронт., 18 л. ил.
21. Плеханов С.Н. Писемский. Москва: Молодая гвардия, 1986. 286 с. (Жизнь замечательных людей. № 666).
22. Публичная библиотека в годы войны, 1941–1945: дневники, воспоминания, письма, документы / РНБ; сост. П.Л. Вахтина, М.К. Свиченская. Санкт-Петербург: РНБ, 2005. 576 с.
23. Пушкинский Дом: Материалы к истории, 1905–2005 / РАН, ИРЛИ. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2005. С. 485–486.
24. Раздольская В.И. Михаил Васильевич Доброклонский // Факультет теории и истории искусств, 1937–1997 / сост. Г.Н. Павлов, Н.Н. Никулин. Санкт-Петербург, 1998. С. 17–21.
25. Святловский В.В. Янтари. Пг., 1916. 120 с.; Седые города. Пг., 1917. 148 с.
26. Соколинский Е.К. Ю.А. Меженко: Библиограф на ветрах истории. Санкт-Петербург: РНБ, 1998. 248 с. (Деятели Российской национальной библиотеки).
27. Сучков С.В., Петухова О.В. Святловский Владимир Владимирович // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Москва: БРЭ, 2007. Т. 5. С. 527–529.
28. Могиланский А.П. Листок учета кадров (1936, 1937) // СПбФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. № 116, 269.

ЛЕПЕХИН М. From the history of academic literary studies: Taras Shevchenko, Fedor Sologub and Alexander Mogiliansky in their relationship

Lepikhin Mikhail — Senior Researcher, the Research Department of bibliography and library science Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: mpl2612@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the biography of the Russian Academy of Sciences Library reader with 70 years of reading experience Alexander Mogiliansky (1909–2001), famous literary historian and his oral memoirs. In particular, it is reported about Mogiliansky's acquaintance with Fedor Sologub and his attitude to Taras Shevchenko.

Keywords: Russian Academy of Sciences Library, Pushkin House, «Process of Academy», The Siege of Leningrad, Alexander Mogiliansky, Fedor Sologub, Taras Shevchenko.

УДК 025.5
ББК 78.5

Н.А. Волкова, Н.А. Сидоренко

**БИБЛИОГРАФ ОТ БОГА:
к 100-летию со дня рождения Наталии Михайловны Розовой**

Волкова Наталья Александровна — заведующий Справочно-библиографическим отделом Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

Сидоренко Наиле Афрасьябовна — главный библиограф Справочно-библиографического отдела Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

АННОТАЦИЯ

Приведены краткие сведения о Наталии Михайловне Розовой (1923–2016), ее профессиональной карьере в Библиотеке Российской академии наук. Охарактеризовано главное направление ее деятельности — библиографическая доработка неточных читательских требований. Отмечен особый вклад Н.М. Розовой в выполнение библиографической атрибуции изданий, пострадавших во время пожара 1988 г.

Ключевые слова: Розова Наталия Михайловна, библиография, уточняющий библиографический поиск, библиографическая атрибуция фрагментов обгоревших книг, Библиотека Российской академии наук.

26 апреля 2023 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Наталии Михайловны Розовой — библиографа, сотрудника Справочно-библиографического отдела БАН. Этому событию была посвящена открывшаяся накануне книжно-иллюстративная выставка. На экспозиции были представлены различные материалы (книги, журналы, копии документов, пояснительные тексты, фотографии и др.), благодаря которым можно было проследить жизненный и профессиональный путь Наталии Михайловны, получить представление о значительном вкладе, внесенном ею в деятельность БАН.

* * *

Наталия Михайловна Розова — один из долгожителей БАН, библиограф, который в течение своей карьеры ежедневно участвовал в осуществлении Библиотекой своей основной миссии — качественного обслуживания читателей. Специализация Наталии Михайловны — уточняющий библиографический поиск — крайне необходима в крупной научной библиотеке, т.к. имеет своей целью помощь читателям в уточнении неполных или искаженных библиографических данных о документе. Неточное требование не может быть выявлено в Генеральном алфавитном каталоге (далее ГАК), не может быть зашифровано, книга или журнал не могут быть доставлены читателю — он получает на свое требование отказ.

За более чем полвека работы через руки Наталии Михайловны Розовой прошли тысячи неудовлетворенных читательских требований, которые ее усилиями уточнялись и превращались в подлинные (правильные)

научные ссылки. В большом проценте случаев, после уточнения они получали шифр фонда БАН и документ доставлялся читателю.

Н.М. Розова пришла в БАН в 1955 г. зрелым человеком (как сама она говорила, «без году бальзаковского возраста»). За плечами была война, диплом о высшем историческом образовании был получен только в 1954 г. Она считала трудоустройство в БАН большой удачей, надеясь, что в этом «царстве книг» ей «удастся послужить музе Клио».

Первые годы работы в Главном читальном зале (Отдел обслуживания) были полны впечатлений. С одной стороны, Н.М. Розова познакомилась с тем, как работает и каким Подсобным фондом располагает Читальный зал, с другой стороны, через читательские требования для нее открывались масштабы, тематическое и хронологическое многообразие фондов БАН. 1950–1970-е гг. были временем большой востребованности научного знания, в БАН приходило очень много читателей, на всех пунктах обслуживания фиксировались огромные показатели по книговыдаче (напр., в 1975 г. посещаемость составила 424 тыс., количество требований — 571 тыс., книговыдача — 2,9 млн ед. хр. [1, с. 212]).

По собственному, пока небольшому, опыту и по озабоченности старших коллег Наталия Михайловна понимала, что существуют слабые места в обслуживании читателей, и эти несовершенства наблюдаются в разных отделах БАН. При ней неоднократно заходили разговоры о нечеткой, подчас, работе хранилища, о неполноте ГАК, о большом количестве «отказов» — неудовлетворенных читательских требований. Согласно статистике конца 1950-х гг., ~10–12% всех поданных требований получали ответ ГАК: «В БАН — нет». Это печальное обстоятельство задевало и беспокоило младшую дежурную Н.М. Розову, которая уже была наслышана о возможностях уточнения методами библиографического поиска.

Наталия Михайловна перешла в группу библиографической доработки читательских требований, которая была официально образована в Отделе обслуживания в январе 1959 г. Началось серьезное и целенаправленное самообразование Н.М. Розовой — в фонде справочно-библиографического сектора Отдела обслуживания, в ГАК, в основном фонде, в чем ей помогали библиографы-педагоги, давно работавшие в БАН: М.В. Цветкова, Ф.С. Портнова, Л.М. Гаркави, Л.Г. Гринберг, С.Г. Финкельсон. В первые годы работы удалось также закончить Библиотечные курсы, функционировавшие в БАН.

За несколько лет интенсивного изучения информационного потенциала сектора и постоянной библиографической практики Наталия Михайловна не только хорошо овладела справочно-поисковым аппаратом БАН и познакомилась с каталогами и фондами различных отделов, но сумела глубоко проникнуть в суть поисковой библиографической работы, почувствовать к ней вкус. В конце 1960-х гг. она возглавила группу библиографической доработки читательских требований и оставалась в этой должности до окончания службы в БАН (октябрь 2009 г.).

В эти годы в БАН функционировала комиссия, целью которой было усовершенствование всего цикла работ с читательскими требованиями — от подачи требования до получения читателем заказанной литературы (Н.М. Розова была в ее составе). С выходом в свет инструкции

под сокращенным названием «Путь читательского требования в БАН» [2] появился документ, регламентировавший все технологические процессы, связанные с приемом, прохождением и выполнением требований в отделах БАН, определивший функции и зоны ответственности, порядок и ритмичность работы.

Упорядочение пути читательского требования позволило группе библиографической доработки и ее руководителю больше времени уделять методической и воспитательной работе. Так, много сил было отдано организационно-методической работе с библиотеками-абонентами БАН по МБА, для которых проводились занятия, семинары и тренинги, нацеленные, в частности, на библиографически грамотное оформление бланк-заказа, направляемого в другие библиотеки.

Для того, чтобы молодой библиограф лучше осваивал библиографические источники и мог более гибко комбинировать их при разысканиях, Н.М. Розовой была разработана примерная типология этих пособий, насчитывавшая 14 основных видовых групп. Каждая группа источников была кратко охарактеризована с позиций той поисковой ситуации, в которой она (эта группа) могла бы быть применена наиболее адекватно. Использование типологии позволяло лучше сориентироваться во всем библиографическом фонде, почувствовать в нем внутренние связи, что, в свою очередь, способствовало развитию большей точности, логичности и последовательности библиографических разысканий. Позднее эта типология была описана в статье [3], а также включена в инструктивно-методические материалы СБО.

В течение многих лет службы каждый день Наталии Михайловны состоял из сплошного просмотра требований, получивших отрицательный ответ ГАК. Она делила их на «профильные» и «непрофильные», часть отбирала на библиотечную проверку (понятные заявки с типовыми, часто повторяющимися ошибками), другую часть — на библиографическую доработку. Последние она приносила в отдел, распределяла между сотрудниками, контролировала их выполнение и возврат на диспетчерский пункт, вела статистику. В годы большого наплыва читателей группой уточнялось до 100 требований в день, а это означало, что в среднем 50 читателей или абонентов получали из фондов БАН требуемые издания, статус которых еще накануне считался неясным.

Пожар, произошедший в БАН 14–15 февраля 1988 г., поставил библиографов лицом к лицу с невиданной библиографической задачей — атрибуцией безымянных обгоревших фрагментов книг. Безымянных потому, что это были пострадавшие от огня и воды части книг без начала и конца, без опознавательных признаков и следов библиотечной обработки. Необходимо было вернуть им имя (автора, заглавие, выходные данные и т.д.), попытаться воссоединить этот кусочек с другой частью этой же книги, возможно, где-то стоящей и ожидающей опознания. В такой драматический момент и было востребовано профессиональное мастерство Наталии Михайловны Розовой и ее друга Людмилы Михайловны Герасимовой.

Атрибуция пострадавших изданий была совершенно новой специфической практикой, для реализации которой потребовалось иное преломление знакомых приемов библиографических разысканий. Необходимо

было не уточнение имеющегося (хоть и неточного) заглавия, а реконструкция его по остаткам сохранившейся во фрагменте информации, буквально, возрождение заглавия из пепла (в переносном и, увы, в прямом смысле). Поэтому важнейшим в этой работе было тщательное и всестороннее изучение фрагмента, подчас исчерпывающий сбор содержательных и книговедческих признаков, к которым могли относиться: тематика, персоналии, библиографические ссылки, аббревиатуры; годы, факты и события, учреждения, географические названия, объекты; бумага, печать, шрифт, пометы, язык, орфография, формат, количественная характеристика книги и др. Словом, все, что могло бы «заставить» фрагмент «заговорить», «проявить свою семантическую активность»... Атрибуция продвигалась медленно и трудно, была сопряжена с множеством сложностей, проб и ошибок, догадок и разочарований, бесконечных проверок и перепроверок, возвратов к началу поиска. Тем не менее, за четыре года методами библиографической реконструкции целого по его части были восстановлены и возвратились на стеллажи около трех тысяч книг, главным образом из иностранного фонда К.М. Бэра, наиболее пострадавшего при пожаре. Этой уникальной работе были посвящены несколько статей [4, 5].

Важным результатом деятельности библиографа Н.М. Розовой (в соавторстве с Л.М. Герасимовой) стала книга о традиционном библиографическом поиске, основой для которой послужил богатый опыт практической деятельности [6]. В ней были изложены взгляды авторов на библиографическую эвристику, описаны подходы, принципы и стратегии уточняющего библиографического поиска. Авторы сформулировали общие приемы комплексного анализа неудовлетворенного читательского требования, предложили углубленную поэтапную схему поиска, главными позициями которой являлись: 1. нулевой цикл (Preparation) — смысловое, терминологическое, топо-географическое уточнение; 2. поэтапное обследование запроса с целью выявления основного и дополнительных определителей поиска; 3. установление ресурсообеспеченности для всех возможных ходов поиска; 4. проверка и уточнение запроса; 5. фиксация алгоритма поиска. Любое объяснение, логическое размышление, предостережение иллюстрируется в книге примерами оригинальных, запутанных, удивительно интересных и неожиданных библиографических разысканий.

Книга была положительно оценена коллегами из других библиотек, удостоилась почетного диплома на Всероссийском конкурсе по библиотечному делу 1997 г., неоднократно цитировалась.

И все-таки главным в личности Наталии Михайловны было то, что она была великим тружеником, вездесущим и неутомимым, с «приставаниями» по самым разным сюжетам к сотрудникам (и не только БАН) потому, что запрос читателя становился ее личным запросом. Стиль ее работы отличали гарантированное высокое качество, тщательность, всеохватность, постоянство, точность и гибкость. Этому же она учила и своих учеников. От коллег по группе Н.М. Розова требовала красивого, даже изящного, использования фонда СБО, знания редких проблемных указателей. Очень высоко она ценила логичность размышлений, комплексность и завершенность даже и в неудавшихся поисках.

В общении с читателями Наталия Михайловна была равна, терпелива, уважительна. Далеко не всегда подозревая об этом, читатели получали в ее лице верного помощника и защитника их интересов. Бывало, она говорила: «Командировочного жалко» и стремилась вовремя уточнить заявки такого читателя, чтобы, например, предстоящие выходные дни он провел в БАН с максимальной пользой.

Как сотрудник, полностью подчиненный ритму и графику прохождения требований, Наталия Михайловна не могла поддаваться соблазну досконально и долго заниматься одним запросом — «поиск конечен», говорила она и, шутя, добавляла: «А наш удел знать понемногу о многом». Зато острая память, широкий кругозор, чуткость к запросу читателя позволяли ей через поток требований-отказов оценивать объем и палитру запрошенного знания, отмечать изменение читательских интересов, отслеживать едва намечающиеся новые научные направления.

Своим доскональным владением тайнами библиографической эвристики, своим редким библиографическим чутьем она приносила реальную повседневную пользу читателям, и, в конечном итоге, отечественной науке.

В год 100-летия со дня рождения Наталии Михайловны Розовой мы с гордостью и благодарностью вспоминаем нашего коллегу — библиографа-пахаря и библиографа-романтика. За долгие годы работы в БАН ей суждено было «принести на алтарь Отечества» свой светлый разум, огромные знания, уникальное мастерство, сильный характер, щедрое сердце, любовь и терпение. Ей удалось достойно послужить многим музам наук, художеств и ремесел.

Список источников

1. *Зверева Т.В.* Встреча с Библиотекой на всю оставшуюся жизнь / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург : БАН, 2016. 267 с. : ил.
2. Путь требований читателей и абонентов в Библиотеке Академии наук СССР : инструкция : [утв. директором БАН Д.В. Тер-Аванесяном 20 авг. 1973 г.] / Б-ка Акад. наук СССР. Ленинград, 1973. 55 с.
3. *Бахарева Г.В., Розова Н.М.* Типология библиографических пособий, используемых при доработке читательских требований в Библиотеке Академии наук СССР // Информационно-библиографическая работа и ее совершенствование: сб. науч. работ / Б-ка Акад. наук СССР. Ленинград, 1979. С. 61–71.
4. *Розова Н.М., Герасимова Л.М.* Библиографическая реконструкция документа по его части // Библиография. 2003. № 5. С. 3–12.
5. *Розова Н.М., Герасимова Л.М.* Теория и практика атрибуции иностранных изданий Бэровского фонда // Сохранение культурного наследия библиотек, архивов и музеев : материалы науч. конф., С.-Петербург, 14–15 февр. 2003 г. / Рос. акад. наук. Б-ка. Санкт-Петербург, 2003. С. 94–97.
6. *Розова Н.М., Герасимова Л.М.* Традиционный библиографический поиск в Библиотеке Российской академии наук: метод. пособие / Б-ка Рос. акад. наук. Санкт-Петербург : БАН, 1997. 113 с.

VOLKOVA N., SIDORENKO N. Bibliographer from God: on the occasion of the 100th anniversary of the birth of Natalia Mikhailovna Rozova

Volkova Natalia — Head of Reference Department

Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

Sidorenko Naile — Chief bibliographer of Reference Department
Russian Academy of Sciences Library, Saint-Petersburg, Russia, e-mail: sbo@rasl.nw.ru

ABSTRACT

Brief information about Natalia Mikhailovna Rozova (1923–2016), her professional career in the Russian Academy of Sciences Library is given. The main activity of N.M. Rozova — bibliographic retrieval of inaccurate reading requirements — is characterized. Bibliographic attribution of publications affected by the fire in 1988 was her special merit to the institution.

Keywords: Rozova Natalia Mikhailovna, bibliography, clarifying bibliographic search, bibliographic attribution of fragments of burnt books, Russian Academy of Sciences Library.

УДК 023
ББК 78.33ф(2Рос=7Сое)

С.Е. Клещук

РОССИЯ — США: НАУКА И БИБЛИОТЕКИ

Клещук Станислав Евгеньевич — кандидат педагогических наук, независимый исследователь Санкт-Петербурга, Россия, e-mail: ban-rio@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории и деятельности американских научных обществ регионального и национального масштаба в период с XVII в. по 1910-е гг. Особое внимание уделяется библиотекам, их научной и научно-просветительской деятельности, а также роли в информационном обеспечении науки.

Ключевые слова: США, XVII–XX вв., научные общества, библиотеки научных обществ, информационное обслуживание науки, библиотеки вузов, библиотеки промышленных фирм.

За таким броским заголовком последует проза жизни: зарождение библиотек различных видов, создание сети или системы библиотек, объем финансирования, правовое регулирование, ведомственная принадлежность, качество библиотечно-информационного обслуживания специалистов и организаций сферы фундаментальной и прикладной науки в Соединенных Штатах Америки от их зарождения до Первой мировой войны.

Материал располагается следующим образом: 1. Вступление; 2. Библиотеки высших учебных заведений; 3. Библиотеки литературных обществ вузов; 4. НТБ промышленных фирм; 5. Национальная и региональные академии наук, научные общества и их библиотеки; 6. Заключение.

Вступление

Про нашу Российскую империю мы все хорошо знаем: более 300 лет назад, в 1721 г., Петр I поручил своему сподвижнику Лаврентию Блюментросту составить предложения о создании новой государственной структуры — Академии наук, руководящего и направляющего органа, чтобы «науки производить и совершать». В 1724 г. император утвердил проект, установил источник финансирования (таможенные сборы с Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга), оклады академикам, т.е. создал новое сословие — ученых. Официально открыть Академию он не успел, это произошло 1-го августа 1726 г.

При последующих самодержцах создавались Ученые Комитеты при министерствах и ведомствах со своими исследовательскими подразделениями и лабораторной базой, общества естествознания при университетах, исследовательские центры при вузах. Кроме того, власть поощряла и создание добровольных научных и научно-просветительских орга-

низаций группами граждан. Все они имели свои научные или научно-технические библиотеки — это бесспорно. Организация библиотечного обслуживания науки только в Санкт-Петербурге была подробнейшим образом описана в фундаментальной истории БАН СССР за 250 лет, изданной еще в 1964 г.

А как дела обстояли за океаном? Там была своя специфика. По мнению американских и советских ученых — исследователей истории технического прогресса, изучаемый нами период приходится на промышленную (а не научно-техническую) революцию, т.е. на время, когда в американском обществе еще не ощущалась производственно-производительная роль науки. В те века она в Америке еще не была тем резервуаром, из которого черпала свои силы практика [49, с. 8; 14, с. 5; 12, с. 3].

Библиотеки высших учебных заведений

9 ноября 1620 г. с корабля «Мейфлауэр» («Майский цветок») сошли на берег в будущем штате Массачусетс первые 180 колонистов [49, с. 19].

Элита колониального общества в первые десятилетия отличалась достойным уровнем еще европейского высшего образования. В 1646 г. в шести штатах Новой Англии проживало 100 выпускников Оксфорда и 30 — Кембриджа, т.е. на каждые 50 семей был один человек с европейским университетским дипломом.

Но первые 150–170 лет истории США — это тяжелейшая работа по освоению новой территории: строительство дорог, мостов, домов, фабрик, заводов, портов, ферм, магазинов, школ, церквей. В умах преобладал голый практицизм: только 4% населения жило в городах, 1 из 600 человек учился в колледже, а в школу ходило не более 10% детей. В 1776 г. только 2500 чел. имели высшее образование (колледж) на 2,5 млн чел. (белого) населения, т.е. особого слоя лиц интеллектуального труда в США еще не существовало. Тем не менее, Век Просвещения затронул и Новый Свет.

Библиотеки высших учебных заведений страны создавались с первых десятилетий существования США — старейшая была в Кембриджском колледже (основан в 1638 г., г. Кембридж, штат Массачусетс), который позднее превратился в знаменитый Гарвардский университет. С большим отрывом после него появился Йельский университет (1701 г.), Принстонский (1746 г.), Пенсильванский (1755 г.), Колумбийский (1753 г.) [12, 13, 14, 17].

Вплоть до 1830-х гг. вузовская учебная программа во всех ее вариантах состояла из так называемых классических предметов: этики, логики, ораторского искусства, древних языков и «естественной философии» («natural philosophy»), которая предусматривала предоставление знаний по механике, гидростатике оптике, астрономии, магнетизму и электричеству. Следует все же признать, что ко дню провозглашения независимости США (1776 г.) научные изыскания были привилегией и делом немногих богатых и образованных людей [14, с. 8; 12, с. 3; 49, с. 49]. Американские исследователи не скрывают правду: к 1780 г. в их стране было

всего 15 ученых-естественников и инженеров, и лишь в 1876 г. университет Джонса Хопкинса начал специально готовить выпускников исключительно к научной работе в сфере естественных наук.

Планового научно обоснованного комплектования ни в одной библиотеке не велось. Вплоть до 1820-х гг. *среднегодовой* прирост фондов исчислялся десятками: Гарвард — 79, Принстон — 58, Колумбийский — 60, Йельский — 30. К середине XIX в. цифры резко возросли: пошла активная научно-исследовательская работа вузовской профессуры — до 1500–2500 ед. в год.

В отдельные годы в некоторых выделялись деньги на приобретение тематической литературы для студенческих научных работ или для коммерческих работ на стороннего заказчика. В 1820-е гг. в крупнейших университетах начали создавать отдельные факультетские научные библиотеки по медицине, юриспруденции, астрономии — для старшекурсников и профессорско-преподавательского состава.

Тем не менее, вплоть до 1860-х гг. библиотеки американских вузов как социальный институт не стимулировали студентов к «походу за знаниями», ибо не было еще (объективной) после вуза потребности в карьерном и профессиональном росте. (Только с 1862 г. в университетах стали создаваться т.н. *engineering libraries* — библиотеки с фондами технической литературы.) Сами библиотеки еще не стали *центрами* библиотечно-информационного обслуживания собственной американской науки, которая только еще зарождалась и мужала. Платность высшего образования делала его доступным только привилегированным категориям населения — создавалась «информационная элита», информационно-богатый правящий слой и его интеллигенция. (Подробнее: Клещук С.Е., 1989 г.) [47].

Постскриптум: когда в 1865 г. был открыт Массачусетский технологический институт — ныне лучший технический вуз мира — демократы-американцы не постыдились и не постеснялись приехать в самодержавную императорскую Россию и все курсы и все предметы скопировали с Московского высшего технического училища (при сов. власти — им. Баумана).

Библиотеки литературных обществ вузов

Такие библиотеки американцы называют *society libraries* и относят к категории платных подписных библиотек. Сам факт создания и успешной работы этих библиотек можно объяснить тем, что с начала XIX в. в США прогресс и демократию стали рассматривать как доказательство уникальности американской нации, а библиотеки должны были помогать совершенствованию человеческой личности. Студенты не остались в стороне: подписные библиотеки их литературных обществ стали отдушиной, местом литературных споров, обсуждений вопросов литературоведения и лингвистики. Первыми по времени были Йельский и Гарвардский университеты, а комплектование начиналось с даров.

К началу 1850-х гг. в библиотеках некоторых литературных обществ стали выделять литературу справочного характера: по литературоведению

нию, критические материалы о древних и современных авторах как темы для собственных студенческих научных работ.

«Золотой век» для этих обществ кончился в 1860-е гг.: рушилась социальная замкнутость вузов, их становилось больше, всем студенческим объединениям стали давать права как у самых престижных вузов. Кроме того, в программы стали добавлять гуманитарные темы, а университетские библиотеки начали комплектовать фонды по обществоведению, социологии, философии. Естественно, пошли собственные студенческие курсовые работы, научные семинары и конференции.

И еще одно немаловажное замечание: начиная с 1860-х гг. в США стали активно создаваться профильные общественные объединения профессионалов (Национальная ассоциация просвещения, Ассоциация современных языков, Американская филологическая ассоциация) [20, с. 14, 73] и «взрослые дяди» стали отбирать у студентов тематику по филологии и обществоведению. (Подробнее: Клещук С.Е., 1988 г.) [45].

НТБ промышленных фирм

Научно-технические библиотеки промышленных корпораций были последними, кто появился на библиотечной сцене США. Ускорение темпов экономического роста с 1870-х гг. объективно способствовало тому, что эта страна из «интеллектуальной колонии» Европы (импорт результатов научных и технических разработок) постепенно превращалась в мощного лидера мировой экономики. Бурный рост интереса к собственным научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам, спровоцировавший у руководства промышленных корпораций необходимость пересмотра системы и методики информационного обслуживания персонала, резкое сокращение сроков научных разработок — все это объективно требовало создания своих, внутренних и автономных органов информации — научно-технических библиотек (в США это *special libraries*). Эти новые библиотеки явились результатом потребности ученой и научно-технической общественности иметь на рабочем месте, под рукой, в рабочее время самую разнообразную информацию и на любом носителе: собственные затраты на поиск НТИ иногда занимали до 60% рабочего времени.

В период 1880–1889 гг. появились первые 13 научно-технических библиотек в фирмах сферы химической промышленности, фармацевтики и страхования; в период 1900–1909 гг. — в 75 фирмах; в 1910–1917-х гг. — в 300. У НТБ имелись коллективные потребители информации — лаборатории, отделы, бюро, бригады научных и инженерно-технических работников, решавших в корпорации крупную научную или производственную задачу.

Сотрудник такой библиотеки должен был знать основы экономики, социологии, психологии, промышленного производства, информационные потребности своих подопечных специалистов — ученых, инженеров-исследователей, проектировщиков, технологов — и этапы их разработок.

Размеры книжных фондов в НТБ тех лет были невелики — 2 тыс. экз., но зато росли фонды технической, коммерческой документации. В самом

начале XX в. (1911 г.) в США появился первый межотраслевой общетехнический центр обмена информацией (на платёжной основе), в Бостоне. (Подробнее: Клещук С.Е., 1973, 1993) [44, 48].

Национальная и региональные академии наук, научные общества и их библиотеки

Принятая в 1787 г. Конституция США обязывала Конгресс содействовать прогрессу науки, но лишь в XIX веке в стране была создана Национальная академия наук. Акт подписал Президент США А. Линкольн 3 марта 1863 г., первое заседание прошло 22.04.1863 г., состав членов определили сенат и палата представителей — 50 человек, самых «заслуженных деятелей науки Соединенных Штатов». Тем не менее, это была неправительственная (точнее — полугосударственная) организация, она никем и ничем не руководила, не имела собственной исследовательской базы, за прогресс науки в стране не отвечала. Ее члены не были «академиками», работали на своих престижных должностях в университетах, колледжах, обсерваториях и лабораториях.

В подписанном Президентом Акте о создании прямо было сказано, что НАН проводит исследовательские работы для правительства и консультирует его, но работать исполнители будут «за спасибо» — «*no compensation for any service*» [23, с. 725]. Изученные нами ежегодные отчеты НАН за первые пять лет ее работы (1863–1867 гг.), а также выборочно за 1889 г. показали, что своя научная библиотека у академии была с самого начала. П. 23 внутреннего устава НАН гласил: «книги, приборы и архивы хранятся в безопасном месте в Вашингтоне» (т.е., надо понимать, в главном офисе организации) [1, 8].

В отчете о работе за 1866 г. [8, с. 21] уже указывалось, что библиотека установила множественные контакты по международному книгообмену с ведущими библиотеками Европы. После пожара 1865 г. Конгресс выделил деньги на создание каталога потерь, его разослали всем-всем и в ответ в качестве даров получили 5873 экз. Их перевезли в помещение Библиотеки конгресса, где и каталогизировали.

Академия имела от частных лиц и организаций благотворительные фонды для стимулирования оригинальных научных исследований, издавала свои «Труды» и «Ежегодники». Библиотека Академии их очень хорошо использовала при внутреннем и международном книгообмене. На заседаниях отраслевых секций и на общих собраниях почтенные члены НАН докладывали о своих научных работах, но мы нигде и никогда не нашли упоминаний о том, кто и какие работы делал для правительства. (Информация для размышления: когда весной 1963 г. праздновали 100-летие НАН на торжественном мероприятии присутствовал Президент США Джон Ф. Кеннеди и выступил с речью — американцы не постеснялись признать, что сто лет назад в их стране были «бедно оснащенные лаборатории» [33, с. VI], а за «высокой наукой» ездили в Европу. Отсюда вопрос: какого уровня могли быть НИР для правительства в 1863 г. и зачем была нужна хорошая библиотека. От себя добавим: первую в стране ученую степень — Ph.D. — присудили в Йельском университете всего-то в 1861 г.) [15, с. 3].

Помимо НАН, в некоторых крупных городах и штатах работали и местные академии наук, искусств и литературы. Некоторые из них дожили до наших дней — в штатах Мериленд, Висконсин [42], Индиана, Айова, Канзас, Флорида и городах Чикаго, Сент-Луис, Новый Орлеан [3, с. 55]. Кто их создавал? Кто финансировал? Это были госструктуры или общественные объединения? Были у них свои научные библиотеки или нет? Этими вопросами мы не занимались ввиду неимения первоисточников. Все же для интереса мы познакомились с «Трудами» Калифорнийской АН за 1868 и 1888–1896 гг. [31, 22]. Тексты — чистая наука: горное дело, биология, древняя скульптура; никакой информации о научном коллективе, научной библиотеке, только фамилии авторов. (Сама Академия в 2003 г. отметила 150-летие своей успешной деятельности [37].)

Но пойдем дальше. Американский народ, энергичный, трудолюбивый, любознательный, активный, инициативный, с пытливым умом, в деле познания окружающей среды прекрасно обходился без руководящей и направляющей руки федерального правительства, еще с конца XVII в. создавая небольшие, разные сроки живущие объединения и профессионалов, и любителей-энтузиастов изучения неизвестного и неопознанного. Существенное замечание: главенствующая у них тогда религия — протестантизм — всячески на это подвигала [9, 12, 14, 17, 20, 31, 32].

Перейдем к научным обществам, сделав несколько предварительных замечаний.

1. Американцы при их описании употребляют два равнозначных и равноценных термина: *scientific and learned societies*.

2. Эти общества активно и заметно начали создаваться в 1820–30-е гг. [9, с. 4], когда в стране появилась прослойка людей, имеющих и деньги, и свободное время, и одновременно — что по-своему символично — в американской научной практике началось дробление, детализация, специализация научных дисциплин [37, с. 124].

3. Проведенный нами анализ американского исторического материала говорит о том, что для этих обществ существовало несколько путей создания своей библиотеки — а таковая была в любом научном обществе [35, с. 52].

а) Энтузиасты-активисты, профессионалы и любители, «скидывались» деньгами, выпрашивали их у благотворительных фондов, закупили «книжное ядро» в магазинах.

б) Основатели общества «складывались» своими личными библиотеками, собирали единый фонд в главном офисе.

в) Активисты-основатели стартовали *без библиотеки*, но сразу начинали издавать результаты своих научных разысканий и исследований — «труды», «доклады», «ученые записки», «анналы». Эти издания предлагались для книгообмена, внутреннего и международного, в ответ шла литература и фонд собственной НБ фозрастал.

г) В XVIII веке в некоторых городах Новой Англии (напр. Нью-Порт, штат Род-Айленд) библиотеки, собранные членами дискуссионных клубов (а это представители торгово-промышленных кругов), со временем преобразовывались в местные подписные библиотеки, а при организации научного (научно-просветительского) общества теми же гражданами фонд переходил в собственность этого самого общества, т.е. само

«литературно-философское общество» города рождалось на базе научной библиотеки.

Наибольший интерес для нас представляли малоизвестные в СССР и России объединения XVIII–XIX вв., членами которых были немногочисленные профессионалы и энтузиасты-любители, ибо именно они активно занимались наукой, пока с 1870-х гг. не начала крепчать университетская исследовательская база и мысль.

После обработки информации, размещенной в изученной литературе, мы набрали порядка 100 наименований этих научных обществ, работавших до 1860-х гг., но преобладающий процент их был т. н. *municipal level*, т.е. уровня штатов и городов: например, общество поощрения знаний штата Вирджиния, медицинское общество штата Южная Каролина. Естественно, эти организации не могут представлять научно-познавательный интерес для российского исследователя в 2022 году.

Также мы не брали в разработку научно-производственные общества последней четверти XIX в., которые занимались не только научно-техническими вопросами, но и социальными (кассы взаимопомощи, биржи труда) [9, с. 85]. Тем не менее, профессиональный интерес заставил нас фрагментарно познакомиться с периодикой и отчетными материалами конца 1890-х гг. по трем объединениям: это Американское химическое общество, Американское математическое общество и Американская историческая ассоциация [18, 21, 6]. Кратко выводы: во всех этих обществах научно-технические библиотеки работали, публиковались их отчеты, указывались фамилии заведующих, иногда — режим работы НТБ, регулярно давались списки новых поступлений, иногда — адреса по международному книгообмену (у математиков и химиков были партнеры в Петербурге, Варшаве, Казани, Харькове, Киеве).

Исторически самым первым научным обществом США считается Бостонское философское общество, которое было создано аж в 1683 г., но потом как-то растворилось в истории и исчезло [9, с. 3]. Самым первым производственно-профессиональным объединением было Бостонское морское общество (1742 г.) [9, с. 20].

Но мы начнем с трех самых старых организаций, которые существуют и *поныне*: это Американское философское общество (у него три даты: 1727, 1743 и 1762 гг.), Американская академия искусств и наук (1780 г.) и Академия искусств и наук штата Коннектикут (1799 г., в 1999 г. отметила свое 200-летие) [26; 20, с. 8, 10; 9, с. 10].

Предшественником, интеллектуальным предтечей Американского философского общества (АФО) была группа «Джунто», основанная в 1727 г. молодым парнем Б. Франклином (род. в 1706 г.) в Филадельфии [20, с. 8]: первым делом его члены собрали в единый фонд книги из своих личных домашних библиотек и тем самым создали книжное ядро — первоначальный фонд НБ своего общества [31, с. 249]. Из этой организации выросло некое «Американское общество», которое в 1769 г. объединилось с появившимся в 1743 г. Американским философским обществом.

С первых лет своего существования АФО [31, с. 6] (вопреки наименованию) развивалось как многопрофильное, общенаучное общество — это было а *multipurpose society*, т. к. в сферу его интересов входило изу-

чение астрономии, метеорологии, геодезии, земного магнетизма, растений и животных — история естествознания.

Библиотечный совет в АФО появился только в 1850-е гг.

Изучение «Трудов» общества, изданных во второй половине XIX века (1861, 1875, 1894 гг.), показывает, что руководство организации очень внимательно относилось к деятельности своей научной библиотеки: в январе давали информацию о работе Библиотечного совета (всего 5 чел.), почти каждый месяц публиковался список новых поступлений (если дары — то от кого!).

Так, летом 1861 г. НБ отчиталось о получении в 1859–60 гг. даров [28] от членов-корреспондентов. С.-Петербург — Императорская Академия наук — на первом месте в списке, прислали 202 издания: свои «Труды», «Бюллетени» по математике и политике; вторым шел адрес из Риги. Плюс С.-Петербург прислал печатные каталоги своих ведомственно-филиальных научных библиотек. И в этом же году, на заседании Комитета общества 19.07.1861, зав. НБ доложил о подготовке печатного каталога своей библиотеки (и не забыл, какой благодетель оплатил работу).

В 1875 г. во втором полугодии вообще пошла фантастика: 18.06.1875 библиотекарь докладывал Совету о дарах из Петербурга и Пулкова (первые в списке!), перечислял адреса для благодарственных писем; в июле еще дары поступили из Барселоны и Пулкова, 18.10.1875 опять поступление даров из Петербурга — точно указано — от Академии наук, а 19.11.1875 — дары от какого-то научного общества в Москве. (И тут же бизнес по-американски: на этом же заседании зав. НБ получает указание продавать «Труды» общества на 50% выше себестоимости.)

В конце XIX века, на заседании Комитета АФО 05.01.1894, полностью одобрили финансовый и библиотечный отчет зав. своей НБ, библиотекаря переизбрали и прибавили зарплату. (Еще один, по-моему интересный, факт: НБ работала как архив — собирала и хранила рукописные материалы умерших знаменитых членов общества и разрешала с ними знакомиться.)

В мае каждого года (мы берем конец XIX века — 1876, 1885, 1895 гг.) проходило ежегодное собрание членов этого уважаемого коллектива и *всегда* заслушивали отчет зав. НБ — при обязательном присутствии всех 3-х членов Библиотечного совета — финансы, объем комплектования, сколько куплено, подарено, получено в дар или по обмену, сколько переплетено и кто оплатил работу. (Интересный факт: на очередном собрании в июне 1886 г. изменили устав и почему-то поставили «библиотекаря» *после* «финансового директора» в перечне руководящего состава, а до этого он стоял выше!)

Две самых старых общенациональных организации — Американское философское общество и Американская академия искусств и наук [26] — были своеобразными центрами информационных сетей для сбора, обработки и распространения новой научной информации и до расцвета университетской науки именно они способствовали — методически — фундаментальным и прикладным исследованиям. Термин «методически» означает следующее: у Академии было несколько десятков аффилированных организаций — региональных академий наук, мелких научных обществ или исследовательских институтов, и это знаменитое

общество (работавшее с 1780 г.) *помогало* советами и консультациями успешной деятельности этих «примкнувших» [3, с. 55]. Мы проверили сведения об этих последних — не все они имели свои библиотеки (быть может, просто не дали сведения).

Специфика США: членами научных обществ могли быть граждане различных специальностей — собственно ученые, писатели, историки, священники, врачи, деятели искусств, юристы, купцы и богатые фермеры, но все они имели либо формально хорошее, либо хорошее домашнее воспитание и образование.

Американская академия искусств и наук была юридически оформлена (утвержден Устав) в 1780 г. Она очень знаменита благодаря тому, что ее членами были четыре американских президента — Джон Адамс, Джордж Вашингтон, Джеймс Медисон и Томас Джефферсон [26].

Внутренний устав Академии в XIX веке был последний раз отредактирован 8 мая 1895 г. (за основу принят еще 30.05.1854 г.), и в нем есть отдельная глава № 8, посвященная «Библиотекарю и библиотеке» (так в тексте — С.К.). Этот джентельмен комплекзует фонд, ведет «правильный каталог», занимается книговыдачей и отвечает за издание «Трудов». Он же — совместно с Бибсоветом — разрабатывает (изменяет, дополняет) Правила работы с литературой внутри Академии, отдельной печатью штампует книги, купленные на деньги одного благотворительного фонда.

Литература выдавалась читателю по его письменной заявке; отдельным пунктом перечислялись наказания за утрату или порчу издания. За неделю до ежегодного общего собрания членов Академии вся литература возвращалась в научную библиотеку.

Периферийным (региональным) научным обществом можно назвать Академию искусств и наук штата Коннектикут, ей более 200 лет [41]. Полагаю, секрет долгожительства состоит в том, что она живет и работает в одном городе со знаменитым Йельским университетом (г. Нью-Хейвен), имеет перекрестное членство с его профессорско-преподавательским составом: президенты университета неоднократно — за 200 лет истории — были и президентами Академии.

В Акте о регистрации ее как юридического лица записано: создана во второй вторник октября 1799 г., хотя впервые о создании научного объединения граждан только этого штата заговорили еще в 1779 г. Членами нового научного сообщества стали представители «солидного социально-экономического слоя», связанные деловыми и научными связями с Йельским университетом. При таких «отцах-основателях» научная библиотека появилась сразу. В 1810 г. Академия начала издавать свои научные «Мемуары» — пошел очень активный внутренний книгообмен, с 1866 г. — второе издание — «Труды». (Интересный факт: в 1860-е гг., при перечислении руководящего состава Академии «библиотекарь» (т.е. зав. НБ) шел четвертым: перед ним стояли президент, вице-президент, неперемный секретарь, а пятым был финансовый директор — казначей.)

В 1847 г. свою научную библиотеку, собранную большими стараниями через дары, обмен и покупку, Академия переместила в университетскую НБ с условием: хранить отдельно, инвентари и каталоги вести отдельно, книги штамповать как собственность Академии. В наше время, в 1973 г.,

все было передано в Йельский университет, всю работу теперь выполняют его сотрудники. (Добавим к месту от себя: насколько же знаменит был небольшой университетский город Нью-Хейвен, коль скоро в нем в 1877 г. была построена и открыта *первая* в США центральная городская телефонная станция.)

Со второй половины XIX в. успешно работала Американская ассоциация содействия продвижению науки [3, 27, 29]. Юридически она была оформлена 17.03.1874 г., хотя заседания ученых неформально шли с 02.04.1840 г., а по состоянию на 20.09.1848 г. в ней состояло уже 461 чел. Символично, что первое заседание прошло в помещении библиотеки Академии естественных наук г. Филадельфия.

По данным на август 1893 г. в Ассоциации были собраны и работали ученые по 9 направлениям: математика, астрономия, физика, химия, машиностроение, экономика со статистикой, геология и география, антропология и ботаника.

Проанализированные нами документы — отчет за столетие, годовые отчеты («Труды») ассоциации за 1853, 1876, 1884, 1892 и 1894 гг. дали такую картину:

- цель ассоциации — стимулировать научные исследования через обеспечение ученых новой научной информацией через библиотеку и издательскую деятельность (ст. 1 Устава, принятого 25.08.1856 г.);
- задачи научной библиотеки (ст. 33, «Библиотека Ассоциации», редакция 1891 г.);
- фонд библиотеки находится в полном распоряжении Ответственного секретаря (он же и библиотечарь);
- литература доступна только тем членам, которые уплатили годовой членский взнос;
- под расписку выдается не более 5 единиц за один раз, указаны суммы штрафов за потерю или повреждение;
- «Труды» ассоциации хорошо шли по книгообмену (единственный раз проскочила информация: на заседаниях 5–11 сентября 1884 г. был иностранный гость, из России — некто С. Струве из Москвы, Императорского общества друзей естественных наук).

Проанализированные нами документы не содержат никаких сведений, характеризующих фонд, объем финансирования или книговыдачи, личности библиотечарей: есть расходы на гостиницы, аренду помещений, транспорт, печать трудов, канцтовары, премии руководству приветственные адреса — все есть, кроме сведений о НБ. Их нет даже в отчете о первых ста годах деятельности этого научного общества.

В XIX в. в США работали и «провинциальные научные общества», такие как «Олбани институт» [31, с. 131] (г. Олбани, столица штата Нью-Йорк), которое было основано в 1824 г. и имело даже две библиотеки (одну — на базе местного лицея). Его членами были адвокаты, ученые, учителя, преподаватели, бизнесмены, священники; средний возраст по данным за 1830 г. — 45 лет. Оно и в 1880-х гг. издавало свои «Труды». В 1830 г. родилось еще одно научное общество — на базе подписной библиотеки г. Ньюпорт (штат Род-Айленд) — оно называлось *Library and Philosophical Society* [31, с. 250]. По размерам фонда НБ начала конкурировать с городской публичной библиотекой Филадельфии.

В 1804 г. в Нью-Йорке было основано Общество для продвижения полезных искусств SPUA [31, с. 121]. Первое упоминание о своей научной библиотеке появилось в 1811 г., а в 1813 г. фонд стал таким серьезным, что ей дали отдельную комнату в мэрии Нью-Йорка. С 1814 г. эта библиотека начала программу книгообмена с Историческим обществом Нью-Йорка, Американским философским обществом, Академией штата Коннектикут, Литературным и философским обществом Нью-Йорка. НБ имела благотворительные фонды от частных лиц, а с 1816 г. и само правление начало выделять средства на литературу. В 1829 г. у общества появился Комитет по изданиям, оно стало издавать свой журнал, начался полноценный международный книгообмен. В 1833 г. зав. НБ отчитался перед правлением: наша библиотека имеет по обмену большинство научных европейских периодических изданий.

В данной статье нельзя пройти мимо такого факта: с начала 1830-х гг. в крупных городах Северо-Востока и Среднего Запада работали *научно-просветительские общества*, которые — через лекции, семинары, практические занятия — знакомили с научными достижениями граждан среднего профессионального уровня. Это Объединенное общество механиков и торговцев (Нью-Йорк, основано в 1820 г.) [31, с. 100] — библиотека была, общество занималось повышением квалификации своих членов, в чем ему помогал Институт Франклина (осн. в 1824 г.), который имел не только научную библиотеку, но даже и Библиотечный совет (создан точно 01.09.1824 г.) и который с 1826 г. начал издавать свой «Institute Journal» — издание хорошо шло по книгообмену [31, с. 103]. Нью-Йоркский институт механики и науки (осн. в 1822 г.) по уставу — обычное научно-просветительское общество (вроде нашего «Знания») с подписной библиотекой; по его примеру быстро создал свою НТБ Институт машинистов и механиков Нью-Йорка (3 тыс. экз.). Они занимались подготовкой новых кадров на основе получаемых на стороне новых научных данных. В период 1810–1850-х гг. успешно работала Западная академия естественных наук в г. Цинциннати (штат Огайо), научно-техническая библиотека у них была и хорошо комплектовалась за деньги и по обмену [31, с. 219].

С 1800-х гг. в стране стал возрастать интерес к наукам, связанным общим термином *natural history*. К тому времени все уже знали, что Американское философское общество — философское только по названию. Отсюда толчок для энтузиастов из Филадельфии: семь граждан этого города зарегистрировали 17.03.1812 г. научное общество «Академия естественных наук Филадельфии» [31, с. 175]. В ее составе сразу появилась «библиотека научных произведений», лаборатории с полным набором приборов и инструментов, а цель была самая благородная — собирать новые знания, исследовать неизвестное и неизведанное и распространять эти знания. С научной библиотекой все было ясно и просто: в главный офис привезли свои личные домашние собрания, деньги на комплектование взяли из членских взносов и гонораров за лекции, прочитанные по результатам собственных научных исследований. В 1817 г. общество начало издавать свой журнал, и сразу пошел внутренний и международный книгообмен: в 1817 г. было 150 единиц, а в 1840 г. — уже 7000.

Два интересных факта: это общество первым в США организовало неформальную информационную сеть. Сплотились родственные общества, научные библиотеки, профильные музеи Филадельфии: члены ездили друг к другу с лекциями и вели беседы по материалам своих исследований. И второе — единственный раз, из всех изученных нами источников, удалось найти отчет зав. НБ о методах его работы с читателями. Это был сам президент, некто г-н Таклур: на свои деньги ездил в Европу на комплектование, библиотеку и музей сделал бесплатными для читателей и посетителей, в читальном зале обеспечил свет, много столов и стульев, отопление. Библиотека была открыта 4–5 дней в неделю, если надо — все воскресенье и вечером с субботы на воскресенье. Рабочий день библиотекаря при читателях — 4–5 часов, если будут оставаться в ночь на воскресенье, то — сиди до 9 утра. Библиотекарь должен всегда проверять документы у читателей.

Все было бы хорошо, но менялась вся жизнь в Соединенных Штатах Америки. К 1850-м гг. в Филадельфии — а это был крупнейший культурный и научный центр Северо-Востока — жители-энтузиасты стали создавать узко-профильные/тематические научные общества. Туда стали уходить члены из исследуемой нами организации (НТО), и она сама тихо скончалась ввиду убывания участников.

Бостонское общество истории естествознания в 1930 г. отметило 100-летие своего существования (здоровствует и поныне) [2, 10, 11, 24]. Его созданию предшествовало рождение и успешная работа (с 1801 г.) двух небольших объединений — Национального философского и Национального исторического, которые слились воедино в 1830 г. [2, с. 7]. Первое заседание семи членов-основателей прошло 09.02.1830 г.; интересное дело: среди них уже был один самовыдвиженец-библиотекарь, некто г-н Сет Басс. Данное общество было первым по этой тематике среди обществ шести штатов Новой Англии; в январе следующего, 1831 г. члены общества приняли решение создать научную библиотеку как структурное подразделение НТО, но поскольку в те годы — по их мнению — ничего серьезного по их тематике в стране сделано не было, энтузиасты решили издавать свой журнал. С 1834 г. пошел международный книгообмен и начали поступать дары от коллекционеров редкостей и от путешественников.

Так позже поступил Republican Institute [2, с. 10] — сам закрылся, а научную библиотеку отдал этому обществу; более того, все свои денежные средства отдал на комплектование в Европе. Интересный факт: в 1839 г. фонд насчитывал 700 томов и хранился у зав. НБ дома, но книговыдача исправно существовала. В 1865 г. научная библиотека уже получила отдельную комнату в главном офисе, а в 1895 г. еще три — местная профессура приводила студентов, читала лекции, а иллюстрации брала из книг.

Библиотека особенно гордилась раритетами XVIII века, изданными на территории самых молодых и первых штатов страны; само общество проводило выездные научные наблюдения на природе с группами повышения квалификации учителей или аспирантов по геологии, ботанике и физике, предоставляло помещения для лабораторных занятий начинающим ученым.

Циклы публичных лекций на базе своих музейных и библиотечных коллекций начались точно 05.06.1850 г. Посетителями были преимущественно студенты Кембриджского колледжа (по названию города около Бостона, теперь это знаменитейший Гарвардский университет).

Редчайший и удачнейший случай: в фондах БАН сохранился «Бюллетень библиотеки и музея» этого Бостонского общества за 1906–1914 гг., его изучение свидетельствует об очень грамотной организации работы [11].

В осеннем номере за 1906 г. библиотека отчиталась: поступление даров (печатные работы членов общества), завершено ретроспективное комплектование трудами академий, научных обществ и институтов Великобритании, Ирландии, Германии; дан список новых поступлений — покупка и книгообмен за год плюс перечень новых публикаций членов самого научного общества.

В период 1907–1914 гг. вся отчетность оформлялась к ежегодному собранию: финансы, новые поступления, дары, цифры (книги, брошюры, карты), отдельно печатные работы умерших членов, которые передавали родственники, объем каталогизации, книгообмена, затраты на переплет.

В определенные годы упоминали о новой библиотечной мебели и оргтехнике — включая такую редкость для 1908 года, как пылесос. Все описанные годы библиотекарем работал Секретарь общества (про помощников никогда не упоминалось). Только один раз — в мае 1914 г. — было приведено число книговыдачи — на дом и в читальный зал. (На тот месяц фонд имел книг 39 293 экз., а брошюр — 32 006 ед.)

В 2011 г. отметило 150-летие своего плодотворного существования Общество естественных наук г. Буффало (штат Нью-Йорк), знаменитое своей научной библиотекой и музеем [35]. Группа энтузиастов-любителей 05.12.1861 г. получила утвержденный устав своего общества и первым делом создала НБ (выполнив один из пунктов Устава), скинувшись своими личными домашними библиотеками. Это общество было весьма популярно в свое время: оно получило сразу много даров от частных лиц, от Гарварда и «Смитсона». Собственное комплектование — через покупку — шло медленно, пока не начали издавать свой «Бюллетень» — отчеты о собственных исследованиях. В 1882 г. у них уже было 113 адресов международного книгообмена и 39 американских. До 1877 г. собственного отдельного помещения у библиотеки не было, но в тот год Ассоциация молодых христиан штата Нью-Йорк в своем здании дала обществу помещения и для библиотеки (фондохранилище и читальный зал), и для занятий.

Точно 14.06.1887 г. общество — ввиду его ценности и полезности для города — получило апартаменты в здании городской публичной библиотеки (а зав. НБ был в тот период профессор университета штата Нью-Йорк). В этом помещении НБ была аж до 1928 г.

В 1895–96 гг. Общество стало частью этого самого университета, фонд прошел классификацию по системе Дьюи — университет дал деньги и на это, и на музей, и на переплет старых экземпляров [35, с. 57]. В эти же годы была идея слить НБ общества с публичной библиотекой самого города Буффало, но умные головы отстояли автономию: мы — наука, мы — библиотека и мы — музей. (Тем они знамениты и по сей день.)

В самом городе Нью-Йорке абсолютно аналогичную научную и научно-просветительскую работу проводил основанный 29.01.1817 г. (!) Лицей истории естествознания [4, 19]. Уже в первом томе (1824 г.) его печатного издания — «Анналов» — были указаны цели: изучать и собирать в библиотеку новые научные факты из истории естествознания и распространять информацию. В том же году называлось имя первого библиотекаря, это был некто г-н Джеймс де Вей. Тогда зав. НБ входил в руководящий состав общества. И в том же первом номере «Анналов» библиотека опубликовала список книг своего фонда: там присутствовали раритеты 1639, 1671, 1720 гг., всего 290 ед., и был приведен список дарителей-жертвователей.

В изученных нами документах за последующие годы всегда содержалась информация о проведенных научных исследованиях, давалась ретроспективная информация по определенной проблеме — по всем странам и континентам, тематика экскурсий и лекций, отчеты о работе самой научной библиотеки.

Но самое главное: 05.01.1876 г. этот Лицей, по решению Верховного суда штата Нью-Йорк и по ходатайству самих членов научного общества, был преобразован в Академию наук города Нью-Йорка [5]. Цели и задачи остались прежними: способствовать научным исследованиям и комплектовать фонд своей НБ. Об этом было прямо записано в Секции 1 «Конституционной хартии»: создать, обустроить и управлять библиотекой с упором на нужную литературу. Построенное в конце XIX века здание Академии предназначалось — прямо записали — для библиотеки и научных занятий.

Интересное дело: только в варианте Устава редакции 24.04.1902 г. в ст. 4 среди руководящих чиновников АН был упомянут «Библиотекарь», и только 06.10.1902 г. было сказано о наличии Библиотечного совета и о ежегодном — на общем собрании — отчете зав. НБ о своей работе.

В данной статье нельзя пройти мимо такой не-научной организации, как Бостонский Атений (Атенеум) [31, с. 167]. В древности так называли храмы в честь богини мудрости Афины, а позже — любое почтенное и уважаемое научное или ученое учреждение. Но наш объект не был ни тем, ни другим — эта частная организация всеми силами помогала науке существовать и процветать. Устав был утвержден 13.02.1807 г., цель — комплектовать научную библиотеку самыми дорогими и редкими научными изданиями, выпущенными за пределами Соединенных Штатов, прежде всего энциклопедиями по науке и искусству на французском и английском языках, словарями древних и современных языков, справочниками по всем возможным темам и для ученого, и для купца.

Никаких проблем с деньгами эта НБ не испытывала: они текли рекой от благотворителей. Достаточно посмотреть на учредителей: член Верховного суда США, городской судья города Бостона, три священника, известный адвокат, бывший президент Гарвардского университета, торговец антиквариатом и бывший посол США в Испании.

С 1817 г. Атений (Атенеум) работал в одном здании с Американской ассоциацией продвижения науки, в 1829 и 1849 гг. построил себе — каждый раз — новое здание. Еще более интересная вещь: и в Атенеуме, и

в Ассоциации годами (!) библиотекарем работал — одновременно — один и тот же человек. (Традиция перешла и в век XX: в 1946–73 гг. в обеих организациях зав. НБ был один и тот же джентельмен.)

К 1851 г. эта библиотека входила в пятерку крупнейших библиотек страны: она, в Гарварде, в Йельском университете, у Библиотечной компании Филадельфии, Библиотека конгресса США. (Фонд в Бостоне превышал 50 тыс. томов.)

Кроме читального зала (газеты и журналы) работал кабинет (музей) природных редкостей, музей машин и механизмов, планетарий для любителей астрономии, залы для лекций и бесед, лабораторий для химических и физических экспериментов — для посетителей-энтузиастов. На базе научных коллекций Атенеума проводились и научные исследования.

Однако, с течением времени, к середине XIX века, когда в США стали создаваться узкопрофильные, отраслевые научные общества, Атенеум сузил профиль комплектования своей библиотеки до гуманитарных наук, стал тесно сотрудничать с Американской академией искусств и наук и жив-здоров и поныне.

Теперь перейдем к описанию деятельности такого уникального научного и научно-просветительского центра, каким является Смитсоновский институт в Вашингтоне [7, 25, 30, 38, 39, 43]. Этот ныне крупнейший научно-исследовательский и выставочный комплекс был основан конгрессом и правительством США в 1846 г. на деньги, завещанные за 20 лет до этого богатым (герцогских кровей) англичанином Дж. Смитсоном — сумма просто фантастическая и вчера (700 тыс. англ. фунтов стерлингов серебряной монетой), и сегодня (5–6 млрд. долларов) — на создание и распространение научных знаний для людей.

Естественно, научная библиотека института не знала никаких финансовых ограничений и поставила себе цель «собрать насколько возможно совершенную коллекцию печатных трудов научных обществ всего мира». Мы прилагаем отсканированные страницы (рис. 1, 2, 3): список организаций только Российской империи, с которыми НБ установила корреспондентские связи — заслуживает безграничного уважения та тщательность, которую проявляли сотрудники американской научной библиотеки, изучая русскую научную литературу и «выгребая» из российской глубинки новые знания: это январь 1862 года, т.е. 160 лет назад, и это при тех средствах связи и передвижения [38].

Решение создать систему международного книгообмена было принято 30.04.1849 г. Интересный факт: в годовом отчете регентов-членов попечительского совета Смитсоновского института (а та были сенаторы и конгрессмены) за 1863 г. при перечислении контрагентов МКО научная библиотека на первое место поставила Санкт-Петербург (добавив — «ценные работы»), а уже потом шли Лондон, Брюссель, Вена, Копенгаген, Стокгольм.

В документах за 1880 г. удалось найти информацию самой научной библиотеки — ее «Циркуляр» — о методике внутренней работы: рабочий день чиновников разного ранга 9.00–16.00 или 7.30–16.30, музейные залы работают с 9.00 до 16.30. За всю поступающую в институт печатную продукцию (ее прием) отвечал «Клерк по документации», но он

RUSSIA.

3

Kongelige Danske Videnskabernes-Selskab (Royal Danish Society of Science).
 Kongelige Landhuusholdnings-Selskab (Royal Society of Rural Economy).
 Kongelige Nordiske Oldskrift-Selskab (Royal Society of Northern Antiquaries).
 Naturhistoriske Forening.
 Samfund til den Danske Literaturs Fremme (Society for the Advancement of Danish Literature).
 Tidsskrift for Veterinær (Veterinary Journal).
 Veterinær-Selskab (Veterinary Society).

RUSSIA.

Astrakhan—Obshtshestvo Morskikh Wratchei (Society of Naval Physicians).
Cronstadt—Cronstatskaia flotskaia Biblioteka (Naval Library of Cronstadt).
 Morskaia Biblioteka (Naval Library).
 Morskaia Observatorija (Naval Observatory).
 Obshtshestvo Morskikh Wratchei (Society of Naval Physicians).
Dorpat—Dorpater Naturforscher-Gesellschaft.
 Gelehrte Esthnische Gesellschaft.
 K. Universitäts-Sternwarte.
 Universität.
Helsingfors—Finske Läkare Sällskapet. (Society of Physicians of Finland.)
 Magnetisches und meteorologisches Observatorium.
 Societas Scientiarum Fennica.
 Universität.
Kasan—Imper. Kazanskii Universitet.
 Observatorium.
Kharkow—Universität.
Irkutsk—Société géographique.
Kiew—Imperatorskij Universitet Swjatago Wladimira (Imperial University of the Holy Wladimir).
 Observatorium.

Рис. 1. Smithsonian miscellaneous collections. Philadelphia : Collins Printers, 1864. Vol. 5. P. 3

знал, что книги, брошюры, периодику, карты должны сразу передаваться «Библиотекарю» (так в тексте — С.К.), т.е. зав. НБ. Если поступают разрозненные статьи, то их неделю держат в библиотеке для проверки источника.

Незарегистрированная (неоформленная) литература читателям не выдается, зав. НБ должен иметь полную картину: кто что взял и на какой срок. На книги, которые будут брать в Библиотеке конгресса, будет осо-

- Mitau**—Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst.
- Moskwa (Moscow)**—Imper. Moscovskii Universitet.
Imperat. Obshtshestvo Istorii i Drevnostei Rossiskih pri Moskovskom Universitete (Imperial Society of Russian History and Antiquities of the University of Moscow).
Imper. Obshtshestvo Selskago Khozaistva (Imperial Agricultural Society).
Observatorium.
Société Impériale des Naturalistes de Moscou.
- Nicolaieff**—
- Nicolaievsk (Amoor River)**—Obshtshestvo Morskikh Wratchei (Society of Naval Physicians).
- Odessa**—Bibliothèque Publique.
Glavnoé Outchilitché Sadovodstva (Central Horticultural School).
Gorodskaiá Poublitchnaia Biblioteka (Public City Library).
Obstshestvo Seljskago Khozaistva Joujnoi Rossii (Society of Rural Economy of Southern Russia).
Odesskoé Obshtshestvo Istorii i Drevnostei (Historical and Antiquarian Society of Odessa).
Outchilishché Glucho-nemigh (Deaf and Dumb Institution).
- Orenburg**—Bibliothèque publique.
- Pulkowa**—Observatoire Impérial.
- Reval**—Esthländische litterarische Gesellschaft.
- Riazan**—Publitshnaja Biblioteka (Public Library).
- Riga**—Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der russischen Ostsee-Provinzen.
Gesellschaft Praktischer Ärzte.
Museum.
Naturforschender Verein.
- St. Petersburg**—His Imperial Majesty the Emperor of Russia.
Gidrographitsheskii Departament Morskago Ministerstva (Hydrographical Department of the Ministry of Marine and Depot of Naval Charts of Russia).

Рис. 2. Smithsonian miscellaneous collections. Philadelphia : Collins Printers, 1864. Vol. 5. P. 4

бое оформление: через Секретаря института и с визой зав. НБ. После пожара 24.01.1865 г. книги Смитсоновского института переехали в Библиотеку конгресса, и институтские читатели ходили туда, как сенаторы и конгрессмены, но зато заведующий БК за счет «Смитсона» получил двух помощников (указана зарплата).

Смитсоновская НБ регулярно публиковала списки-перечни печатных работ сотрудников института, начиная с 1846 г.: в 1864 г. дали информацию за период 1846–1862 гг. Она же периодически обновляла перечень

- Imperat. Akademija Nauk (Imperial Academy of Sciences).
- Imper. Arkheologitcherskoje Obschestvo (Imperial Archæological Society).
- Imper. Publitchnaja Biblioteka (Imperial Public Library).
- Imperat. Russkoe Geographitsheskoe Obshtshestvo (Imperial Russian Geographical Society).
- Imper. St. Peterburgskii Uniuersitet.
- Imperat. Volnoe Ekonomitsheskoe Obshtshestvo (Imperial Free Economical Society).
- Kais. pharmaceutische Gesellschaft.
- Kais. Russ. Mineralogische Gesellschaft.
- Ministerstvo narodnago prossvestchenija (Ministry of Public Instruction).
- Morskoi-Outchenoi Comitet (Scientific Committee of the Marine).
- Morskoje Ministerstvo (Ministry of the Marine).
- Obshtshestvo Morskikh Wratchei (Society of Naval Physicians).
- Shtab Korpusa gornyx Ingeneroff (Staff of the Corps of the Mining Engineers).
- Statistitsheskii Tsentralnii Komitet (Central Statistical Committee).
- Tsentralnaja fisitsheskaja Observatoria (Central Physical Observatory).
- Vostotchnoi Institut (Oriental Institute).
- Tifis**—Bibliothèque Publique.
Observatoire Magnétique et Météorologique.
Société Géographique du Caucase.
- Toula**—Bibliothèque Publique.
- Vilna**—Arkheologhitsheskaja Kommissia (Archæological Commission).
Observatoire Astronomique.
- Warschau (Warsaw)**—Académie Médico-Chirurgicale.
Biblioteka Towarzystwa Rolnierego Krolestiva Polskiego (Agronomical Society of Poland).
Observatoire Astronomique.

Рис. 3. Smithsonian miscellaneous collections. Philadelphia : Collins Printers, 1864. Vol. 5. P. 5

крупнейших научных и литературных обществ Соединенных Штатов Америки.

В мае 1902 г. библиотека издала первый номер «Международного каталога научной литературы».

О чисто исторических научных обществах: самое первое появилось в Бостоне в 1791 г., позже — в 1825 г. — возникло историческое общество штата Коннектикут. Обобщив данные из приведенной в списке американской литературы, можно сказать, что в период 1812–1861 г.

в США работало (разные сроки) 62 местных объединения этого профиля, все они имели свои библиотеки, но самым знаменитым, работающим и по сей день, было и остается Американское антикварное общество, основанное в 1812 г. большим патриотом своей страны и участником (в молодости) революции 1776 года, неким Исайей Томасом [20, с. 23; 31, с. 256; 36].

Главным интересом создателей и членов общества было собирание и исследование местных старых печатных изданий и рукописей по каждому штату и отдельной местности, изучение — по документам — местной истории. С течением времени комплектование фонда НБ стало главной целью членов общества: особо стали собирать «Американу» (1854 г. — 23 тыс. томов 1884 г. — 80 тыс.). Фонд становился более сильным благодаря коллекции старых школьных учебников, записок о событиях местной истории, записок по генеалогии, собирали биографии местных знаменитостей, материалы из юго-западных штатов (т. наз. «испано-американу»), старые местные газеты штатов.

Здесь уместно заметить, что именно в 1830–40-е гг. у образованной и состоятельной части населения возрос интерес к т. наз. *social sciences* (социальные науки), и уже к 1870-м гг. появилось деление на высшие и низшие группы национального населения [17, с. 186, 192].

Комплектование фонда НБ этого общества началось с даров учредителей-активистов. В 1837 г. оно издало свой первый печатный каталог (284 с., 9500 наименований), все оплатил один член-благотворитель. С 1820 г. общество издавало свои «Научные труды», которые хорошо шли по МКО с организациями гуманитарной ориентации.

К 1910-м гг. библиотека превратилась в самое крупное в стране собрание документов по истории книгопечатания и журналистики, ныне обладает уникальным фондом местных (т.е. общенациональных, региональных, городских и муниципальных) изданий исторических обществ, скупала в XIX веке и продолжает скупать теперь частные библиотеки своего профиля.

С течением времени это общество установило перекрестные книжные и научные связи с Нью-Йоркским историческим обществом. Интересный факт: некто С. Хэвен, который в обществе более 40 лет работал библиотекарем (1838–1881 гг.), участвовал в 1876 г. в создании Американской библиотечной ассоциации и всю жизнь добивался признания библиотекаря как профессии. Отметим от себя: при подготовке данной статьи было решено изучить материалы ежедекадных (каждые 10 лет, начиная с 1790 г.) переписей всего-всего в США — за 1850 и 1880 гг. Даже в переписи по состоянию на 01.06.1880 г. среди 265 специальностей не было профессии библиотекаря. Тем более в 1850 г.: в тогдашних 35 штатах было 1217 публичных библиотек, 11 987 школьных, 213 вузовских, было 512 гражданских инженеров, 465 химиков, 943 профессора, 164 000 учителей и ни одного библиотекаря [34, 40].

Изучение истории медицинских научных обществ показало [16], что первое такое сообщество родилось еще в 1749 г. в молодом городе Нью-Йорке, но его история мало известна; за ним последовало в 1781 г. Массачусетское медицинское общество. Только лишь в 1847 г. была создана и поныне живущая Американская медицинская ассоциация (АМА), объ-

единяющая и ученых, и практиков. (Она постепенно выростала из муниципальных и региональных общественных объединений медико-просветительской и медико-благотворительной направленности.)

Американские историки не скрывают, что хорошим толчком для объединения усилий и тех и других стали успехи в физике и химии — возникновение новых препаратов и особенно электрических методов именно в 1840-е гг. — появился шанс применять новинки техники в медицинской практике, что повлияло на объем собственных научных исследований.

Решение о создании своей научной библиотеки точно датируется 5–8 мая 1868 г., когда на одном из заседаний был создан Комитет из 3-х членов ассоциации с задачей организовать подразделение в составе АМА с целью собрать все печатные медицинские работы, изданные в Америке начиная с XVII века: книги, брошюры, буклеты, периодику, отчеты и труды обществ и организаций, циркулярные документы штатов, приветственные адреса врачам печатные каталоги библиотек. Одновременно поручили Библиотечному совету обратиться через печать ко всем медикам Соединенных Штатов Америки с просьбой прислать в НБ свои уже опубликованные работы, а если у кого есть раритеты — снять фотокопию и прислать в общенациональную библиотеку.

В том же 1868 г. зав. НБ получил финансирование на издание печатного каталога и на изготовление экслибриса. Дирекция Библиотеки конгресса предоставила пожаростойкое помещение для книг медиков. Каталогизацию новых поступлений также делала БК. (В скобках заметим, что собственный библиотекарь появился у медиков много позже.) По правде сказать, читателей у этой НБ было мало, она все время находилась в движении, перемещалась: в 1870 г. они переехали в здание Смитсоновского института, в 1895 г. — в здание библиотеки Ньюберри в Чикаго, и только там впервые, в 1903 г., появился нормальный читальный зал.

Заключение

1. В статье, посвященной вопросам библиотечно-информационного обслуживания науки в XVII–XIX вв., нужно прежде всего ответить на вопрос: а она, эта *своя Наука* высокого уровня, в США была или нет?

Тщательный анализ содержания двух работ — советской и российской (1962¹ и 2007² гг. изд.) дает отрицательный ответ, который *полностью* совпадает с мнением самих американцев. (Единственное исключение: в 1747 г. Б. Франклин создал унитарную теорию электричества.) А так посмотреть: изобретали и совершенствовали молотилки, плуги, перфораторы, паровые трактора, тормоза, боевые патроны, прокатные станы, телеграфные аппараты, пишущие машинки, электролампочки.

2. В стране до 1940-х гг. не было даже национальной, федеральной системы научных учреждений со своими информслужбами [46], а Нацио-

¹ История техники / А.А. Зворыкин [и др.]. Москва, 1962. 772 с.

² Рыжов К.В. Сто великих изобретений. Москва: Вече, 2007. 528 с.

нальная академия наук не является центром и руководящим научным органом.

3. Многочисленные университетские и частные (в составе научных обществ) библиотеки действовали автономно, руководствуясь только запросами и интересами своих членов или научно-преподавательских коллективов. Отсюда вопрос: какая глубина и качество библиотечно-информационного обслуживания *объективно* требовались в этой стране в XVII–XIX вв. при проведении прикладных исследований, которые в большинстве случаев проводились непрофессиональными любителями-энтузиастами.

4. Количественный и качественный рывок — а он идет по нарастающей *и по сей день* — в сфере библиотечно-информационного обслуживания научных и научно-прикладных работ потребовался только после создания единого общенационального рынка производства и сбыта, во время выхода США на мировую арену как индустриального и интеллектуального гиганта, а это уже 1880–1890-е гг. Именно тогда *главную информационную (интеллектуальную) нишу заняли* университетские библиотеки — их стали называть «научными», «исследовательскими», «академическими» (research, academic) — и научно-технические библиотеки промышленных корпораций и частных научно-исследовательских фондов и центров (типа Рокфеллеровского).

Постскрипtum

– Идеальный пример для подтверждения моих слов по п. 4.: однажды иностранное хранение БАН перепутало шифры, и мне выдали то, что я не заказывал. А что оказалось? Мне принесли «Американский журнал науки» (The American journal of science) 1896 г., серия 4, два полугодовых тома, издается аж с 1818 г. в г. Нью-Хейвен, штат Коннектикут — понятно, что на основе новых поступлений в научную библиотеку знаменитого Йельского университета.

Методика подачи материала была полностью скопирована редакциями тех петербургских технических журналов, о которых была моя статья в № 3 этого сборника: сначала идут научные статьи, затем — *внутренний* реферативный журнал (разделы: химия, физика, геология, минералогия, ботаника). Разные страны и языки, автор, название, источник, страницы; далее — «разнообразная научная информация» о жизни научного сообщества Америки и список новых книг (поступлений), которые вышли из печати, но еще не прошли реферирование.

И в каждом номере референты-соредакторы — 4 профессора из Гарварда, 4 профессора из Йельского университета, по одному из университетов Джонса Хопкинса и Филадельфии.

Такой журнал — это идеал/образец информационного обслуживания американских ученых через университетскую/научную библиотеку Йельского университета, но это уже 1896-й год!

– В статье неоднократно и положительно упоминался штат Коннектикут, один из самых первых и старых. Так ведь он «хорошо попал» и

в художественную литературу: я абсолютно уверен, что моя читательская аудитория в школьные годы познакомилась с повестью американского писателя Марка Твена «Янки при дворе Короля Артура», но ведь никто ж не знает, что в оригинале стоит «Янки из Коннектикута при...». Значит, уже в 1889 г. писатель понимал, что в этом штате Новой Англии живут и работают самые информационно-интеллектуально богатые технически продвинутые граждане Соединенных Штатов.

Список источников

1. Address delivered before the National Academy of Sciences, in Washington, April 19, 1889 // *Proceedings of the National Academy of sciences*. 1889. Vol. 1. P. 325–330.
2. Address to the Boston Society of natural history. Boston : John Wilson and Son, 1853. 48 p.
3. American association for the advancement of science. A brief history of the association from its founding in 1848 to 1948. Washington, D.C. : Published by the association, 1948. 1210 p.
4. *Annals of the Lyceum of Natural History of New York*. New-York : J. Seymour, 1824. Vol. 1. 410 p. ; New-York : William Wood and Co., 1867. Vol. 8. 505 p. ; New-York : Gregory Bros., 1876. Vol. 11. 433 p.
5. *Annals of the New York Academy of Sciences*. New-York : Published by the Academy, 1943. Vol. XLV. 435 p.
6. Annual report of the American Historical Association of the year 1891. Washington, DC : Govt. Print. office, 1892. 499 p.
7. Annual report of the Board of Regents of the Smithsonian Institution for the year 1863. Washington, DC : Govt. Print. office, 1872. 414 p.
8. Annual reports of the National Academy of Sciences, for the years 1863–64, 1865, 1866, 1867. Cambridge. (Книги обгорели, выходных данных нет).
9. *Bates R.S. Scientific societies in the United States*. 2nd ed. New-York : Columbia University, 1958. 297 p.
10. *The Boston Society of Natural History, 1830–1930*. Boston : The Merrymaunt press, 1930. 117 p.
11. *The Boston Society of Natural History : Museum and Library bulletin*. 1906. December (№ 1) ; 1914. May (№ 2).
12. *Camp J.S. The story of science in America*. New-York : Charles Scribner's Sons, 1967. 282 p.
13. *A challenge to the world*. New-York : McGraw-Hill Book Co., 1946. 198 p.
14. *Cohen B. Some early tools of American science*. Cambridge : Harvard University Press, 1950. 251 p.
15. *Ellsworth M.E. A history of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, 1799–1999* // *Transactions*. New Haven, 1999. Vol. 55. 254 p.
16. *Fishbein M. A history of the American Medical Association, 1847 to 1947*. Philadelphia : Saunders G., 1947. 1226 p.
17. *Historical writing on American science : Perspectives and prospects* / edited by H. Simon. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1985. 321 p.
18. *Journal of the American Chemical Society*. 1892. Vol. XIV. № 1, January ; № 10, December.
19. *Kenneth R.N. The founding of the Lyceum of Natural History* // *Annals of the New York Academy of Sciences*. New York, 1970. Vol. 172. P. 139–149.
20. *Kiger J.C. American learned Societies*. Washington, D.C. : Public affairs press, 1963. 292 p.
21. List of officers, constitution and by-laws. Annual reports: American Mathematical Society (Jan. 1897). New-York : Published by the Society, 1897. 28 p.

22. *Memoirs of the California Academy of Sciences*. San Francisco : Tourne and Bacon publishers, 1868. Vol. 1, part 2. 94 p. ; San Francisco : Published by the Academy, 1896. Vol. 11, parts 1–5. 178 p.
23. *National Academy of Sciences // Encyclopedia Americana*. 1963. Vol. 19. P. 725.
24. *Occasional papers of the Boston Society of Natural History*. 1880. Vol. III. 301 p.
25. *Oehser P.H.* Sons of science. The story of the Smithsonian Institution and its leaders. New York : Henry Shuman, 1949. 220 p.
26. *Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences*. Boston : John Wilson and Son, 1877. Vol. IV, May 1876 — May 1877. 351 p. ; Boston : John Wilson and Son, 1886. Vol. XIII, October 1885 — May 1886. P. 247–499 ; Boston : John Wilson and Son, 1887. Vol. XIV, December 1886 — May 1887. P. 269–589 ; Boston : University Press, 1896. Vol. XXIII, 1895–1896. 339 p.
27. *Proceedings of the American Association for the Advancement of Science*. New York : Putnam and Co., 1856. Vol. 7, July 1853. 291 p. ; Salem : Salem Press Co., 1874. Vol. 22, August 1873. 448 p. ; Salem : Salem Press, 1885. Vol. 33, September 1884. 736 p. ; Salem : Salem Press, 1892. Vol. 40, August 1891 — July 1892. 463 p. ; Salem : Salem Press publishing and printing, 1895. Vol. 43, August 1894. 486 p.
28. *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1861. Vol. VIII, July–December 1861, № 66. P. 277–408 ; 1875. Vol. XIII, June–December 1875, № 95 ; 1894. Vol. XXXIII, January–December 1894. Nos. 144–146 ; 1943. Vol. 87, July 1943.
29. *Proceedings in commemoration of the 25th anniversary of the founding of the American Academy of Arts and Letters*. Publication № 72. New York : Published by the Academy, 1930. 236 p.
30. *Publications of the Smithsonian Institution*. Washington, D.C. : Smith. Inst., 1880. Vol. 16. 435 p.
31. *The pursuit of knowledge in the early American republic. American scientific and learned societies from colonial times to the civil war*. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1976. 372 p.
32. *Reingold N.* Science in nineteenth century America. 1964. 339 p.
33. *The scientific endeavor. Centennial celebration of the National Academy of Sciences*. New York : The Rockefeller Institute Press, 1965. 331 p.
34. *The seventh census of the United States: 1850*. Washington : Robert Armstrong, 1853. 1022 p.
35. *Seventy-five years. A history of the Buffalo Society of Natural Sciences, 1861–1936*. Buffalo : Published by the Society, 1938. 204 p.
36. *Shipton U.K.* American Antiquarian Society // *Encyclopedia of library and information science*. New York, 1968. Vol. 1. P. 219–224.
37. *Smith M.J.* Pacific visions. California scientists and the environment, 1850–1915. New Haven : Yale University Press, 1991. 243 p.
38. *Smithsonian miscellaneous collections*. Philadelphia : Collins Printers, 1864. Vol. 5. 648 p.
39. *Smithsonian miscellaneous collections. Documents*. Washington, D.C. : Govt. Print. office, 1901. Vol. 1 (XLII) : 1835–1887. 1044 p. ; Vol. 2 (XLIII) : 1887–1899. P. 1045–1983.
40. *Statistics of the population of the United States at the tenth census (June 1, 1880)*. Washington, D.C. : Govt. Print. office, 1883. 961 p.
41. *Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences*. New Haven : 1872. Vol. 1. 613 p.
42. *Transactions of the Wisconsin Academy of Sciences, Arts and Letters*. Milwaukee : Goodwin F. Bergquist, 1968. Vol. 54, part A. 197 p.
43. *True Webster P.* The first hundred years of the Smithsonian Institution: 1846–1946. Washington, D.C. : Published by Smithsonian Institution, 1946. 61 p.
44. *Клещук С.Е.* Из истории возникновения специальных библиотек в США // *Научные и технические библиотеки СССР*. 1973. № 6. С. 6–11.
45. *Клещук С.Е.* Библиотеки литературных обществ университетов и колледжей США в XVIII–XIX вв. // *БИБИЗР*. 1988. Вып. 120. С. 74–81.
46. *Клещук С.Е.* Федеральные научно-технические библиотеки США // *БИБИЗР*. 1983. Вып. 92. С. 51–59.
47. *Клещук С.Е.* Зарождение и становление библиотек высших учебных заведений США (1630–1860 гг.) // *БИБИЗР*. 1989. Вып. 123. С. 74–81.

48. *Клещук С.Е.* Научно-технические библиотеки Соединенных Штатов Америки (конец XIX — начало XX вв.) // БИБИЗР. 1993. Вып. 133. С. 64–81.

49. *Стройк Д. Дж.* Становление науки в США. Москва, 1966. 479 с.

KLESHUK S. Russia — USA: Science and the libraries

Kleshuk Stan — candidate of pedagogical sciences, an independent researcher
Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ban-rio@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the history and activities of American scientific societies of regional and national scale in the period from the 17th century to 1910^s. Particular attention is paid to libraries, their scientific and educational activities, as well as their role in information service for science.

Keywords: USA, 17th–20th centuries, scientific societies, libraries of scientific societies, information service of science, university libraries, special libraries.

УДК 025.171
ББК 78.33(4)41

Е.Н. Ануфриева, Г.Н. Питулько

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО БИБЛИОТЕКИ ВАЛЛЕНРОДТОВ: эпизод Симона Даха

Ануфриева Елизавета Николаевна — победитель Региональной конференции исследовательских и творческих работ и проектов в области гуманитарной культуры «Лихачевские чтения — 2023», ученица 11 класса ГБОУ СОШ № 169 с углубленным изучением английского языка Центрального района г. Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург, Россия

Питулько Галина Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, старший научный сотрудник НИОРК БАН

Санкт-Петербург, Россия, e-mail: pitulko-gn@ranepa.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается вопрос об исторической специфике оформления библиотеки знатного немецкого рода Валленродтов, частично представленной в фондах Библиотеки РАН. Тесная связь библиофильской традиции коллекционирования и культурной жизни Кенигсберга XVII века рассматривается на примере творчества Симона Даха, одного из значимых литераторов Восточной Пруссии того времени. Авторы анализируют политические, конфессиональные, социально-культурные, художественные факторы складывания коллекции Валленродтов. В статье обобщается, каким образом исторические реалии Кенигсберга XVII века преломляются в творчестве Симона Даха.

Ключевые слова: Библиотека Валленродтов, Библиотека РАН, формат *in quarto*, конволют, Восточная Пруссия XVII в., Кенигсберг, Альбертина, Реформация, лютеранство, Симон Дах, Ревнителители брэнности, вторая лингвистическая революция, произведения «на случай».

Введение

Перефразируя слова Д.С. Лихачева о значимости личных библиотек [18, с. 489], отметим, что такие собрания являются не только визитными карточками своих владельцев, но и отражают особенности эпохи, выступая своеобразным индикатором культурной, интеллектуальной, духовной жизни общества.

Библиотека Валленродтов занимает особое место в европейском социокультурном пространстве XVII в. Книги из этого собрания представляют большой интерес для изучения как немецкой книжной культуры, так и истории немецкого общества в целом.

В 2020 г. в Библиотеке РАН была завершена работа по формированию Каталога книг из собрания Валленродтов формата *in quarto*, хранящихся в Научно-исследовательском отделе редкой книги Библиотеки РАН. Это событие открыло возможности для изучения изданий из собрания Валленродтов.

Актуальность настоящего исследования определяется необходимостью воссоздания культурного пространства библиотеки Валленродтов

на момент наиболее активного формирования коллекции, что в свою очередь позволит выявить уникальные черты культурной и интеллектуальной традиции г. Кенигсберга и Восточной Пруссии в контексте общеевропейской истории XVII в.

Цель настоящего исследования — на основе анализа коллекции Валленродтов определить как исторические реалии жизни Кенигсберга XVII века преломляются в творчестве Симона Даха, чьи произведения широко представлены в составе Валленродианы формата *in quarto*.

Объектом исследования выступает книжная коллекция Валленродтов, представленная в фондах Библиотеки РАН. Непосредственным *предметом исследования* являются произведения Симона Даха, выступающие в качестве литературного и исторического источника.

Основу источниковой базы настоящего исследования составили источники двух типов. К первому типу относится Каталог «Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН» [16], который позволил сформировать представление о комплексе работ Симона Даха. Ко второму — непосредственно издания сочинений Симона Даха, которые привлекались для выявления черт исторической эпохи в творчестве поэта. Все работы С. Даха, привлеченные в данном исследовании, представлены в одном конволюте (сборнике) формата *in quarto*. Указанный конволют включает 44 его работы. Анализ записей Каталога и содержательный разбор произведений С. Даха представлен в тексте исследования. Работы поэта, привлекавшиеся для смыслового анализа, даются в авторском переводе с немецкого языка.

Для изучения характеристик эпохи европейского XVII века, особенностей культурного развития Кенигсберга и Альбертины, анализа творчества Симона Даха в статье привлекаются исследования отечественных историков, литературоведов и краеведов. Среди наиболее значимых текстов для настоящего исследования следует выделить работы Г.Н. Питулько, Е.А. Савельевой [20], К.К. Лавриновича [17], В.Х. Гильманова [11, 12], М.П. Беляева [7, 8] и др. Для характеристики особенностей развития Европы, Пруссии и Кенигсберга в XVII в. привлекались работы Г. Кенигсбергера [15], П. Шоню [22], Ф. Гаузе [10] и др.

При написании этой статьи мы провели сравнительный анализ исторических данных и литературных материалов коллекции Валленродтов, опираясь на междисциплинарный подход и общегуманитарные методы. В работе привлечены оригинальные немецкие тексты XVII в., изданные готическим шрифтом, дан авторский перевод отрывков из произведений Симона Даха.

Некоторые особенности культурного развития Кенигсберга XVII века

Общие черты интеллектуального развития Европы и конфессионально-политический контекст университетской традиции Кенигсберга XVII века

XVII век в истории Европы характеризуется исследователями как период, определивший интеллектуальное и духовное развитие стран континента на несколько столетий вперед [22, с. 399–402]. В это время происходит научная революция, изменение роли религиозного факто-

ра во всех сферах жизни европейского общества, складывается и утверждается интеллектуальная и духовная традиция на национальных языках, получают распространение ценности светской культуры и образования.

Называя научные достижения эпохи «революцией современного мира», французский историк Пьер Шоню отмечает, что научная революция не означала «ослабления веры. Как раз напротив, она (*наука — Е.Н.*) была вознесена религиозным приливом, она оказалась на высоте бурного времени церковной реформации» [22, с. 401]. Наряду с научной революцией и растущей конфликтностью религиозного сознания европейцев важной чертой культурного и духовного развития Европы XVII в. становится, по словам российского филолога В.М. Алпатова, «вторая лингвистическая революция» [6, с. 10], которая выражается в развитии двух центральных идей: о множестве человеческих языков и их различиях и, в противовес, об универсальных свойствах и поиске общих оснований языка. Пьер Шоню отмечает, что «в начале XVII века утверждается наконец приоритет национальных языков в противовес монополии латинского», называя главным лингвистическим фактом времени повышение статуса разговорных языков [22, с. 406].

Рост приоритета национальных языков в немалой степени был связан с распространением образованности городского населения, повышением культуры чтения. Для протестантского мира Европы чтение и образование оставались ключом к религиозному Откровению. В связи с этим деятели Реформации способствовали распространению книгопечатания на национальных языках [13, с. 269]. Однако, как отмечает Жан Франсуа Жильмон: «Народное чтение поощрялось лишь в пределах Катехизиса и литургических текстов...» [13, с. 295]. При этом оно рассматривалось как один из значимых видов проповеди, наряду с пением псалмов и проповедью священника, произносимой с амвона [13, с. 295].

Так или иначе, европейское общество открыло для себя потребность в образовании и чтении, ставших неотъемлемой ценностью духовной жизни. Особо это проявлялось среди представителей элит и в университетских кругах.

Оставаясь провинциальной европейской глубинкой по отношению к доминирующим в культурном и интеллектуальном плане Италии, Франции, Англии [22, с. 406, 410], Пруссия в указанный период не только умножала свой политический потенциал, но и разносторонне участвовала в развитии Европы, укрепляя собственный образовательный центр, которым стал университет Кенигсберга. Сам город с начала XVI в. находился под влиянием династии Гогенцолернов. Когда Пруссия, после утраты влияния Тевтонским орденом, в период правления первого герцога Альбрехта Бранденбург-Ансбахского (1524–1568) была провозглашена лютеранским герцогством, Кенигсберг стал одним из оплотов религиозной политики династии, направленной на распространение и защиту чистоты учения Лютера. В 1544 году в Кенигсберге был основан университет, позднее в честь своего основателя получивший название Альбертина. В дальнейшем представители рода Гогенцоллернов неоднократно будут использовать его для разрешения как политических, так и богословских споров. Альбертина же на долгие годы станет школой

Di. n. h. w.
Huius Tractatus Symonici Bibliotheca
Wallenrodiensis in seruo voluit
Ernestus a Wallenrodt
Tribunalis; quod in Borussia est, Consiliarius

Рис. 1. Фрагмент листа с пометами и автографом Эрнста Валленродта

для подготовки протестантских проповедников и теологов и оплотом ортодоксального лютеранства [17, с. 78].

В пору Тридцатилетней войны (1618–1648) Альбертина стала мирным прибежищем для молодых людей из разных стран Европы. Университет Кенигсберга в то время принял около 7300 студентов [9, с. 21]. В 1641 г. герцогство вышло из войны, заявив о своем нейтралитете [8, с. 17–28]. За четыре года до окончания войны в 1644 г. Кенигсбергский университет отмечал свое столетие. «Великий курфюрст» Бранденбург-Пруссии Фридрих Вильгельм (1640–1688) расценивал юбилей Альбертины как значимый повод демонстрации достижений династии Гогенцоллернов и укрепления позиций Пруссии [17, с. 94].

Библиотека Валленродтов

как элемент культурного развития Кенигсберга XVII века

Семейная библиотека знатного прусского рода Валленродтов из Кенигсберга формировалась на протяжении нескольких столетий. Ее основателем является канцлер Прусского герцогства Мартин фон Валленродт (1570–1632). Он был образованным человеком, учился в университетах Кенигсберга и Марбурга, много путешествовал по Европе, разделял гуманистические ценности и с юности коллекционировал предметы искусства и книжной мудрости [19, с. 14]. Первое книжное собрание канцлера Валленродта, состоявшее из 3 тыс. томов, было уничтожено пожаром [16, с. 13]. Владелец частично восстановил библиотеку, теперь она насчитывала около 2 тыс. книг и рукописей. Это сокровище, как подлинный ценитель гуманистической культуры, Мартин фон Валленродт в 1629 г. завещал своим детям, и в дальнейшем библиотека, обладавшая значительной научной и культурной ценностью, была передана на хранение городу Кенигсбергу. В 1650 г. она была размещена в одном из пределов Кафедрального собора, а с 1673 г. стала публичной: доступ к книгам получили профессора и студенты университета, а также достойные образованные люди [17, с. 97–100]. Условием передачи библиотеки городу и университету было обеспечение сохранности книжной коллекции и обязательное участие прямых потомков Мартина фон Валленродта в управлении фондами библиотеки [16, с. 14].

После смерти канцлера куратором библиотеки стал его третий сын, Иоганн Эрнст фон Валленродт (1615–1697), который стремился сделать библиотеку гордостью Кенигсбергского университета. В 1658 г. Иоганн Валленродт завещал библиотеке на ее развитие 9000 марок [16, с. 12]. Одновременно с Иоганном Валленродтом библиотеку активно пополнял его кузен, Эрнст Валленродт (рис. 1). Благодаря Эрнсту Валленродту

Imp: J. S. F.
Optimum habere memoriam, et penitus in nullo
peccato divinitatis majoris gubens
mortalitatis est.

Рис. 2. Эклибрис библиотеки Валленродтов. 1721 г.

в библиотеке присутствуют многочисленные объемные конволюты, составленные по содержательному принципу, «свидетельством чего служат его дарственные записи на книгах, поступивших в библиотеку» [16, с. 14, 18]. Во многом дальнейшее развитие коллекции Валленродтов было связано с деятельностью университета Кенигсберга, его профессоров и хранителей библиотеки (1) (рис. 2).

Активный этап формирования библиотеки Валленродтов приходится на XVII век, и именно в данный период ее история тесно переплетается с общественной жизнью Кенигсберга. Подтверждение этому мы находим в многочисленных изданиях работ профессоров Кенигсбергского университета, местных поэтов, музыкантов и проповедников. Среди широко известных европейских авторов в общем ряду выделяются представители интеллектуального сообщества Кенигсберга, такие как профессор теологии Иоганн Бем (в Каталоге отражено 22 его работы), композитор и органист Кафедрального собора Генрих Альберт (№№ 864–868) [16], композитор Иоганн Вайхман (№№ 873–877), поэты Роджер Берген (№ 1096), Валентин Тило (№ 749), Кристофер Кальденбах (№№ 817, 898) и др. Особо широко в библиотеке Валленродтов представлено творчество поэта, профессора поэзии Симона Даха.

Отражение эпохи в творчестве Симона Даха: на примере материалов библиотеки Валленродтов

Работы Симона Даха в Каталоге библиотеки Валленродтов

Симон Дах (1605–1659) — один из наиболее ярких представителей духовной и культурной традиции Кенигсберга первой половины XVII в. Он получил образование в протестантском духе в школах Кенигсберга, Виттенберга, Магдебурга. Закончил Кенигсбергский университет, а в 1639 г., при поддержке курфюрста Георга Вильгельма (1619–1640) [12, с. 61–63], стал профессором поэзии. В дальнейшем в этом же университете пять раз избирался деканом, а в 1656 г. был избран ректором Альбертины [12, с. 68].

Активное участие С. Даха в культурной жизни Кенигсберга и Альбертины обнаруживается при близком знакомстве с его сочинениями. Изучение «Каталога книг из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН» позволяет говорить о наличии интереса владельцев библиотеки Валленродтов к творчеству поэта. Всего в Каталоге фигурирует 44 работы Симона Даха, включенных первоначальными владельцами в объемный том, сборник из 204-х изданий. Как можно видеть в Таблице 1, по годам издания сочинения Даха распределены неравномерно, наибольшее количество работ поэта приходится на 1648 год. Это довольно непростой период в жизни самого Симона Даха, когда ему пришлось писать эпитафии и посмертные казуальные стихотворения в адрес близких людей — профессора теологии Кенигсбергского университета Иоганна Бема и ближайшего друга поэта Х. Роберта Робертина.

Таблица 1. Распределение сочинений Симона Даха, представленных в Каталоге библиотеки Валленродтов (in quarto), по годам издания (3)

Год публикации	1632	1646	1647	1648	1654	1656
Количество изданных работ	1	5	10	24	1	3

Как отмечает К.К. Лавринович, Симон Дах «написал около полутора тысяч стихотворений, из которых шестую часть по латыни» [17, с. 95]. Будучи профессором поэзии в Альбертине, он не мог не писать офици-

альные тексты на латинском языке. Однако, литературное творчество, рассчитанное на горожан и заказчиков произведений «на случай», предполагало сочинительство на немецком. Очевидные приоритеты поэта в вопросах выбора языка диктовались и общим настроением эпохи — растущим противостоянием национальных языков и латыни во многих сферах духовной жизни общества XVII в. Из 44 работ Симона Даха, представленных в Каталоге Валленродтов, мы обнаруживаем всего три сочинения, написанных на латыни, что отражено в Таблице 2 (2).

Таблица 2. Распределение сочинений Симона Даха, представленных в Каталоге библиотеки Валленродтов (in quarto), по языку оригинала (3)

Год публикации	1632	1646	1647	1648	1654	1656
Немецкий	1	5	9	22	1	3
Латынь	–	–	1	2	–	–

Подчеркивая значимость творчества Симона Даха в культурном пространстве Кенигсберга, отметим, что, судя по описаниям составителей Каталога, все 44 его сочинения опубликованы в типографиях Кенигсберга двумя издателями, а именно Лоренцом Зегебаде (1584–1638) и Иоганном Ройснером (1598–1666). При этом в Каталоге Валленродтов БАН представлена только одна работа раннего Даха 1632 г., напечатанная Лоренцом Зегебаде [16, с. 206]. Однако после смерти Зегебаде курфюрст Георг Вильгельм (1619–1640) пригласил в Кенигсберг типографа Иоганна Ройснера из Ростока, который открыл собственную типографию, получив на это обширную привилегию [10, с. 107–108]. Начиная с 1646 г. работы Симона Даха, представленные в Каталоге, напечатаны исключительно Иоганном Ройснером.

*Темы творчества Симона Даха и его время
(на материалах библиотеки Валленродтов)*

В 1620-е годы в Кенигсберге формируется музыкально-поэтический кружок по образцу итальянских академий, которые представляли из себя свободные общества для занятия поэзией и философией. Он был сформирован поэтом и придворным советником юстиции Робертом Робертином в 1636 г. [10, с. 108]. Членами кружка были поэты К. Кальденбах, К. Вильков, В. Тило, Р. Берген, Г. Альберт. Руководил сообществом Симон Дах [17, с. 92]. Кружок одновременно носил несколько названий: «Сознательно говорящие о смерти», «Ревнителю бренности» и «Тыквенная хижина». Все эти названия прямо или косвенно указывают на основную идею сообщества — о неизбежности осознания скоротечности и бренности бытия. Члены кружка интересовались религиозной поэзией и музыкой. «Ревнителю бренности» воплощали в своей деятельности основные представления протестантизма о роли проповеди в укреплении веры, при этом важнейшей формой проповеди понимались песнопения и в целом музыка в сочетании с религиозной поэзией.

В Каталоге библиотеки Валленродтов мы неоднократно встречаем публикации религиозных стихов Симона Даха, положенных на музыку Генриха Альберта и Иоганна Вайхмана. Под порядковыми номерами

ми 864–868 Каталога представлено совместное произведение С. Даха и Г. Альберта «Плач о человеческой бренности на христианских похоронах...». Произведение рассчитано на многоголосное исполнение и представляет собой лютеранский хорал на четыре голоса, а также включает партию для прихожан [2]. Этот хорал, как нам представляется, также можно отнести к жанру произведений «на случай», которыми было широко известно творчество Симона Даха. Можно с уверенностью утверждать, что многочисленные «стихи на случай» были и способом литературного заработка для поэта, и несомненным проявлением его популярности как сочинителя. Симптоматично, что все сорок четыре работы из собрания Валленродтов *in quarto*, хранящиеся в Библиотеке РАН, относятся к этому жанру. Стихотворения С. Даха выделяются своей простотой и отсутствием в языке громоздкости и вычурности. Широко известна его ставшая популярной в народе песенка «Анхен из Тарау» [11, с. 44–45].

Идейная близость творчества членов кружка «Ревнители бренности» трагическому духу европейского XVII в. напрямую прослеживается в творчестве Симона Даха [14, с. 185]. Его настроения созвучны времени. Как никто другой из участников кружка, Симон Дах посвящает свое творчество поэтическому изображению внутреннего мира человека с его сомнениями и страданиями. В своих работах Дах бесстрашно раскрывает мир личных переживаний. В одном из произведений, «*Горький плач о великом, многоуважаемом, высокопросвещенном и знаменитом Х. Роберте Робертине...*», поэт с особой откровенностью говорит о своих чувствах. Роберт Робертин, которому было посвящено это стихотворение, не только являлся блистательной фигурой кружка «Ревнители бренности», но и был лучшим другом С. Даха.

Смерть Робертина стала ужасной утратой для Даха и участников кружка. В Каталоге представлен целый ряд проповедей и стихов, посвященных памяти Робертина (№№ 855–861) [16, с. 13]. Среди этих текстов три работы принадлежат перу Симона Даха. Две из них — стихотворения, написанные на немецком языке (№ 856 и № 860), а третья — эпитафия на латыни (№ 858) [1]. В стихах, посвященных Робертину, Дах выражает свои представления о дружбе как о важной сфере человеческой жизни. Дружба, как доверительные интимные отношения между людьми, приобретает в этот период особое звучание и культивируется европейскими интеллектуалами [21]. Как отмечает в своем исследовании А.В. Стогова, под влиянием ренессансной культуры образованные люди обращаются к античной истории и мифологии, возводя дружбу в ранг добродетели и рассматривая ее как нравственную ценность [21].

В упомянутом стихотворении «*Горький плач о великом, многоуважаемом, высокопросвещенном и знаменитом Х. Роберте Робертине...*» Симон Дах выражает подлинное чувство горя и глубоко интимные переживания, связанные с утратой близкого друга. В традициях интеллектуалов XVII в. поэт передает свое отношение к дружбе с помощью образов античных героев — Тесея и Пифея:

«...Исчез тот мир, в котором был Тесей, / Поклявшийся идти до гроба вместе. / Теперь один несет их бремя Пифей, / Покинутый приятелем навеки...» [4], (4).

В стихотворении ощутима личная трагедия поэта от потери друга. Дах пишет: «... Но кто залечит мои раны? / Раз добрый друг мой в небытие...». Поэт горько сожалеет об утрате подлинных близких отношений, когда-то открывавших для него мир красоты, музыки и поэзии: «...О, Робертин, ты был моей отрадой. / Того, в ком рифму и прибежище искал, / Кто был изящества живым твореньем / Смертельный сон забрал из мира на века. / О, не могу я более играть на скрипке! / Несут в гробу и на носилках / Того, кто воплощеньем Феба стал в моих очах...» [4].

Среди посвящений современникам, написанных Симоном Дахом, присутствует посмертная эпитафия на латыни (№ 886) [3] и стихотворение на немецком (№ 880) [5], в которых упоминается Иоганн Бем (1578–1648), чье имя связано с религиозной распрей в Альбертине, возникшей между двумя противоборствующими лагерями: ортодоксальными лютеранами и кальвинистами. Профессор теологии Иоганн Бем возглавлял ортодоксальную партию в начале XVII в. [17, с. 79]. Он выступал против политики курфюрста Иоганна Сигизмунда (1608–1619) и был идейной опорой прусской сословной оппозиции кальвинистской реформации Бранденбурга [7, с. 269]. Если судить по Каталогу библиотеки Валленродтов, то Иоганн Бем обладал высоким ученым и проповедническим авторитетом; в Каталоге мы обнаруживаем 22 записи с библиографическим описанием авторских работ Бема [16, с. 644]. В трудах Симона Даха он получает самые высокие характеристики как «защитник лютеранской веры», «высокообразованный муж», «заслуженный и известный профессор» [5].

Таким образом, при анализе работ Симона Даха, отраженных в Каталоге библиотеки Валленродтов БАН, прослеживается тесная связь автора и его эпохи. В произведениях Симона Даха отражены важные вехи духовной и интеллектуальной истории Кенигсберга, Пруссии и в целом европейской культуры XVII в.

Заключение

Обобщая результаты исследования, отметим, что частная библиотека не только демонстрирует уровень образованности и культурных запросов ее владельцев. Книжная коллекция представляет собой иллюстрацию исторического периода, на протяжении которого происходит ее формирование. Нередко, как это видно в случае с Валленродианой, библиотека аккумулирует судьбы современников, сводит воедино противоречия эпохи. В одном библиотечном каталоге уживаются непримиримые религиозные оппоненты, ученая и народная культуры, похоронная традиция и любовные стихи и др. Культурное пространство библиотеки Валленродтов содержит богатый пласт прусской истории XVII в., позволяет прочувствовать взаимосвязь религиозных, политических, образовательных, общественных процессов эпохи. Отражение творчества Симона Даха в этой библиотечной коллекции не случайно, поскольку библиотека, постоянно развиваясь, впитывала все новое в культурной жизни Кенигсберга, Пруссии, Европы в целом. Случай Симона Даха иллюстрирует, как постепенно в культурной жизни Германии утверждается немецкоязычная литературная традиция в противовес латыни, как по-

вседневная жизнь с ее невзгодами становится предметом поэтического вдохновения, как преломляется «большая история» в частной жизни человека. Исследование связи личности и эпохи, библиотечной коллекции и исторического периода не может быть закончено в принципе, сама по себе постановка вопроса является исследовательской перспективой. Однако, в случае с Валленроддианой, можно говорить о практических исследовательских задачах и, прежде всего, о составлении полного спектра работ Симона Даха, хранящихся в Библиотеке РАН.

Примечания

1. Экслибрис библиотеки Валленродтов (рис. 2), появившийся в 1721 г., сочетает герб рода с надписью: «Wallenrodiadum Magnus Maioribus ortahunc reliquis iunxit bibliotheca libris utere concessio lector tibi munere rite cunctaque patronis fausta precare meis». Перевод надписи: «Род Валленродтов, ведущий начало от славных предков, создает ныне эту библиотеку — потомкам. Читатель, пользуясь прилежно книжным собранием, прошу, поклонись памяти моих предков». Перевод выполнен Г.Н. Питулько.

2. Порядковые номера Каталога 822, 858 и 886.

3. Таблицы 1 и 2 составлены на основе анализа издания «Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: Каталог книг формата “in quarto”» [16].

4. Стихотворение «Горький плач о великом, многоуважаемом, высокопросвещенном и знаменитом Х. Роберте Робертине...» приводится в авторском переводе Е.Н. Ануфриевой.

Список источников

1. Epitaphium amplissimo consultissimo et clarissimo Dn. Roberto Robertino Supremi in Borussia Regiminis secretario viro Eruditione Judico, Candore, Incomparabili. Regimonti [Königsberg]: Typis Johannis Reusneri, Anno 1648.

2. Klage Über Menschliche Hinnfälligkeit Bey Christlicher Leichbestattung Des Weiland Ehrnvesten / Achtbarn und Wolverdienten / Herrn George Blumen / Churfl. Durchl. zu Brandenb. Preüssischen Wolverdienten Cantzley-Verwandten und Kriegs Registratorn, Welcher den 18. April: umb 1. Uhr nach Mittag sanfft und selig im Herrn entschlaffen / und den drauff folgenden 22. selbiges Monats in der Altstadt der Erden beygelegt worden / geschrieben Von Simon Dachen und In 5. Stimmen gesetzt Von Heinrich Alberten, Cantus. Königsberg: gedruckt durch Johann Reusnern, 1648. [4] c.

3. Piis manibus Johannis Behmii Theologi celeberrimi orthodoxae in Borussia Assertoris incomparabilis nocte intempesta et temestuosa corporis ergastulo soluti et coelo dudum desiderato recepti Epigramma. Regimonti [Königsberg]: Typis Johannis Reusneri, Anno 1648.

4. Bittere Klage Über Des weiland Gros Achtbarn / Hochgelarten und Weitberühmten H. Robert Roberthins / Churfl. Brandenb. Preüssischen Ober-und Regiments-Secretarij Meines / nechst Gott / herßliebsten und getrewesten Freüdes und hohen Gutthäters Unverhofftem und recht hochbetrübttem aber seligem Hintritt aus dieser Welt / Aus wehmütigem Herßen und schuldigster Trew geführt von mit Simon Dachen 1648. 10. Ostermonats-Tag. [Königsberg]: Gedruckt durch Johann Reusnern, [1648]. [8] c.

5. Letzte Pflicht Dem weiland Woll Ehrwürdigen/ Gros Achtbaren und Hochgelarten H. Johann Behmen / Der. H. Schrifft D. und derselben wolverdienten Hochberühmten Proffessori Publico Primario; und Facultatis Seniori, Churfürstl. Brandenb. Preussischen getrewen / sandt und hertzhaften Hoff-Predigern / und des Samländischen Geistlichen Gerichts Baysitzern, etc. Welcher / nach dem er gedachten Aemptern viertzig Jahr / löblich / getrewlich und diesem Hertzogthumb höchsterspriesslich vorgestanden. Newlich

1648. 27. Ostermonat in bestendiger Anruffung Jesu Christi sanfft und selig im siebenzigsten Jahr seines Alters eingeschlaffen / und darauff den 3 May Christlich und Ansehnlich in dem Fürstlichen Begräbniss im Thum eingesencken worden. Aus schuldiger Trawrigkeit geschrieben von Simon Dachen. Königsberg: Gedruckt durch Johann Reusnern, 1648. [12] с.
6. *Алпатов В.М.* История европейской лингвистической традиции // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2011. № 1. С. 7–13.
 7. *Беляев М.П.* Иоганн Бергиус — видный деятель Бранденбургской Реформации // Религия. Церковь. Общество. 2017. Вып. VI. С. 260–283.
 8. *Беляев М.П.* Бранденбург в системе военных союзов в годы Тридцатилетней войны // Исторические Исследования. 2020. № 15. С. 17–28. URL: <http://www.historystudies.msu.ru/ojs2/index.php/ISIS/article/view/273/627> (дата обращения: 07.09.2023).
 9. *Гальцов В.И.* Университет в Кенигсберге. Хроника событий и люди / отв. ред. А.П. Клемешев. Изд. 3-е, испр. и доп. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. 124 с.
 10. *Гаузе Ф.* Кенигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклин-гхаузен: Биттер, 1994. 316 с.
 11. *Гильманов В.Х., Мальцев Л.А.* Телеология начал в литературной судьбе Восточной Пруссии: монография. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2018. 257 с.
 12. *Гильманов В.Х.* Симон Дах в истории Кенигсбергского университета // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 12. С. 61–68.
 13. *Жильмон Ж.Ф.* Реформация и чтение // История чтения в Западном мире: от Античности до наших дней. Москва: ФАИР, 2008. С. 266–296.
 14. История зарубежной литературы XVII века. Москва: Высшая школа, 1999. 253 с.
 15. *Кенигсбергер Г.* Европа раннего нового времени: 1500–1789. Москва: Весь мир, 2006. 320 с.
 16. Книги из собрания Валленродтов в Библиотеке РАН: Каталог книг формата «in quarto» / [подгот. изд. Г.Н. Питулько]. Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. 1088 с.
 17. *Лавринович К.К.* Альбертина: очерки истории Кенигсбергского университета. К 450-летию со времени основания. Калининград, 1995. 416 с.
 18. *Лихачев Д.* Мысли о жизни. Письма о добром / Дмитрий Лихачев. Москва: Колибри: Азбука-Аттикус, 2014. 576 с.
 19. Меценатство в культурной памяти Калининградской области: [иллюстрированные очерки] / Калининградский региональный общественный фонд культуры; сост. И.А. Полякова; сост., авт. идеи Н.П. Перетьяка. Калининград, 2020. 56 с.
 20. *Савельева Е.А., Питулько Г.Н.* Валленродиада Библиотеки Академии наук // Петербургская библиотечная школа. 2014. № 1 (45). С. 55–61.
 21. *Стогова А.В.* Феномен дружбы в представлениях и социальной практике европейских интеллектуалов XVII века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. Москва, 2001. URL: <https://www.dissercat.com/content/fenomen-druzhby-v-predstavleniyakh-i-sotsialnoi-praktike-evropeiskikh-intellektualov-xvii-ve> (дата обращения: 07.09.2023).
 22. *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.

ANUFRIEVA E., PITULKO G. Cultural space of the Wallenrod's library: Simon Dach's Episode

Anufrieva Elizaveta — the winner of the Regional Conference of Research and Creative Works and Projects in the field of humanitarian culture «Likhachev Readings — 2023», a student of the 11th grade of School No. 169 with an in-depth study of English in the Central District of St. Petersburg

Saint-Petersburg, Russia, e-mail: ban-rio@yandex.ru

Pitulko Galina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations of the NWIM RANEPА, Senior Researcher of the Rare Book Department of RASL

ABSTRACT

The article deals with the issue about the historical specifics of gathering of the noble German family Wallenrodt's library which is partly presented in the collections of the Russian Academy of Sciences Library. The close connection between the bibliophile tradition of collecting and the cultural life of Koenigsberg of the 17th century is examined by the example of the work of Simon Dach, one of the most important writers of East Prussia at that time. The authors analyze the political, confessional, socio-cultural, artistic factors of the Wallenrodt collection. The article summarizes how the historical realities of Koenigsberg of the 17th century are refracted in the work of Simon Dach.

Keywords: Wallenrodt's Library, Russian Academy of Sciences Library, in quarto format, convolute, East Prussia of the 17th century, Koenigsberg, Albertina, The Reformation, Lutheranism, Simon Dach, Zealots of impermanence, the second linguistic revolution, works «just in case».

Научное издание

НАУКА И БИБЛИОТЕКА.
Сборник научных трудов. Вып. 7

Редактор *О.В. Холмогорова*
Оригинал-макет *А.В. Ухваловой*

12+

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-03

Подписано в печать 18.10.2023
Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.)
Печ. л. 13,6 (457,6 тыс. зн.). Заказ № 80

Отпечатано в ОПП БАН
(199034, Санкт-Петербург, Биржевая л., д. 1)